

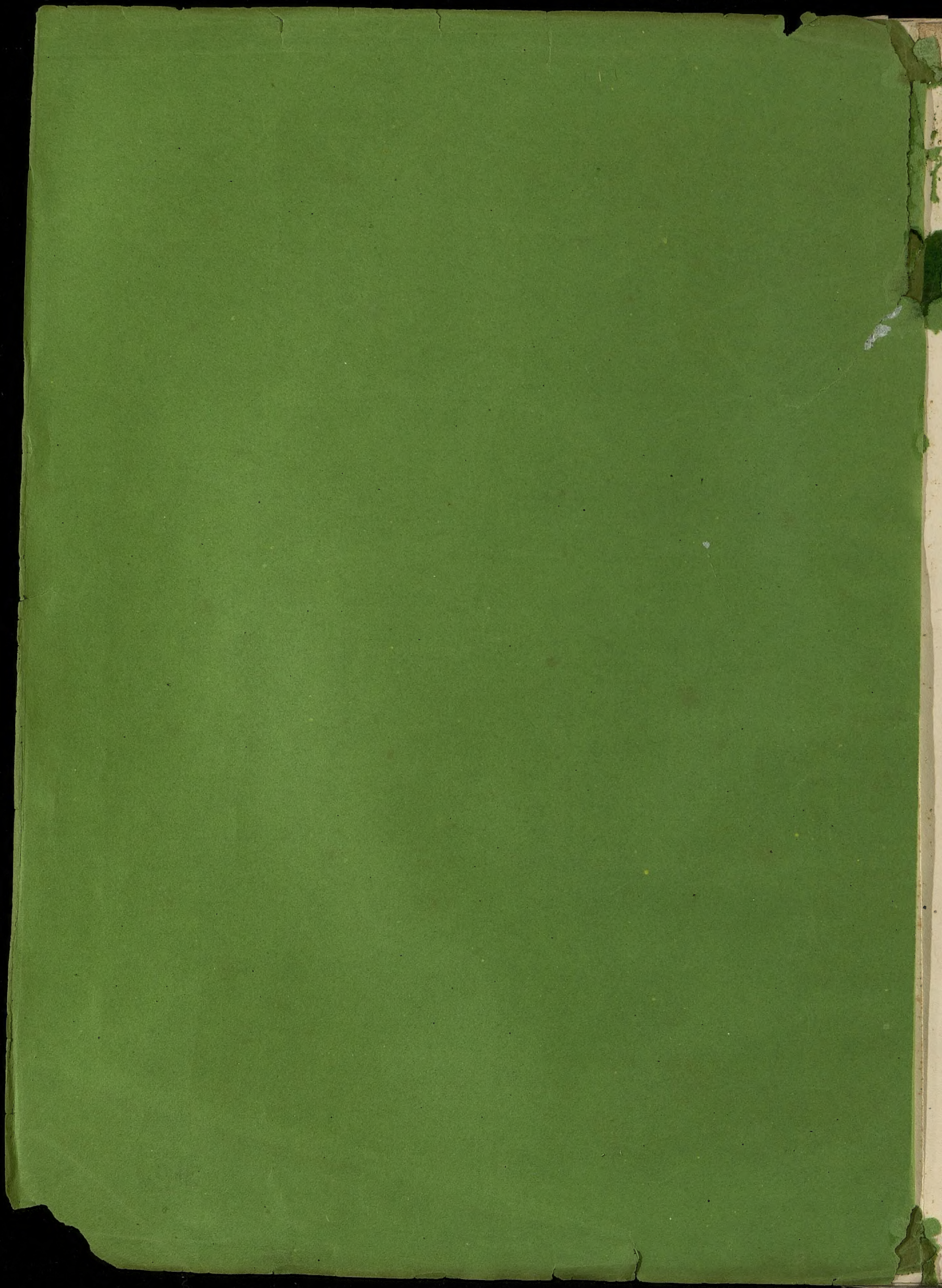
**ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.**

ИЗДАННЫѢ

ПО ВЪСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

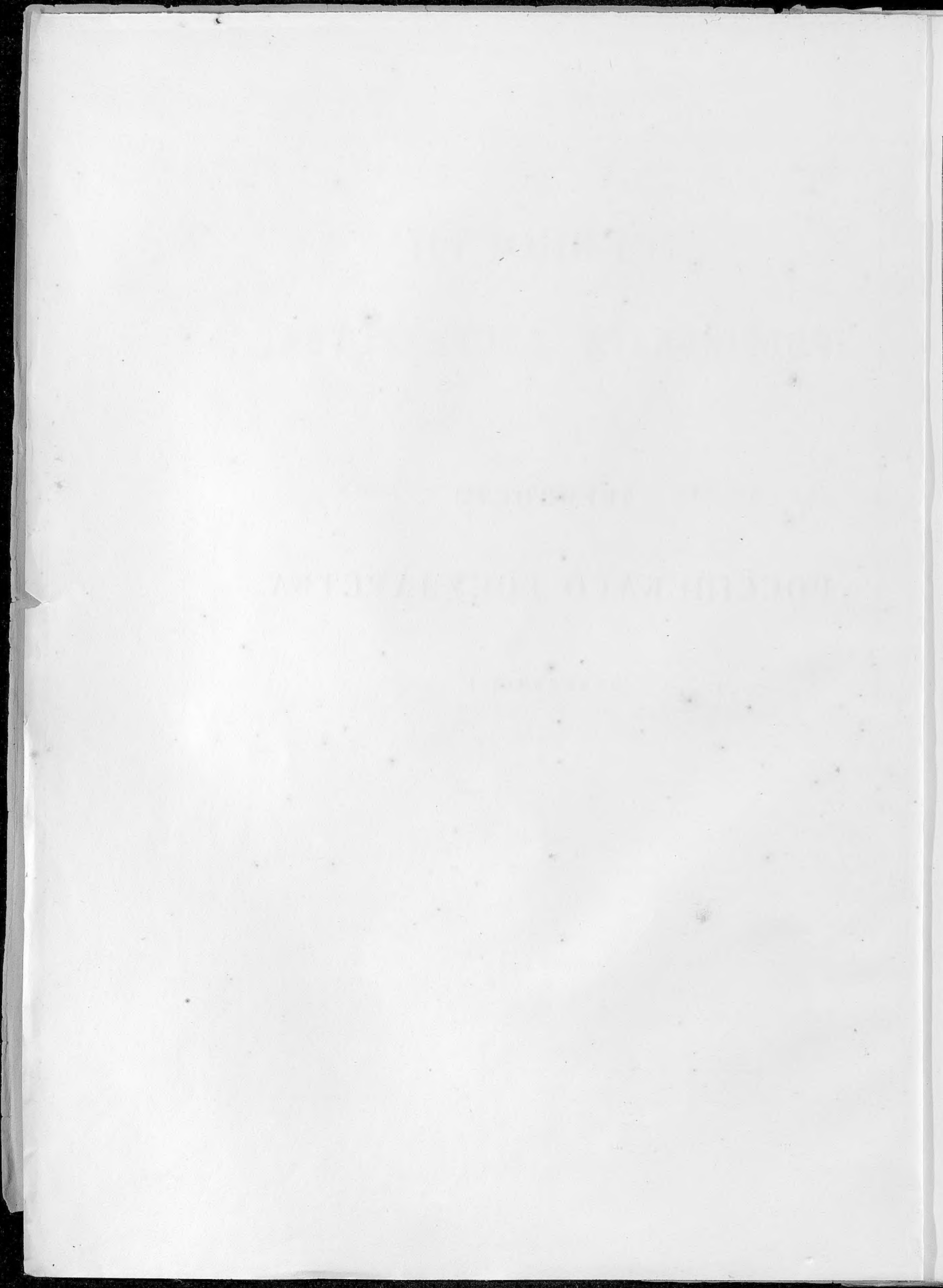

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

**ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,**

ИЗДАННЫЯ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.

1849.

Печатано по опредѣленію ВѢСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета для изданія
Древностей Россійскаго Государства.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Инв. №

1111

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ отъ Комитета изданія.	страницы I—IV.
ВВЕДЕНІЕ къ описанію художественныхъ памятниковъ церковной древности въ Россіи.	V—VIII.

СВ. ИКОНЫ.

1. Икона Владимірскія Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 1.</i>	3
2. Образъ Юасафовской Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 2.</i>	8
3. Св. Икона Одигитрии Смоленскія Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 3.</i>	10
4. Новгородскіе резные образа. <i>Рисунокъ Отд. I. N 4</i>	12
5. Новгородскій Образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы. <i>Рисунки Отд. I. N 5,</i> 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.	15
6. Стѣнной Образъ Спаса Смоленскаго. <i>Рисунокъ Отд. I. N 14.</i>	21
7. Образъ Св. Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго. <i>Рисунокъ Отд. I. N 15.</i>	23
8. Образъ Свирской Богоматери. <i>Рисунокъ Отд. I. N 16.</i>	26
9. Образъ Донскія Богоматери. <i>Рисунки Отд. I. N 17, 18, 19.</i>	27
10. Образъ Положенія Ризы Господней. <i>Рисунокъ Отд. I. N 20.</i>	29
11. Барельефъ, извѣстный подъ именемъ Образа св. Георгія. <i>Рисунокъ Отд. I. N 21.</i>	32
12. Древніе складни, тѣльничъ и бляха съ гербомъ. <i>Рисунокъ Отд. I. N 22.</i> .	40
13. Древнія гривны и образки. <i>Рисунокъ Отд. I. N 23.</i>	42

КРЕСТЫ.

	стран.
14. Новгородские наперсные кресты. <i>Рисунок Отд. I. N 24.</i>	46
15. Антониевъ крестъ воздвижительный. <i>Рисунки Отд. I. N 25, 26.</i>	47
16. Корсунские кресты. <i>Рисунки Отд. I. N 27, 28.</i>	49
17. Напрестольный крестъ Царя Юанна Васильевича. <i>Рисунки Отд. I. N 29, 30, 31, 32.</i>	51
18. Рѣзные кресты. <i>Рисунки Отд. I. N 33, 34.</i>	53
19. Измайловские крестъ и братина. <i>Рисунок Отд. I. N 35.</i>	58

УТВАРЬ ХРАМОВАЯ.

20. Царские брачные вѣнцы и Митрополичья панагия. <i>Рисунки Отд. I. N 36, 37.</i>	60
21. Золотое кадило въ Архангельскомъ соборѣ. <i>Рисунок Отд. I. N 38.</i>	63
22. Древняя кадила. <i>Рисунок Отд. I. N 39.</i>	64
23. Алабастръ. <i>Рисунок Отд. I. N 40.</i>	66
24. Коронка на гвоздь Господень. <i>Рисунок Отд. I. N 41.</i>	67
25. Яшмовый сосудъ для Царскаго миропомазанія. <i>Рисунки Отд. I. N 42, 43.</i>	69
26. Новгородская братина. <i>Рисунки Отд. I. N 44, 45.</i>	74
27. Новгородская лампада. <i>Рисунки Отд. I. N 46, 47.</i>	77
28. Железное Новгородское паникадило. <i>Рисунок Отд. I. N 48.</i>	80
29. Серебряная дарохранительница. <i>Рисунки Отд. I. N 49, 50, 51, 52.</i>	81
30. Дарохранительница. <i>Рисунок Отд. I. N 53.</i>	83
31. Панагия артосная. <i>Рисунки Отд. I. N 54, 55, 56, 57, 58.</i>	84
32. Старинныя лампы, кадила и труба Царя Ивана Васильевича. <i>Рисунок Отд. I. N 59.</i>	88
33. Слювы. <i>Рисунок Отд. I. N 60.</i>	89
34. Ковчегъ серебряный въ Архангельскомъ соборѣ. <i>Рисунок Отд. I. N 61.</i>	92
35. Старинная ладанница. <i>Рисунки Отд. I. N 62, 63.</i>	93
36. Ладанница. <i>Рисунки Отд. I. N 64, 65.</i>	94
37. Золотой потиръ Царя Θεодора Алексѣевича. <i>Рисунок Отд. I. N 66.</i>	95
38. Звѣздца и тарелочка золотыя и ложка костяная. <i>Рисунок Отд. I. N 67.</i>	96
39. Антоніевы сосуды. <i>Рисунок Отд. I. N 68.</i>	98

	VII
	стран.
40. Старинное паникадило теремной церкви. <i>Рисунок Отд. I. N 69.</i>	161
41. Старинное медное паникадило. <i>Рисунок Отд. I. N 70.</i>	102
42. Три старинные подсвѣчника. <i>Рисунок Отд. I. N 71.</i>	104
43. Древнія вощаницы. <i>Рисунки Отд. I. N 72, 73.</i>	105
44. Старинный фонарь. <i>Рисунок Отд. I. N 74.</i>	108
45. Чаша времени Царя Іоанна IV, панадѣль времени Царя Михаила Ѳеодоровича и старинное кадило. <i>Рисунок Отд. I. N 75.</i>	109
46. Било, рипида и крестикъ. <i>Рисунок Отд. I. N 76.</i>	110
47. Евангеліе, писанное Алексѣю въ XII вѣкѣ. <i>Рисунок Отд. I. N 77.</i>	112
48. Напрестольное Евангеліе начала XIV вѣка. <i>Рисунок Отд. I. N 78.</i>	114
49. Напрестольное Евангеліе конца XIV вѣка. <i>Рисунки Отд. I. N 79, 80, 81.</i>	116
50. Царское напрестольное Евангеліе 1693 года. <i>Рисунки Отд. I. N 82, 83, 84.</i>	118

ОБЛАЧЕНІЕ САНА ДУХОВНАГО.

51. Митры Іова и Никона, Патріарховъ всея Россіи. <i>Рисунки Отд. I. N 85, 90.</i>	120
52. Патріаршая митра. <i>Рисунок Отд. I. N 86.</i>	126
53. Митра Никона Патріарха. <i>Рисунок Отд. I. N 87.</i>	127
54. Митра пожалованная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Никону Патріарху. <i>Рисунок Отд. I. N 88.</i>	129
55. Греческая митра. <i>Рисунок Отд. I. N 89.</i>	130
56. Митра, присланная изъ Греціи къ Патріарху Никону. <i>Рисунок Отд. I. N 91.</i>	131
57. Патріаршіе клобуки. <i>Рисунки Отд. I. N 92, 93.</i>	133
58. Патріархъ Никонъ съ своимъ клиромъ. <i>Рисунок Отд. I. N 94.</i>	140
59. Патріаршая ходильная одежда. <i>Рисунки Отд. I. N 95, 103.</i>	145
60. Древнѣйшія облаченія Новгородскихъ Святителей. <i>Рисунки Отд. I. N 96, 97 98, 99, 100.</i>	149
61. Риза Преподобнаго Сергія и его ложка. <i>Рисунок Отд. I. N 101.</i>	151
62. Ножъ, ножны съ кошелькомъ и старинная деревянная чаша Преподобнаго Сергія. <i>Рисунок Отд. I. N 102.</i>	153
63. Клобукъ, трость, четки, шляпа, сапогъ, сандалин и брусокъ Никона Патріарха. <i>Рисунок Отд. I. N 103.</i>	155

VIII

	страниц
64. Архидерейскій посохъ и Царская чарочка. <i>Рисунокъ Отд. I N 104.</i>	156
65. Посохъ св. Епископа Никиты и Святительская панагия. <i>Рисунокъ Отд. I. N 105.</i>	157
66. Янтарный посохъ Патриарха Филарета Никитича. <i>Рисунокъ Отд. I. N 106.</i>	161
67. Нарамандъ, поясъ и чашечки, найденныя въ гробъ въ церкви Спаса на Бору. <i>Рисунокъ Отд. I. N 107.</i>	162
68. Панагия Патриарха Юасафа. <i>Рисунокъ Отд. I. N 108.</i>	167
69. Панагии Патриархия. <i>Рисунки Отд. I. N 109. 111.</i>	168
70. Панагия въ Архидерейской ризницѣ Владимирскаго Рождествена монастыря. <i>Рисунокъ Отд. I. N 110.</i>	173
71. Четки, кресла и столъ Никона Патриарха. <i>Рисунокъ Отд. I. 112.</i>	175

Сохраненіе памяти о временахъ прошедшихъ проявляется искони въ обычаяхъ Русскихъ Святителей, Великихъ князей, Бояръ и всего народа полагать въ храмы, на вѣчную память себѣ, иконы, одежды, утварь и различныя взносы на украшеніе церквей. Въ лѣтописи, въ годъ нашествія Монголовъ на Владиміръ, упоминается объ одеждахъ первыхъ Великихъ Князей « еже бяху повѣшали въ Церквахъ на память себѣ. » Храмы и были первыя хранилища сокровищъ Русской древности.

Гражданская Археологія, какъ наука, образовалась въ Россіи вмѣстѣ съ водвореніемъ понятія объ отечествѣ, со временъ Петра Великаго, какъ основателя существеннаго единства Царства и единства духа народнаго. При Императрицѣ Екатеринѣ положено начало своду лѣтописей; но Археологія, въ то время, занималась еще изученіемъ памятниковъ Греціи и Рима. Мысль объ образованіи отечественнаго хранилища древностей принадлежитъ Императору Александру; по его повелѣнію, основана Оружейная Палата, для помѣщенія и охраненія остатковъ древней Царской Большой Казны, которая нѣкогда приводила въ изумленіе пословъ Европейскихъ, горами золота, жемчугу и драгоценныхъ камней въ одеждахъ и утваряхъ царскихъ.

Но кромѣ этого богатства, сокровища древности разсыяны были по всей Россіи, въ ризницахъ храмовъ и монастырей, въ развалинахъ, въ забвеніи, подъ спудомъ новой жизни, изстребляясь, изтлѣвая и постепенно теряя свое

II

значение въ преданіяхъ. Время охраненія памятниковъ Россіи настало со вступленіемъ на престолъ и всеобъемлющею заботливостію благополучно Царствующаго Государа Императора Николая Павловича.

Повелѣвая свято хранить памятники и остатки древностей Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ соизволилъ, чтобъ все, что заслуживаетъ вниманіе и составляетъ матеріалъ Исторіи или предметъ археологической любознательности ученыхъ и художниковъ, было срисовано со всею отчетливостію, описано и издано въ свѣтъ. Исполненіе этого Высочайше возложено было на Г. Президента Императорской Академіи Художествъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Оленина, а изображеніе памятниковъ Русской старины поручено Г. Академику Солнцеву.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, совершая ежегодныя поѣздки по Россіи, Г. Солнцевъ срисовалъ значительное количество Русскихъ древностей — храмовыхъ, великокняжескихъ и царскихъ, ратныхъ и вообще напоминающихъ старину быта Русскаго и древняго Русскаго искусства.

Начатые многотрудные опыты изданія этихъ рисунковъ посредствомъ раскрашиванія гравированныхъ и литографическихъ очерковъ, были прерваны смертію ученаго и трудолюбиваго руководителя этого археографическаго изданія, Г. Президента Оленина. Государь Императоръ, съ благотворною попечительностію, соизволилъ принять подъ личную заботу собраніе драгоценныхъ рисунковъ древностей и непрерывную дѣятельность по этому предмету, и повелѣлъ учредить въ Москвѣ Комитетъ изданія Древностей Россійскаго Государства.

Предположенія и начала изданія Древностей Россійскаго Государства А. Н. Оленина, составляли личный его трудъ и опыты этнографическаго описанія Славяно-Руссовъ со временъ историческихъ. « Главная цѣль со-
« чиненія Древностей Россійскаго Государства, говоритъ Г. Оленинъ въ
« очеркѣ предисловія, будетъ состоять въ точнѣйшемъ изслѣдованіи пра-
« вовъ, обычаевъ и одежды или костюма Русскаго народа отъ VI до XVIII
« вѣка по Р. Х., особенно для художниковъ.... Въ этомъ собраніи самыхъ
« отчетливыхъ рисунковъ показаны будутъ настоящіе виды одѣяній, оружія,
« первобытныхъ жилищъ, храмовъ, зданій, скарба, однимъ словомъ, всѣхъ
« предметовъ, которые могутъ входить въ составъ этнографическихъ описа-
« ній племенъ Славянскихъ и особенно Русскаго народа. Къ сему своду
« историческихъ доказательствъ въ лицахъ, присовокуплено будетъ все, что

« у насъ въ Россіи имѣется изъ числа произведеній другихъ народовъ и все, « что можетъ служить яснымъ доводомъ къ подтвержденію сказаннаго о « многолюдныхъ племенахъ Славянъ въ письменныхъ преданіяхъ древнихъ « и новѣйшихъ авторовъ. »

Обширность этого предположенія и сравнительная метода описанія, имѣя свое великое значеніе для науки, какъ плодъ долговременнаго труда изыскателя, не могли быть приняты Комитетомъ въ основаніе; ибо главной, предназначенной цѣлью его было собственно изданіе собранныхъ рисунковъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности Русской, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ; но не ученія изысканія и не сравнительный, чисто этнографическій сводъ древностей Славянскихъ племенъ въ соприкосновеніи съ прочими народами.

Основываясь на этомъ, и приступая къ исполненію Высочайшей воли, Комитетъ распорядился о составленіи новаго проекта изданія и опыта о возможности печатанія акварельныхъ рисунковъ Г. Академика Солнцева посредствомъ литохроміи или печатанія масляными красками, въ Москвѣ.

Получивъ Высочайшее утвержденіе на проектъ изданія, а равно дарованныя щедротами Государа Императора средства къ безотлагательному и успѣшному исполненію, Комитетъ приступилъ къ изданію.

Первый отдѣлъ огромнаго и великолѣпнаго изданія « Древностей Россійскаго Государства » состоитъ изъ 500 большаго формата рисунковъ, распределенныхъ, по содержанію своему, на 6 отдѣленій, съ соотвѣтственнымъ описаніемъ.

Первое отдѣленіе Древностей Россійскаго Государства заключаетъ въ себѣ священные памятники: а) Образа и кресты, замѣчательные какъ по историческому значенію въ отношеніи отечественныхъ событій, такъ и въ художественномъ отношеніи разныхъ родовъ и школъ священной живописи. б) Утварь храмовую разныхъ временъ, избранную по древности, красотѣ формъ, драгоцѣнности, или сродству съ священными преданіями. в) Облаченіе сана духовнаго — одежды древнихъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, Патріарховъ и Святыхъ Отцовъ — сакосы, фелони, митры и проч.

Второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древній Царскій чинъ, или священное облаченіе Русскихъ Великихъ Князей и Царей при поставленіи на царство: послѣдственный вѣнецъ Россіи, св. бармы, скипетръ, державу, наперсный крестъ, присланные въ даръ Греческимъ Императоромъ, и изъ

вѣстные подъ названіемъ Мономаховыхъ. Царскія шапки большого и меньшаго наряда, шапки алмазныя, короны, державы, бармы, скипетры, жезлы и посохи, цѣпи, станovyе кафтаны и троны.

Третье отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю броню, и оружіе: шлемы, шпикаки, или ерпихонскія шапки, между которыми первое мѣсто занимаютъ шлемы Ярослава Всеволодовича и Александра Невского; мисюрки, или оглавія съ кольчужными полами, бахтерцы, зерцалы, кольчуги, наручи, бутурлики, юшманы; древнія знамена, щиты, торчи, шестоперы, пернаты и булавы; сабли, палаши, кончары, мечи, кинжалы, сѣкиры, чеканы, рогатины, протазаны, пицалы, самострѣлы, палучи и колчаны; древніе экипажи и конскую сбрую.

Четвертое отдѣленіе составляютъ древнія Великокняжескія, Царскія, Боярскія и мѣстныя народныя одежды въ изображеніяхъ и портретахъ, въ числѣ которыхъ изображеніе семейства Святослава Ярославича, портреты Филарета Никитича, Царя Феодора Алексѣевича и проч и проч.

Пятое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ древнюю Царскую столовую утварь: блюды, братины, кубки, чашы, ковши, кружки, рога, чарки, стопы, сулен, воронки, крошки, рукомойники и лохани, серебряныя бочки и ведры, сольники, стоянцы и проч.

Шестое отдѣленіе состоитъ изъ памятниковъ древняго Русскаго Зодчества.

Предсѣдатель Комитета Генералъ Адъютантъ Графъ Сергій Строгановъ.

Членъ Комитета Д. С. С. Михаилъ Загоскинъ.

Членъ Комитета С. С. Иванъ Снегиревъ.

Членъ Комитета И. С. Александръ Вельтманъ.

Москва.
Декабря 1848 года.

ВВЕДЕНІЕ

къ

ОПИСАНІЮ ХУДОЖНИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ

ЦЕРКОВНОЙ ДРЕВНОСТИ

ВЪ РОССИИ.

Представляя въ этомъ отдѣлѣ описаніе разныхъ предметовъ церковной Археологій, преимущественно Ангіографіи т. е. описанія сосудовъ, и иконографіи, (1) почитаемъ за необходимое представить въ краткомъ очеркѣ художническую дѣятельность старобытной Руси. Въ ней древнѣйшіе и драгоценнѣйшіе памятники иконописи и торевтики, или чеканной работы обязаны своимъ происхожденіемъ Религіи, которая, давая имъ направленіе, сообразно духу своему и цѣли, опредѣляла не только ихъ форму и назначеніе, но и самое вещество. Освященные ею художества сдѣлались служебными для Церкви, а произведенія ихъ были столько же памятниками благочестія, сколько искусства.

(1) Памятники церковнаго зодчества не вошли въ составъ сего изданія.

И такъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ искусства на Русь, единственнымъ его началомъ и средоточіемъ была Христіанская Вѣра. Оживотворяя явленія художествъ, развивая художественную силу въ народѣ, она употребила зодчество для сооруженія святоликихъ храмовъ, торевтику и живопись для украшенія ихъ св. утварями и образами. Хотя, согласно съ правилами своими, Церковь отвергла ваяніе, какъ изконное и обычное орудіе подолгоклонства; но допускала рѣзбу, изображавшую оброчно (рельефно) на деревѣ, кости и камнѣ, кресты, панагіи и св. иконы, позволяла изваянія на внѣшности храмовъ, каковы во Владимірѣ Кляземскомъ и Юрьевѣ Польскомъ.

Какъ первымъ разсадникомъ Христіанства, такъ и церковныхъ художествъ, былъ Кіевъ, потомъ Новгородъ, откуда онѣ проникли на сѣверо-востокъ Руси. Въ стольномъ городѣ Византійскіе Греки сооружали церкви, украшали ихъ иконописью, стѣнописью и Цареградскою мусією, произведеніями чеканной работы и литейнаго искусства. Перенесенный ими Византійскій церковный стиль усвоенъ былъ подражавшими имъ Русскими художниками. Отъ него произошелъ стиль *Корсуискій*, въ какомъ производили художники и ремесленники Корсуни Таврической и Корсуни Кіевской. (2) Въ послѣдствіи, слова *Греческій* и *Корсуискій* обратились въ нарицательныя, въ значеніи *отличный* и *превосходный*; онѣ даже придавались и произведеніямъ Русскихъ художниковъ, подражавшихъ этому стилю. Лѣтописи наши не рѣдко упоминаютъ о *Корсуискихъ колоколахъ, иконахъ и утваряхъ*. Художники въ Россіи, такъ какъ въ Греціи, Италіи, Германіи и Англіи, составляли товарищества или братства; почему лѣтописи наши, упоминая объ ихъ произведеніяхъ, прибавляютъ, что такой-то работалъ съ *дружи*, съ *братією*, съ *товарищи*, съ *ученики*. Такъ какъ нерѣдко художество съ его тайнами передавалось отъ отца къ сыновьямъ и внучатамъ: то и у Русскихъ, встрѣчаемъ нѣчто подобное такъ называемымъ у Нѣмцевъ *Künstlerfamilien*.

(2) Гор. Корсунъ въ Кіевской гб. въ Богуславскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Росѣ, вѣроятно, заселенный въ древности выходцами изъ Херсона Таврическаго. см. *Книга, глаголемая Большой Чертежъ*, М. 1846, въ 8.

Не соединяя съ художествомъ высокаго понятія о творчествѣ, а съ ремесломъ или *ремесломъ* унизительнаго, Русскіе въ древности еще не различали свободнаго художества отъ служебнаго, раболѣпнаго ремесла (3); но въ смыслѣ, отчасти близкомъ къ тому какой нынѣ даемъ художнику, они называли его *хитрецомъ*, *мастеромъ*, а художественность—*хитростію*. Вся хитрость состояла не столько въ изобрѣтеніи, сколько въ исполненіи, отдѣлкѣ.

Послѣ столькихъ разгромовъ, уцѣлѣвшіе остатки памятниковъ искусства видимъ въ открытыхъ недавно фрескахъ и мозаическихъ образахъ Софійскаго Кіевского собора и Десятинной церкви. Сохранившіяся въ церквахъ Кіева и время отъ времени выкапываемыя изъ земли разныя древнія утвари и узорочья свидѣтельствуютъ намъ о состояніи иконописи и торевтики до-Монгольскаго періода. (3) Золото и серебро, добываемое войною и торговлею, посвящалось на украшеніе св. иконъ и на устройство св. утварей. Торевтика выдѣлывала изъ серебра и золота рѣзные, чеканные и сканные вѣнцы, ризы, оплечья, гривны и дробницы на св. иконы, къ коимъ присоединялись украшенія изъ мусіи, финифти и черни. По видимому, съ особенною роскошью убранства *испещряемъ* былъ образъ Богоматери, которую псалмопѣвецъ такъ предъизображаетъ: « рясны златыи одѣяну и препещренну. » (4) На ея иконахъ, прославленныхъ чудесами, были въ числѣ прикрасокъ рясны, серги, ожерелья, цаты, гривны. Такъ изъ описанія образа Владимирскія Богоматери мы уже видѣли, сколько золота, серебра, жемчугу и дорогихъ камней употребилъ на ея убранство В. К. Андрей Боголюбскій. Какъ одно изъ главныхъ украшеній не только въ церквахъ, но и въ теремахъ, грідняхъ, хоромахъ и палатахъ составляли св. иконы; то благоговѣйное усердіе Князей, бояръ и богатыхъ купцовъ облакало ихъ драгоценными окладами.

Издвѣе также главнымъ предметомъ художнической дѣятельности на Руси были и *утвари* (*utensilia*) церковныя, кои не только значатъ сосуды и орудія, но и самыя одежды. По правиламъ Церкви, утвари сіи должны быть, сколько

(3) Въ Русской Правдѣ за годову ремесленника взималось 12 гривенъ, вдвое противъ холопа.

(4) Очеркъ исторіи города Кіева, *И. Закревскаго*. Ревель, 1836, въ 8.

(5) *Псал.* XLIV. 14.

возможно, « правильного устройства и лучшаго вещества. » (6) Всѣ сосуды и орудія, употребительныя при Богослуженіи, въ юридическомъ языкѣ *ges sacra*, вещи священныя, для церковнаго употребленія были благословенныя и освященныя. (7) Между ними первое мѣсто занимаютъ, какъ въ высшей степени священныя: *потиръ съ дискосомъ, звездицею и лжицею, ковчегъ* или *кивотъ* для храненія божественныхъ даровъ, потомъ *напрестольные крестъ и Евангеліе, рипиды, митры, наперсные кресты и панакіи* артосныя, трапезныя и столовыя, и прочая утварь, необходимая при богослуженіи; *водосвятныя чаши, укропники, или ковши* для теплоты, *сосуды виноводные*, (кукумы) *достоканы, анафорныя блюда* и пр. Наконецъ священныя облаченія, покровы, судари, (8) убрусы и пелены, кои торевтика нерѣдко украшала чеканными, сканными и рѣзными дробинцами и плащамъ. Въ нашей церковной древности встрѣчаются утвари, нынѣ или мало употребительныя, или уже вышедшія изъ употребленія. Таковы: *Іерусалимы*, или *Сіоны*, *кацеи*, или ручныя кадильницы, *артосныя панакіи, чаши Пречистыя, кратиры, фелони*, коихъ знаменованіе объяснено нами въ отдѣльныхъ статьяхъ. Утвари сіи составляютъ предметъ священной Ангіографіи.

Сколь важно историческое и догматико-символическое ихъ значеніе, столь занимательно ихъ отношеніе къ художествамъ, къ вѣку и мѣстности художниковъ. Проявляя въ нихъ свое *замышленіе, преимечтательность* и искусство, они нерѣдко присоединяли свое имя къ имени доброохотнаго дателя въ подписи на утвари. Иногда въ этихъ памятникахъ церковной древности поражаетъ насъ переходъ отъ скудости и простоты къ богатству и великолѣпію материаловъ, отъ деревянныхъ сосудовъ Препод. Сергія и Никона къ золотымъ потирамъ Патріарховъ Филарета и Никона. Бывали случаи, что древнія сіи утвари представлялись на отечественныхъ соборахъ въ утвержденіе православія и въ уликъ раскола. Такъ въ Москвѣ 1682 г. Патріархъ Іоа-

(6) Записки по церковному Законодѣнію. Кіевъ, 1848, въ 8.

(7) Требникъ М. Петра Могилы, ч. II, о различныхъ освященіяхъ о благословеніяхъ церковныхъ.

(8) Такъ читаемъ о сударяхъ (*sudaria*) въ описи Московск. Усп. собора, въ началѣ XVII вѣка. « Сударь, на немъ шиты святыя золотомъ и серебромъ по зеленой камкѣ, подложены тафтою « красною. »

кимъ на соборѣ предложилъ въ свидѣтельство четвероконечнаго креста Корсунскій крестъ и Антоніевъ потиръ.

Такъ какъ св. иконы и утвари составляли необходимую принадлежность и святыню церквей: то Греческіе, Корсунскіе и вмѣстѣ съ ними Русскіе художники и ремесленники трудились надъ украшеніемъ первыхъ и надъ выдѣлкою послѣднихъ. Сего требовало множество церквей въ Кіевѣ, особенное усердіе Князей и сановниковъ къ ихъ благолѣпію. Если справедливо сказаніе Епископа Мерзебургскаго Дитмара: то около 1018 г. въ Кіевѣ было болѣе 400 церквей; а Лаврентьевская и Новгородская лѣтописи свидѣлствуютъ, что 1124 года, тамъ сгорѣло однѣхъ церквей до шести сотъ. (9)

На сооруженіе великолѣпнѣйшей Софійской церкви Ярославъ I призвалъ почти всѣ образовательныя художества, зодчество, ваяніе, торевтику, также мозаику и живопись, коихъ остатки пережили до нашего времени всѣ опустошенія и расхищенія. Кромѣ Греческихъ художниковъ, украшавшихъ своими произведеніями, какъ этотъ, такъ и другіе храмы Кіевскіе, были и Русскіе, замѣчательнѣйшій изъ нихъ св. Алимпій Печерскій, мозаистъ и иконописецъ, о которомъ скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ. (10) Внутренность святилища блистала серебромъ и золотомъ, искусно отработаннымъ, красовалась мозаикою и мраморомъ, которые покрывали стѣны и помость: здѣсь соединялись хитрости Иерусалимскія и мудрости Цареградскія; а инокъ Феодоръ видѣлъ въ Варяжской пещерѣ множество сосудовъ Латинскихъ. Батій послѣ себя оставилъ въ Кіевѣ однѣ пожарища и развалины, гдѣ уцѣлѣли скудные остатки древняго великолѣпія. Но, кажется, непостижимо были церковныя сокровища Русскаго Иерусалима, какими надѣляло его святилища благочестивое усердіе богомольцевъ, стекавшихся туда изъ всей Россіи на поклоненіе; ибо св. Фотій Митрополитъ вывезъ оттуда въ Москву « все узорочіе церковное и сосуды » а Менгли-Гирей въ 1482 году, по взятіи сего священнаго града, прислалъ къ союзнику своему Іоанну III, похищенный тамъ золотой сосудъ съ дискосомъ.

(9) Очеркъ Исторіи города Кіева, сост. *Н. Закревскимъ*. Ревель, 1836, въ 8.—Обозрѣніе Кіева, въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1831 г. въ 4.

(10) *Патерикъ Печер.* гл. 153.

Художественная сила, проявлявшаяся въ матеріи градовъ Русскихъ, подъ вліяніемъ Византіійцевъ, разпространилась и на сѣверѣ Россіи, когда уже Кіевъ утратилъ прежнее свое значеніе. Такъ лѣтописецъ передаетъ намъ о святолюбности Владимирскаго собора, обогащеннаго В. К. Андреемъ Боголюбскимъ; онъ говоритъ о погибшихъ въ пожарѣ драгоценныхъ его узорочьяхъ, серебряныхъ паникадилахъ, золотыхъ сосудахъ, чудныхъ иконахъ, кованыхъ золотомъ съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, объ одеждахъ, шитыхъ золотомъ.» Боголюбскую церковь Рождества Богородицы, которую сравниваетъ лѣтописецъ съ храмомъ Соломоновымъ, сынъ Юрія Долгорукаго «устроилъ различными цатами, украсилъ ю и златомъ и финифтомъ и всякою добродѣтелью.» По комарамъ храма поставлены были золотыя птицы (потки), кубки и вѣтрила. (11) Этотъ же ревнитель церковнаго благолѣпія устроилъ въ соборную церковь три золотыхъ двери, такой же амвонъ, освѣтилъ ее золотыми и серебряными паникадилами, принесъ ей въ даръ изъ чистаго золота сосуды служебные, три Іерусалима и рипиды, усѣянные драгоценными камнями и жемчугомъ. Пожары и Батый лишили Владимиръ этихъ памятниковъ древняго художества. Соборныя церкви въ Новгородѣ, Суздаль и Ростовѣ славилась драгоценными утварями; въ двухъ послѣднихъ помостъ былъ изъ разноцвѣтнаго краснаго мрамора. Волынской лѣтописецъ рассказываетъ намъ о великолѣпнѣйшей церкви св. Іоанна, которую украсилъ Кн. Данилъ Галицкій, призвавшій «кузнецовъ желѣзу, мѣди и серебру изъ Нѣмцовъ, Ляховъ и Татаръ.» На этомъ храмѣ изваяны были головы человѣческія «изъ хитрею»; окна украшены Римскими стеклами, верхъ звѣздами золотыми по лазури, внутренній помостъ слитъ изъ мѣди и олова, блестящъ яко зеркало.» Две двери изъ Галицкаго и Холмскаго камня «изрыты изъ хитрею Авдеемъ.» (12) Также Владимиръ Васильковичъ Волынской надѣлялъ церкви коваными изъ серебра сосудами, иконами золотыми съ финифтью, слитъ мѣдныя двери. Все это не доказываетъ ли ревности державцевъ Русской земли къ благолѣпію храмовъ Божіихъ!

(11) Карамз. II. Г. Р. III, пр. 27. въ Кіевской лѣтоп.

(12) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II. 112.

Подобныя украшенія требовали дѣятельности художниковъ, которыхъ доставляла Россіи не одна Византія, но и Германія: уже въ Суздалѣ появляются и Русскіе мастера, которые замѣняли Нѣмцевъ. Для возобновленія тамъ соборной церкви 1193 г. Епископъ Іоаннъ искалъ художниковъ отъ Нѣмцевъ, «и обрѣте ихъ отъ работныхъ людей своей Епископыи.» (13) Торговля сношенія Новгорода съ Ганзейскими городами привлекали изъ Германіи художниковъ въ Россію, гдѣ они находили себѣ обширное поприще для дѣятельности. Нельзя не предполагать сочувствія имъ въ народѣ и художественной силы у Русскихъ, которая время отъ времени обнаруживалась въ произведеніяхъ отечественнаго искусства, даже среди разгромовъ Монголо-татарскаго періода. Были и Русскіе мастера, которые славились своимъ мастерствомъ даже въ Ордѣ, обильной сокровищами. Въ XIII вѣкѣ Илано-Карпинъ встрѣтилъ при Ханскомъ дворѣ любимаго Ханомъ Русскаго золотыхъ дѣлъ мастера Козьму, который устроилъ для Купца Царскій престолъ и печать. (14)

Въ то время, какъ самосудный Новгородъ цвѣлъ торговлею, изобиловалъ дорогими металлами, когда его храмы красовались богатыми утварями, искусно сдѣланными, тогда Великокняжескій и Святительскій престолы начали привлекать художниковъ въ юную Москву для сооруженія въ ней теремовъ Княжескихъ и храмовъ Божіихъ, для украшенія ихъ утварями подѣ въліянiемъ Византійскаго заветнаго стиля. Вмѣстѣ съ зодчествомъ, литейнымъ и живописнымъ искусствомъ появляются въ Московскомъ мірѣ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, славившіеся въ XIV вѣкѣ своими издѣліями. Таковы Парамша, Шышка и Макаръ, упоминаемые духовными грамотами Московскихъ Великихъ Князей. (15) Начиная отъ сына Калиты Іоанна, всѣ Великіе Князья благословляли дѣтей своихъ иконами и крестами Парамшина дѣла; В. К. Димитрій Донской завѣщевалъ своимъ наслѣдникамъ золотые пояса Макарова и Шышкина дѣла. Оклады Евангелій, устроенныхъ при В. К. Симеонѣ Гордомъ

(13) Никои. лѣтоп. II, 238.

(14) Собраніе путешествій къ Татарамъ. изд. *Д. Языковымъ*. Спб. 1828, въ 4.

(15) Собраніе Государствен. грамотъ, I, N 25 и 34.

и Василіи Димитріевичѣ, показываютъ, на какой степени была у Москвичей торевтика. Между тѣмъ какъ Москва славилась произведеніями искусствъ, по выраженію лѣтописца, *кипѣла богатствомъ*, пашествіе Тохтамыша обнажило ея храмы отъ драгоценныхъ утварей, чудныхъ памятниковъ отечественнаго, Византійскаго и Корсунскаго художествъ. Хотя Столица потерпѣла невознаградимыя утраты, хотя въ этотъ разгромъ лишилась многихъ св. драгоценностей; но она скоро вознаграждена была новыми пріобрѣтеніями. Въ началѣ XV вѣка, когда Москва еще боролась съ Ордою и Литвой, была жертвою междоусобій Княжескихъ, тогда союзникъ Ганзы, Новгородъ славился богатствами, питавшими художественность; Нѣмецкіе и отечественные мастера посвящали свое искусство на благолѣпіе многочисленныхъ храмовъ добровольнаго города, гдѣ духовные Владыки были первыми покровителями художествъ. Съ освобожденіемъ Россіи отъ Монголо-татарскаго ярма и съ утвержденіемъ единодержавія въ Москвѣ, настала новая эпоха для художниковъ, когда дѣло Греческое замѣнилось Фряжскимъ, когда свеженныя изъ Новгорода въ Москву сокровища давали средства къ художественной дѣятельности. Выѣхавшіе съ Греческою Царевною Софіею Греческіе и Римскіе художники, вызванные изъ Италіи, Германіи, и Далмаціи, Фряжскіе мастера съ дружинами и учениками, не только воздвигли Кремлевскія стѣны, палаты и храмы, но украшали послѣднія стѣнописью и драгоценными св. утварями. Венеціанскій посолъ Контарини 1476 года видѣлъ въ Москвѣ золотыхъ дѣлъ мастера изъ Катаро, который дѣлалъ для Великаго Князя много прекрасныхъ сосудовъ. (16)

Собиратель отечества, дальновидный Іоаннъ III заботился о пріобрѣтеніи мастеровъ, которые умѣли бы «раздѣлять золото и серебро,» чеканить его. Фряжскіе и Русскіе художники употреблены были имъ для произведенія драгоценныхъ утварей, изъ коихъ не многія здѣсь описаны. Въ духовной грамотѣ Іоанна III упомянуты сосуды или суды разнаго рода, кои имѣли въ домашнемъ обиходѣ свое особенное назначеніе.

(16) Библіотека иностранныхъ писателей въ Россіи, отд. I. Спб. 1836, въ 8.

Набожность внука его, Иоанна IV, доставляла занятіе серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые выковывали и чеканили изъ серебра и золота священныя утварь, украшая ихъ сканью, финифтью, мусією и чернью, жемчугами и драгоцѣнными камнями. При немъ и при сынѣ его Феодорѣ, сколько сдѣлано богатыхъ окладовъ серебряныхъ и золотыхъ на св. иконы и Евангелія, сколько гробницъ и ковчеговъ для св. мощей! Въ этихъ памятникахъ мусія, чернь, финифть и драгоцѣнные камни соединены были съ оброчною, рѣзною и сканною работою, такъ что искусство мастера, по видимому, соперничало съ драгоцѣнностью матеріала. Расходная книга Оружейной Палаты 1584 г. сохранила намъ самыя имена мастеровъ серебрянаго и золотого дѣла, которые трудились для Двора и Церкви. Между ними, какъ видно, были и Русскіе и чужеземцы: Клеусъ Савостьяновъ, Борисъ Томосовъ, Булгакъ Лисицынъ, Третьякъ Остафьевъ, Григоръ Романовъ, Никита Макаровъ, Василій Бѣлой, Иванъ Лисицынъ, Романъ Степановъ, Нечай Ильинъ, Лашукъ и Иванъ Лопухины, Гость Дмитрій, Некрасъ Михайловъ. (17) Венеціанскій ювелиръ Асцентини въ Москвѣ выгравилъ Борису Годунову большой изумрудъ для Царскаго перстня и вырѣзалъ Распятіе на агатѣ.

Чужестранные путешественники, съ удивленіемъ описывая намъ богатство и красоту Царской посуды, коей, по вкусу того времени, художники давали форму разныхъ птицъ и звѣрей, прославляютъ великолѣпіе церковныхъ утварей и образовъ, блиставшихъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Во дворцѣ Годунова Арсеній Архіепископъ Елассонскій видѣлъ мозаическіе образа отличнаго искусства. Если вѣрить Пясецкому, то Поляки 1611 г. нашли въ Москвѣ изваяніе І. Христа изъ чистаго золота въ мѣру возраста совершеннаго человека, вѣсомъ въ 350 фунтовъ. (18)

Василій Шуйскій, по недостатку въ деньгахъ, обратилъ въ монету изображенія вылитыхъ изъ золота XII Апостоловъ. Маржеретъ, описавшій намъ драгоцѣнные и огромные сосуды изъ серебра и золота въ Царскомъ дво-

(17) Книга расходн. маст. Оруж. Палаты, 1584 и 85 г. N 1236, въ 4.

(18) *Pauli Piasceii chronica gestorum in Europa memorabilium*. Cracoviae, 1645, in-f.

рѣ, утверждаетъ, что « все было дѣлано руками Русскихъ. » (19) Это свидѣтельствуемъ намъ объ успѣхахъ ваянія и литейнаго искусства въ Московскомъ мірѣ и вмѣстѣ о чрезвычайномъ обиліи благородныхъ металловъ.

Такая дѣятельность художествъ болѣе ограничивалась Церковью и Царскимъ дворомъ; но еще мало проникала въ народъ, хотя и находила въ немъ нѣкоторое сочувствіе; ибо, по свидѣтельству Припца Буххавскаго, « у бояръ на столахъ, по большей части, ставились блюда и бокалы деревянные, искусно сдѣланные монахами въ нѣкоторыхъ обителяхъ; одни « заздравные кубки были серебряные. » Еслижъ они и позволили себѣ роскошь и великолѣпіе, то преимущественно въ однихъ иконахъ (Божіемъ милосердіи), которыя, какъ мы замѣтили выше, составляли главное украшеніе ихъ хоромъ и теремовъ.

Въ началѣ XVII вѣка Россія утратила многіе памятники древняго искусства; нѣкоторые изъ нихъ сохранились только въ Сергіевой лаврѣ. Подобно Псковопечерскому монастырю, св. обитель не поддалась врагамъ и поддержала святу ю Русь.

По освобожденіи отъ Поляковъ и возобновленіи Москвы, начали въ нее стекаться отечественные и чужестранные художники, которые тамъ нашли себѣ обильную жатву для дѣятельности; Государи дома Романовыхъ призывая изъ Голландіи и Англіи рудокоповъ для отысканія мѣдной, серебряной и золотой руды въ Россіи, также поощряли искусства, необходимыя для снабженія разграбленныхъ церквей св. иконами и утварями. Въ вѣдомствѣ Царскаго и Патріаршаго дворовъ тогда были мастера серебрянаго, золотого и сканнаго дѣла, басемщики, которые посвящали свое досужество на Государевы и церковныя потребности: въ дѣлахъ Патріаршаго приказа 1668 г. они называются: *Государевы серебряныя палаты чеканнаго серебрянаго дѣла мастера*. Для Государевыхъ рабочихъ устроены были мѣста въверху Кремлевскихъ палатъ. (20) Царскіе мастера подвѣдомы были Приказу золотого и серебрянаго дѣла, который бралъ въ вѣчную службу добрыхъ мастеровъ

(19) *Estat de l'Empire de Russie*. Paris, 1607, p. 20.

(20) Истор. акты археогр. Комм. II, N 355.

изъ другихъ городовъ съ назначеніемъ имъ погоднаго жалованья: « а дѣлаютъ они, по свидѣтельству Кошихина, про Царскіи обиходъ суды всякіе и церковныя утвари; а на заводъ того дѣла серебро и золото емлютъ изъ Приказу Большія Казны.» Суды, или ковши, стопы, блюда и т. п. не только имѣли значеніе въ дворцовомъ обиходѣ, какъ домашняя столовая утварь, но какъ знаки отличія, кои жалуютъ были Государемъ за вѣрную и усердную службу. Кромѣ иногородныхъ и Московскихъ мастеровъ, вызываемы были искусные изъ Швеціи, Германіи и Англіи. Въ книгахъ Оружейной Палаты XVII столѣтія упомянуты: сканнаго дѣла мастеръ Англичанинъ Фридрихъ Маружинъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Яковъ Сифретъ, серебряники Яковъ Рамздесъ и Андрей Тирманъ, два брата Кисели, Шемяка Васильевъ, Гаврила Евдокимовъ, Кирилъ Пестриковъ, Иванъ Поповъ, Ѳеодоръ Исаковъ, Кирилъ Ѳеодуловъ, Иванъ Юрьевъ. Не только изъ западной Европы, но даже изъ Индіи и Персіи чрезъ Испаганскую торговую компанію Цари Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ выписывали золотописцевъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и грампильщиковъ. (21) Въ выѣздахъ иностранцевъ въ Россію встрѣчаются 1642 г. изъ Англіи золотыхъ дѣлъ мастеръ Томасъ Адвудъ, 1690 г. Гансъ Келмеръ съ ученикомъ своимъ Дитмеромъ, золотари Цесарецъ Францъ Карникъ и Гамбурганинъ Ефимъ Копертъ. (22) Мастера сіи, способствовавшіе къ усовершенію ювелирн. въ Московскомъ мірѣ, оставили намъ памятники своего искусства, кои принадлежатъ къ драгоцѣнностямъ Оружейной Палаты и церквей Московскихъ и иногородныхъ. Не останавливаясь на изученіи этихъ произведеній, не можемъ здѣсь не указать на превосходный въ своемъ родѣ памятникъ литейнаго и чеканнаго художества XVII вѣка—огромнѣйшее серебряное панкадило боярина Морозова, во 113 пудъ, которое до 1812 года украшало Московскій Успенскій соборъ. Для убранства и освѣщенія церквей панкадилами и лампадами были въ Москвѣ панкадильные мастера, изъ которыхъ особенно извѣстны по дѣ-

(21) Историч. описаніе древняго Росс. музея. ч. I. М. 1807, в. 1.

(22) Реестръ дѣламъ, содержащимъ въ себѣ выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей съ 1600 по 1763 г. N 61. Въ Главн. Моск. Арх. М. П. Д.

ламъ Патріаршаго Приказа и мастерской Палаты: Дмитрій Сверчковъ, Иванъ Госомъ, Иванъ Григорьевъ съ товарищи. Замѣчательныя памятники перваго удѣлѣн до нашего времени: мѣдныя шатеръ на ризу Господню и сѣнь надъ престоломъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа 1644 году упоминаются Патріаршіе серебряные мастера: Богданъ Максимовъ, Оеодоръ Тимоѣевъ, Оеодоръ Евсѣгѣевъ, Богданъ Бовыкинъ. По указу Никона Патріарха, 1658 г. устроена на чудотворный образъ Владимирскія Богоматери золотая риза золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ. (23) На форму, типъ, исправность и доброту устройства священныхъ утварей обращали вниманіе не только духовенство, но и свѣтская власть. Примѣры тому видимъ въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа и Оружейной Палаты. Указомъ 1751 года, Сентября 20, «предоставляется право купцу Кункину дѣлать сосуды, изображенія Евангелистовъ, кресты и оклады изъ золота и серебра самаго лучшаго и исправнаго въ изображеніи св. лицъ и прочаго благолѣпія работою.» (24)

Вообще въ произведеніяхъ древней нашей торевтики замѣчательна техническая часть, какъ по самому механизму, такъ и по вѣрности глазомѣра. Не многими, простыми, еще тогда неусовершенствованными орудіями, ловко и отчетливо художники работали многосложныя вещи отъ руки безъ помощи машинъ: въ дѣлѣ своемъ умѣли соединять прочность и удобство съ мелкою узорочностью. Узоры чеканились на самомъ корпусѣ сосуда. Въ исполненіи рисунка обнаруживается у нихъ вкусъ и симметричность, съ какою они располагали разнообразныя части цѣлаго, размѣщая въ приличныхъ мѣстахъ орнаменты, то припаянные, то привинченные, то накладные на корпусъ, поддонѣ, вѣнчикахъ, переймахъ, веревочкахъ, огнибахъ, личинахъ, дугахъ, проводкахъ, мишеняхъ, клеймахъ и т. д.

Механическая у нихъ техника не менѣе достойна вниманія, какъ и оптическая. Для той и другой у нихъ были особенныя приемы, смѣтливость, ловкость и бойкой ударъ чекана.

(23) Книга Патріарш. казеннаго приказа 7166 г. N 64.

(24) Полное собр. Законовъ, XIII, ст. 9885.

Такъ все кованое, чеканное и обрнное называлось въ древней Руси *кузнейю*, а *кузнецъ*, ковачь (*cusor*) тоже почти значилъ, что серебряникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ лѣтописяхъ *кузнейю церковною* именуется церковная казна, сокровище, состоящее преимущественно изъ утварей золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ. Всякая ковань представляется въ разныхъ видахъ: *чеканная*, производившаяся на бляхахъ обрнно посредствомъ чекановъ, рѣзцовъ или бородковъ разнаго рода, или *басменная*, *басебная*, *басмою* отъ Татарскаго слова *басма*, выбойка, когда на самыхъ тонкихъ площеныхъ листахъ изъ золота, серебра и мѣди выбивались разные узоры. Изъ такой басмы дѣлали оклады и вѣнцы на св. иконы, также панакіи, кресты, цаты, гривны, дробницы, плащи, копни украшались образа и св. утвари. Фигуры были *вальишныя*, или лптыя, массивныя и *тощія*, или выбивныя; что теперь называемъ рельефами, то прежде извѣстно было подъ именемъ *обрной работы*, которая дѣлалась *прорѣзная*, *чешуйчатая*, *ячейчатая*, *грановитая*, *дорожчатая*, *ложчатая*. Поверхность или земля сосуда наводилась *чернью* и *финифтью*, или украшалась сканью, или была *канфаренная*. (25)

Чернь, *черный финифтъ*, *черневая работа* (*niello*), извѣстная Византіицамъ, весьма была употребительна въ орнаментахъ торевтики; ею наводили травы, цвѣтки, личины и письма. Великій Устюгъ издревле славится черневою работою.

Финифть, въ старину называемая вообще *цениною*, наводилась на золотъ, серебръ и мѣди. (26) Посредствомъ ея изображали на посудѣ травы, цвѣты, разные узоры, личины и надписи.

Чтожъ касается до *сканнаго дѣла*, *скани* или *филограни*, (*opera venetica ad filum*) она извѣстна была Венеціанцамъ уже въ XIII столѣтіи; но употреблялась едва ли не прежде Византіійскими и Русскими художниками болѣе

(25) Канфаркою называется переводъ съ рисунка на металлъ.

(26) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора съ 1632 по 1682 г. изд. II. Строева. М. 1844, въ 4.

въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ утваряхъ. Сканныя сѣти дѣлались изъ выжиги, на подобіе кружевъ; наложенныя на корпусъ, или *пузо* сосуда, назывались *кожухами*.

Кромѣ этого, мастера украшали св. утвари самоцвѣтными и драгоценными камнями и разнаго рода жемчугомъ скатымъ, гурмыцкимъ или бурмыцкимъ (ормуздскимъ), кафимскимъ, цѣлымъ и половничатымъ. Изъ первыхъ наиболѣе употребительны были въ древности: вишсы, или бечеты, рубины, хризопразы, лалы, достоканы, лазоревые и зеленые яхонты, перелифты, или ониссы, бирюзы и пр. кои вставлялись на сняхъ и въ гнѣздахъ; на древнѣйшихъ утваряхъ они были неграненые, на позднѣйшихъ граненые. На этихъ утваряхъ встрѣчаемъ иногда камен, геммы и жуковины съ изображеніями лицъ Святыхъ, или аллегорическихъ фигуръ. Но бывали служебные потпры, высѣченные изъ сосурита, яшмы, сердолика и горнаго хрусталя съ золотыми и серебряными переймами, вѣнчиками и огнивами, какъ напр: Новгородскіе въ Москов. Успенскомъ соборѣ.

Употребляя все доступныя средства на то, чтобы придать своему издѣлію болѣе достоинства и лѣпоты, художники строго держались своего Византійскаго первообраза въ служебныхъ сосудахъ и другихъ св. утваряхъ. Если и позволяли они себѣ нѣкоторыя отступленія въ этихъ святыхъ и посвященныхъ утваряхъ, то болѣе въ частяхъ и подробностяхъ, не нарушавшихъ формы цѣлаго, напр: чаши у потпировъ устроивались, то цилиндрическія, то съ разваломъ на подобіе лилии, въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ, смотря по надобности. Художники, проникнутые религіознымъ чувствомъ, старались самыми формами пластическихъ произведеній выразить ихъ церковное значеніе. Такъ напр: Сіоны, кадилы, кацеп, ладоницы и ковчеги устроивали въ видѣ одноглаваго и пятиглаваго храма. Ковчегъ для храненія св. даровъ дѣлаемъ былъ иногда на подобіе голубя, который у Грековъ также назывался *периптерей* и просто *периптерей*, голубь. Слѣды такихъ золотыхъ и серебряныхъ голубей открываются въ Христіанскихъ церквахъ V и VI столѣтій. Св. Андрей Боголюбскій принесъ въ даръ Владимирской церкви золотого голубя; въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ до 1812 года висѣлъ надъ престоломъ золо-

той голубь. (27) Кресты на главахъ церковныхъ украшалъ также золотой голубь въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ. Рисунокъ (форма) крестовъ подвижныхъ, запрестольныхъ былъ не одинаковъ: они дѣлались безъ различія четвероконечные, шестиконечные и осмиконечные, съ литымъ, рѣзнымъ, черневымъ, финифтянымъ, или чеканнымъ Распятіемъ.

По образу Византійскихъ и западныхъ художниковъ, и отечественные наши замѣтывали орнаменты изъ области символической не только церковной, но и придуманной, завѣщанной художниками. Такъ на Ярославовой гробницѣ въ Кіевѣ находимъ древніе церковные символы, кои встрѣчаются на гробницахъ въ Римскихъ катакомбахъ: рыба, означающая І. Христа (*Ιχθὺς*, *Iesus Christus Dei filius salvator*) и пальмы, знаменующія побѣду надъ смертію. (28) На нѣкоторыхъ священныхъ утваряхъ и церковныхъ вратахъ изображены крылатые центавры, единороги, драконы, напр: на Новгородской лампадѣ, Корсунскихъ и Васильевскихъ воротахъ, подобно какъ на бронзовыхъ дверяхъ Аугсбургскаго собора, XI вѣка, на орнаментахъ Мюнстера въ Фрейбургѣ. (29)

Хотя этотъ символизмъ въ Русскомъ художествѣ, по видимому, былъ заимствованный и употреблялся не всегда съ яснымъ сознаниемъ подлиннаго значенія символовъ; но достоинъ точнѣйшаго изслѣдованія касательно его источниковъ и знаменованія. Такъ напр. изображение центавра на утваряхъ и вратахъ, вѣроятно, основано на явленіи въ пустыни св. Антонію сего чудовища, которое указало ему путь къ св. Павлу Оппейскому; (30) также въ представленіи единорога опирался на сказаніе Варлаама Индійскаго. (31) Не рѣдко символичес-

(27) Дюканжъ такъ объясняетъ сію утварь: *Vas in columbæ speciem effectum, in quo puxis ubi Domitium corpus ad infirmorum viaticum asservare solet, includitur* « Въ Треодионѣ 1668 г. такъ значитъ: Ключари снявъ золотой голубь, съ тѣломъ Христовымъ и относятъ на жертвенникъ для того, чтобы послѣ литургіи отпустить въ потиръ къ потребленію. » *Древняя Росс. Библиотика*. XI, 181.

(28) *Roma subterranea novissima*, op. P. Aringhi, t. II, 1659. Lutet. Par. in-f.

(29) *Mythologie u. Symbolik der christlichen Kunst*, von F. Piper, I. B. Weimar. 1847, in-12.

(30) *Чети-Миней* Январь 15. Житіе св. Павла Оппейскаго. « Узрѣ человека коню подобна. сего же стихотворцы Иппокентавромъ нарицають. »

(31) Исторія, или повѣсть о житіи Препод. Варлаама пустынножителя и о Асафѣ Царевичѣ Индійскомъ, напис. *Іоанномъ Дамаскимъ*. Москва, 1681, въ 4.

кимъ фигурамъ художникъ давалъ различное значеніе согласно съ Св. Писаніемъ и отеческими книгами.

Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что въ средневѣковое искусство вмѣстѣ съ религіознымъ направленіемъ проникалъ и языческій элементъ древняго міра, не болѣе, какъ мертвая форма, служившая орнаментомъ.

Хотя въ древнемъ Русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соотвѣтственнаго техническому въ искусствѣ названію *стиль* и *типъ*; но отчасти сходенъ съ значеніемъ ихъ въ иконописи *пошибъ*, а въ пластическихъ искусствахъ *дѣло*, или работа, которая заимствовала свое названіе или от мѣстности или от лица, какъ то: *дѣло Цареградское, Греческое, Корсуиское, Фряжское, Турское, Кизилбаишское или Персидское, Нѣмецкое, Московское*; (32) *дѣло Шинкино, Парамшино, Макарово*.

Положимъ, что въ этихъ памятникахъ не преобладаетъ и не выказывается сила творчества, дающаго высокое значеніе произведеніямъ искусства; но они не чужды того живаго вачала художественности, которое простой механизмъ технической работы сочетало съ важностью и значеніемъ, церковнаго искусства. Самое множество и богатство св. утварей служитъ доказательствомъ обилія драгоценныхъ металловъ и камней въ древней Руси, свидѣтельствомъ благочестивой ревности къ украшенію храмовъ Божіихъ. О нѣкоторой степени развитія художественной силы и сознанія ея въ народѣ даетъ намъ понятіе и техническій языкъ и тотъ восторгъ, съ какимъ говорятъ намъ лѣтописцы о превосходныхъ произведеніяхъ искусства, называя ихъ *дивными, чудными, прелезметанными*. Искусное мастерство цѣнилось выше драгоценнаго вещества. *Не то дорого, говоритъ старая народная пословица, что красного золота; но то дорого, что добраго мастера*. Съ одной стороны доброохотные датели жертвовали своими сокровищами на устройство благолѣпныхъ утварей храмовыхъ и на украшеніе св. иконъ, съ другой художники посвящали Церкви свое искусство, какъ усердный вкладъ. Въ добросовѣстномъ ихъ трудѣ одушевляла ихъ благоговѣйная мысль, что они работаютъ для дома Божія.

(32) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Феодора, съ 1632 по 1682-годъ, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

Съ памятниками иконописи связана не только ея исторія, но и ученіе о вѣрѣ и благочестіи, словомъ, вся релігіозная жизнь народа, который издревле признавалъ это искусство священнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ Церкви православной; въ ней оно получило неоспоримое право гражданства. Какъ благословенное орудіе вѣры и благочестія, какъ необходимая принадлежность богослуженія, церковная живопись олицетворяла важнѣйшіе догматы, заветныя преданія Церкви, ея символы и событія; потому что возстановленіе и утвержденіе иконопочитанія VII вселенскимъ соборомъ прямо выходило изъ понятія о Церкви, изъ необходимости для человѣка внѣшняго богослуженія, основывалось на писаніи, преданіи и чудесахъ отъ св. иконъ. (33) Цѣлью церковной иконописи было содѣйствовать живому проповѣданію предметовъ вѣрованія и возбуждать богоговѣйныя чувствованія изображеніемъ Святыхъ. (34)

Среди мрака невѣжества, объявшаго Европу, Византійское иконописное искусство, сохранивъ свои преданія, завѣщало ихъ въ послѣдіе Западу и Сѣверу. Тамъ оно при развитіи своемъ подверглось измѣненіямъ, здѣсь Церковь охраняла неподвижность древняго его типа и характера.

И такъ въ отечественной Церкви оно водворено съ его догматическимъ значеніемъ, съ его узаконенными формами, кои не подчинялись прихотливимъ требованіямъ измѣнчиваго быта человѣческаго.

Коренною основой иконописанія была исторія и преданіе; основателемъ его—Евангелистъ Лука. Византійская школа, образованная подъ непосредственнымъ вліяніемъ и въ духѣ Восточной Церкви, усвоила себѣ столь самобытныя и законныя черты Спасителя, Богоматери, Предтечи и Апостоловъ, что ихъ легко отличить и въ нескусномъ рисункѣ. Каждому лицу дана своя *опись* и свой характеръ, напр: Господу Саваоѣу святолюбное и строгое величіе Вѣтхаго деньми, І. Христу въ крестныхъ страданіяхъ смиреніе и *божественное истощаніе*, (35) а на престолѣ славы богоначальная сановитость

(33) Начертаніе церков. Исторіи (Преосв. Пимокентія Смирнова), отд. I, изд. 3. Спб. 1823, въ 8.

(34) О иконописаніи (Преосв. Анатолія). М. 1845, въ 8.

(35) Чудесный образъ Эдесскій. въ *Вѣдом. Моск. Город. Пол.* 1848, N 84.

ХУІІІ

Судія, Богоматери умилеііе, Святымъ таже глубина смиренія, какое превознесло Ходатая Бога и человекѡвъ предъ очами человекѡчества и Отца небеснаго. Просвѣтлѣнныя лица Ангелѡвъ являютъ небесное ихъ происхожденіе.

Отличительными чертами этой школы было строгое приличіе, условное положеніе фигуръ, спокойствіе сочиненія, согласнаго съ преданіемъ и библейскою описовкою лицъ. (36) Казалось, она мало обращала вниманія на складъ стана, на пропорцію головъ и лицъ, на положеніе (позу), на раздѣленіе плановъ, на перспективу; вся *опись* тѣла человекѡческаго, выказываясь у ней только въ общихъ, *рѣдкихъ*, но не *частыхъ чертахъ*, мало способствуетъ къ выраженію плотской жизни. Не смотря на грубость фигуръ, писанныхъ въ такихъ чертахъ, онѣ запечатлѣны какимъ-то духовнымъ величіемъ и сановитостью, внушающими невольное благоговѣніе. Устраняя отъ взора прелесть чувственнаго, скромность ея до того простиралась, что, кромѣ лица, рукъ и ногъ, она не представляла наготы тѣла, развѣ только въ изображеніи Распятаго Христа и страданій Мучениковъ. Драпировка, или *доличное*, проста, соотвѣтственна и не высканна. При этомъ надобно замѣтить, что вообще иконописцы носятъ на себѣ отпечатокъ сознанаго символическаго характера, согласнаго съ направленіемъ древле-христіанскаго искусства, которое соединяло въ себѣ историческое съ символическимъ. Въ этой школѣ, получившей свое бытіе въ нѣдрахъ первенствующей Церкви, искусство принято не за цѣль, а за средство; ибо оно въ произведеніяхъ своихъ стремилось выразить преобладаніе безсмертнаго духа надъ тѣлѣнною плотію. Представляя существа не земныя, не плотскія, но небесныя, *премірныя*, она давала имъ подобіе видѣній или мощей, облакала ихъ какимъ-то полумракомъ. Отъ сего и въ колоритѣ ея, подчиняемомъ высшимъ цѣлямъ, свѣтъ уступаетъ тѣни: эта раскраска суха и темна, но тверда, рѣзка и не лишена теплоты. Подобно формамъ, въ Византійской школѣ узаконены немногіе и основные колера, или цвѣта, соотвѣтствующіе ея типу.

(36) Въ Московскомъ Сборникѣ 1847, ст. Г. Чижова

Представленные здѣсь образцы древняго Византійскаго, Корсунскаго и Русскаго иконописанія, изъ разныхъ вѣковъ, сближаютъ насъ съ исторіей его въ Россіи, гдѣ оно, отъ самаго появленія своего, шло рука объ руку съ православною вѣрой, гдѣ было всегда служебнымъ орудіемъ Церкви. Возобновляя въ памяти нашей постепенное его развитіе, то упадокъ, то возрожденіе, памятники сіи указываютъ намъ на самыхъ дѣятелей, на мѣсто и время ихъ дѣятельности, также на побужденіе къ распространенію этого художества въ южной, западной и сѣверовосточной Россіи.

Тамъ вмѣстѣ съ первыми проповѣдниками Евангелія явилось и это священное художество, возникшее еще во времена Апостольскія и завѣщанное Христіанскому міру первенствующею Церковью. Византійскіе зоографы передали намъ не только самое искусство и его произведенія, но и типы лицъ, принятые и утвержденные Отцами Церкви. Колыбелью Христіанства и церковной живописи на Русіи былъ Кіевъ, гдѣ, еще до обращенія Владиміра I, были церкви, слѣдственно и образа, и гдѣ въ XII столѣтіи, по свидѣтельству Епископа Симона, сохранились въ Печерскомъ монастырѣ *свитки* и *книги* Византійскихъ зоографовъ. (37) Если принять *свитки* за хартіи, на коихъ изображались эскизы и прорисы Святыхъ, то онѣ были основаніемъ Подлинниковъ, такъ какъ самые Византійскіе художники, писавшіе въ Печерской лаврѣ, основателями иконописанія въ Россіи. Но въ рукописномъ Патерикѣ, откуда взято Карамзиннымъ это свѣдѣніе, вмѣсто *свитки*, поставлено *свиты*, т. е. нижняя одежда, «блудомы на полатахъ въ память таковаго чудесе,» т. е. явленія имъ св. Антонія и Θεодосія въ Царьградѣ и найма для работы въ Кіевѣ. (38) Остается вѣроятность предполагать, что упомянутыя въ Патерикѣ *Греческія книги* Цареградскихъ зоографовъ могли содержать въ себѣ начатки Подлинника, т. е. правила или указанія, какъ писать лики Святыхъ и какъ составлять краски; потому что *книги* въ древности значили свитки, хартіи, письма и писма. При томъ въ предисловіи къ Подлинникамъ XVII вѣка сказано, что во дни Великихъ и Благочестивыхъ Князей Росс. преписывались (мѣсячныя иконы)

(37) Карамз. II. Г. Р. II, пр. 158.

(38) тамъ же III, пр. 109. «и книги и порты Блажен. Князей, еже бяху повѣшаны въ церквахъ на память собѣ.»

древними Греческими и Росскими изографы.» (39) Византийскіе лицевые Подлинники извѣстны съ X вѣка. Императоръ Василій Булгароктонъ украсилъ Греческій мѣсяцословъ изображеніями, а Папа Венедиктъ XIII издалъ его на Греческомъ съ Латинскимъ переводомъ: *Menologion Græcorum, jussu Basilii Imperatoris olim editum, magnificentia et liberalitate sc. dni nostri Benedicti XIII, in III partes divisum, nunc primum græce et latine Annibalis T. S. Clementis presbyteri card. Albani S. R. E. camerarii et Basilicæ Vaticanæ Archipræsbyteri. P. I. Urbini, 1727, in f.* Левъ Алмаціи упоминаетъ о другомъ Менологіи X вѣка, съ изображеніями, о коемъ Маттеи говоритъ: *hic codex multorum sanctorum imaginibus insignis est, t. e. этотъ кодексъ замѣчательнъ изображеніями многихъ Святыхъ*; потомъ между Типографскими рукописями есть подъ N I, въ л. съ 24 живописными изображеніями къ 24 пкосамъ и кондакамъ Акаѳста Божіей Матери, X вѣка, (*κοντάκιον μετὰ τῶν εἰκονιστικῶν οἰκῶν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου*). Извѣстные намъ такіе рукописные Подлинники указываютъ не на свитки и книги Византийскихъ иконописцевъ въ Кіевѣ, но на Аѳонъ, какъ замѣчаетъ Профессоръ Горскій. Въ святогорскихъ монастыряхъ Г. Дидронъ нашелъ рукопись: *Ἐρμηνεία τῆς Ζωγραφικῆς*, т. е. руководство къ живописи, которое онъ относитъ къ XI или XII вѣку, между тѣмъ какъ упомянуты тамъ Святые XIV вѣка: св. Григорій Палама и Патріархъ Филофей, и приведено составленіе красокъ Московскими художниками. Образномъ и руководствомъ иконописанія поставляется Мануилъ Панселинъ. (40) Въ Московской Патріаршей библіотекѣ, подъ N CI, хранится рукопись X вѣка, съ миниатюрными изображеніями: *περὶ χαρακτήρων θεοφόρων πατέρων*, о изображеніяхъ богоносныхъ отцевъ. (41)

По сему болѣе опредѣлительныя руководства къ изображенію Святыхъ можно находить въ древнихъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ житія, или сочиненія съ миниатюрами. Такъ какъ Греческіе иконописцы съ товарищами своими вре-

(39) Книга Менологіумъ, или рещи Мартирологіумъ, еже есть выписанье. рукоп. 1658, въ 12.

(40) *Accurata codicum Græcorum mss. bibliothecarum Mosquensium sanct. Synodi notitia et recensio* ed. a C. F. de *Matthæi*. t. I. Lipsiæ, 1805, in-8.

(41) *Manuel d'Iconographie chrétienne grecque et latine, trad. de manuscrit byzantin par le D. P. Durand, avec une introduction et des notes, par Didron. à Paris. 1845, in-8. Nachricht über ein neugriechisches Mahlerbuch, въ Kunstblatt, 1832, N 1—5.*

мя отъ времени вызываемы были въ Кіевъ, Новгородъ и Владимиръ: то, безъ сомнѣнія, они передали Русскимъ ученикамъ своимъ Подлинники свои, кои переведены были на Русскій языкъ съ дополненіями. Болѣе или менѣе полныя списки ихъ распространились изъ Кіева и Новгорода по всей Россіи.

Такой Подлинникъ, иначе Образникъ и Персональникъ, издревле въ Россіи служилъ и донынѣ служитъ для иконописцевъ руководствомъ въ писаніи св. иконъ: изъ него они заимствуютъ не только типы лицъ и костюмъ или доличное, но даже цвѣтъ верхней и нижней одежды, самыя подписи на хартіяхъ и свиткахъ изъ библейскихъ и отеческихъ книгъ, также изъ писаній Еллинскихъ мудрецовъ. Нѣкоторые изъ Подлинниковъ встрѣчаются *лицевые*, т. е. съ прорисовками, или снимками образовъ. Въ одномъ изъ нихъ опредѣлена и мѣра человѣческому тѣлу: « семь главъ его высота, а лактей « его отъ плечъ до пяты три, а локоть полтретей пяди, а пяди длинна длань, « а длань мѣра лицу его, отъ бороды до власъ равно со лбомъ, длины ступени « равны съ главною длиною, в локоть ступени два, носъ на лице не высту- « пенъ вдоль, равенъ съ ушми, ширина в платѣе челоуѣку в плечехъ локоть, « уши длинна большой мизинецъ равно съ суставомъ ступеней шести челоуѣкъ. »

Это типическое сочиненіе дошло до насъ только въ спискахъ не старѣе XVI столѣтія; первоначальный его составъ неизвѣстенъ; изъ него сохранился одинъ *Мѣсячный Подлинникъ*. (42) Самое названіе его, по видимому, есть переводъ Греч. слова: *ὑπογραφή*, подпись, очеркъ, образецъ. Въ рукописи Царскаго 1658 г. Подлинникъ этотъ называется « Менологіумъ и « мартирологіонъ, еже есть выличеніе на кійждый день святыхъ. Восточный « Цесарь Василій Македонянинъ (?) повелѣ писменными образы описать и « пакы пространнѣ той менологіумъ изображенъ древле Греческими мудры- « ми и трудолюбивѣйшими живописцы во дни Іустиніана Царя Великаго, « егда созидая премудрость Слова Божія, великую церковь, земное небо, « и ту 360 престоловъ, глаголютъ, создани быша, на кійждо день во имя « святаго храмъ, тамо и образъ. » Остатки такихъ *выличеній*, говоритъ « Предисловіе, сохранились въ Аѳонской горѣ, и отъ тѣхъ переводовъ, еще

(42) см. Исслѣдованія о Русскомъ иконописаніи, г. Сахарова, кн. I. Спб. 1849, вѣ 8.

« во дни Великихъ и Благовѣрныхъ Князей Рускихъ, преписывалися древ-
« ними Греческими и Русскими икографы, прежде въ Кіевѣ, потомъ въ
« Новѣгородѣ. — Съ тѣхъ же Греческихъ мѣсячныхъ иконъ въ Кіевѣ и
« Новгородѣ древними иконописцы списанъ Подлинникъ словесно на
« хартіяхъ. » (43)

Византійская церковная живопись въ Россіи представляется намъ подь
тремя видами: *икописи*, *стилописи* и *миниатюрной живописи*. Одна изобра-
жала лики Святыхъ по левкасу на доскахъ, или особенной, намъ неизвѣст-
ной подготовкѣ; другая украшала штукатурку внутреннихъ стѣнъ и сво-
довъ храмовъ фресками; послѣдняя писала болѣе корпусными, чѣмъ со-
ковыми, красками, на пергаментѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ. Къ
храмовымъ художествамъ Византіи присоединить должно *вышиваніе* шелками
съ серебромъ и золотомъ волоченымъ и *мозаику*. Одно изображало лики Свя-
тыхъ на пеленахъ, плащаницахъ и покровахъ; другая украшала своими
произведеніями стѣны, своды и даже помосты въ храмахъ. Изъ квад-
ратныхъ кусочковъ разнообразнаго стекла, перѣдко съ исподу подло-
женныхъ листовымъ золотомъ, она составляла образа большого размѣра;
матеріалы ея отличались особенною прочностью своей и блескомъ красокъ.
(44) Таковы мозаическія изображенія въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, про-
изведенныя Византійскими художниками съ Русскимъ Алимпіемъ.

Стиль и направление какъ въ стѣнописи и миниатюрной живописи, такъ
равно въ вышиваньѣ и мозаикѣ, одинаковы съ пошибомъ иконописи.

Такой пошибъ Византійской иконописи вездѣ нашелъ себѣ доступъ, гдѣ
только принято было ученіе Греческой православной Церкви, какъ-то: у Бол-
гаръ, Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ. Большая часть изображеній въ рукописяхъ
суть противни или списки съ Византійскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Хотя
завѣтный стиль служилъ образцемъ для Русскихъ зоографовъ; однако онъ
не могъ не подвергнуться мѣстнымъ измѣненіямъ, когда подлинникъ по-
вторялся въ спискахъ мастеровъ болѣе, или менѣе искусныхъ, болѣе, или

(43) N 314 и 315 въ Библіотекѣ г. Царскаго. См. Рукописи Славянскія и Россійскія, разобр.
и опис. II. Строевымъ. М. 1848, въ 8.

(44) Handbuch der Kunstgeschichte von Dr. F. Kugler. 2 Aufl. 2 Lief. Stutdg. 1848. in-8.

менѣе грамотныхъ, такъ что списокъ мало походилъ на свой первообразъ; съ другой стороны, при первоначальной раздѣленности Россіи на особія Княженія, легко могла такая разность укорениться въ разныхъ областяхъ и развиваться по вкусу мѣстности. Отъ сего произошли разныя направленія въ иконописцѣ, собственно *бытійское*, *историческое*, потомъ *олицетворительное* и *символическое*. Основанное на преданіи, одно изображало лица и событія, достойныя для православнаго. *Олицетворительное* воплощало мысль пзвѣстнаго стиха библейскаго, пѣснн церковной, молитвы, какъ-то: Бытіе, Единородный, Достойно есть, Символь вѣры. *Символическое* передавало мысль художника въ какихъ нибудь произвольно взятыхъ образахъ, притчахъ. Въ олицетвореніи мысль его представлялась наглядною, ошутительною, въ символахъ *прикровенною*, гадательною, какъ напр: въ иконахъ Софін Премудрости Божіей, Неопалимой Купины и т. д. Такіе образа называются у иконописцевъ *таинственными*. Разность направленій, развившихся отдѣльно въ разныхъ школахъ, выразилась и въ пошибахъ, какъ увидимъ далѣе.

Первые опыты иконописи, какъ мы замѣтили, являются въ Кіевѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византійскаго стіля; дѣятельность ея обнаружилась въ украшеніи церквей св. иконами, пзъ коихъ весьма немногія уцѣлѣли до нашего времени.

Иконы сѣи разныхъ размѣровъ (локотницы, сепи-пядей и пр.), разнаго вида: во весь ростъ человѣческой, уменьшенныя или преувеличенныя, *оплечныя*, *попсныя*, *грудныя*, *копичатыя*, были мѣстныя, помѣщаемыя въ алтарномъ иконостасѣ на поклонѣ, Деисусъ, преимущественно Спаситель, Богоматерь и Предтеча, а по объясненію Могилына Требника, «всѣ иконы въ церкви на своемъ мѣстѣ поставленныя,» т. е. на тѣлахъ, или поясахъ полнаго иконостаса, кои суть Праздники, пояса Апостольскій, Пророческій и Праотеческій, наконецъ запрестольныя. Сверхъ того, требовались иконы для чествованія въ домахъ. Такъ какъ особеннымъ предметомъ церковнаго благоговѣнія была Божія Матерь, Заступница рода Христіанскаго: то ея многія иконы различныхъ явленій, напр. Византійскія, Корсунскія, Ппрогощія, распространены въ Русскомъ мірѣ Греческими и отечественными зоографами. Когда монахи

и священники Латинскіе, слѣдовавшіе за крестоносцами и преимущественно путешественники на Востокъ, послѣ взятія Константинополя Латинами, 1204 года, принесли оттуда изображенія Богоматери, подъ именемъ писанныхъ Св. Лукою Евангелистомъ: тогда списки съ нихъ и самыя подлинники появились въ южной и западной Россіи. (45)

Отъ Византійскаго стиля въ иконописи произошелъ *Корсунскій*, такъ названный отъ мѣстопробыванія Греческихъ художниковъ въ Корсуні Таврической и Корсуні Кіевской. Сколько отъ характера иконописи, а вѣроятно, болѣе потому, что такія иконы принесены Св. Владимиромъ изъ Корсуни и потому, что смѣшиваемы были съ Цареградскими, произведенія иконописнаго художества носятъ названіе Корсунскихъ. Изъ лѣтописей видно, что образцовые сіи пошибы столь славились, что даже и писанныя Русскими зоографами въ этомъ родѣ иконы именовались *Греческими* и *Корсунскими*. Художество сіе процвѣтало въ Кіевѣ до совершеннаго разоренія его Батыемъ, когда погибли многіе драгоценныя памятники Византійско-Корсунскаго и Русскаго художества. Изъ точнаго сличенія памятниковъ Византійской и Корсунской иконописи можно вывести существенное отличіе пошиба одной отъ другой. Таковы чисто Византійскій образъ Св. Петра и Павла, четырехлистовой, хранящійся въ Московской Патриаршей ризницѣ, и Корсунская мѣстная икона сихъ Апостоловъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Корсунское письмо, какъ вѣтъ Византійскаго, не составляло особой школы, но разнилось отъ послѣдняго нѣкоторыми особенностями описи и колорита, или раскраски. Сколько можно замѣтить изъ рисунка, фигуры Византійскаго стиля болѣе осыми головъ, лица продолговатѣе, глаза челночками, носъ тонѣе и горбоватѣе, уста малыя и тонкія, *черты рѣдкія*, похожія на штрихи гравера; между тѣмъ какъ въ Корсунскомъ пошибѣ лица и глаза круглѣе, носъ прямѣе и въ ноздряхъ шире, уста больше и толще, *черты чаще*, а въ раскраскѣ замѣтно болѣе плавкости и бѣловатости.

(45) L'histoire de l'art par les monuments, par Seroux d'Agincourt VI t. à Paris, 1823, in-f.

Особенную тщательность оказывали художники въ отдѣлкѣ лицъ, кои они по нѣскольку разъ павили; отъ этого онѣ были плотны и не выпадали. Въ древности у Русскихъ иконы писаны были по левкасу на яичномъ желткѣ, и другихъ забытыхъ уже составахъ, а не на масляной грунтовкѣ. Какъ церковная живопись перешла къ намъ съ опредѣленнымъ пошибомъ, съ узаконенными принадлежностями и условіями: то и вапы, или краски употреблялись освященныя преданіемъ: темная и санкирная изъ вохры и другихъ составовъ, красная изъ жженой вохры, бѣлая изъ бѣлизны, черная изъ сажн и жженой кости, зелень и празелень изъ лазури съ вохрой и чернилами, и т. д. Образныя доски были съ выемкою, липовыя, грушевыя, чинаровыя и даже сосновыя, потомъ кипарисныя. Масличнымъ лакомъ иконы въ древности не покрывались.

Вмѣстѣ съ иконописью и стѣнописью трудилась надъ украшеніемъ церквей фресками, коихъ остатки теперь открываются и воспроизводятся Академикомъ Солнцевымъ въ Софійскомъ соборѣ и другихъ Кіевскихъ церквяхъ. Строгость и отчетливость рисунка и плотность раскраски составляетъ важное достоинство сихъ древнѣйшихъ фресковъ, какіе находятся и въ Староладожской церкви св. Георгія.

Миниатюры Святослава Изборника 1073 года служатъ доказательствомъ употребленія миниатюрной живописи въ Кіевѣ. Въ изображеніи В. К. Святослава Ярославича съ его семействомъ намъ являются опыты портретнаго искусства; о существованіи его въ XI вѣкѣ находимъ въ Патерикѣ Печерскомъ. Греческіе мастера, чудесно нанятые св. Антоніемъ и Θεодосіемъ въ Царьградѣ, прибывъ въ Кіевъ, требовали отъ Печерскаго игумена Никона, чтобы онъ представилъ имъ тѣхъ, которые съ ними договорились объ украшеніи св. иконами Печерской церкви. Игуменъ наконецъ, послѣ долгаго увѣренія, что нѣтъ уже такихъ людей въ обители, «изнесе предъ всѣми икону пре-» «подобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія. Вздѣвши же Грецы образъ ихъ, «поклонившася, глаголюще: яко сѣи еста водстившу.». Наконецъ въ лѣтописяхъ изображеніе личныхъ примѣровъ Князей обнаруживаетъ въ лѣтописателѣ знаніе портретнаго искусства. Такъ напр: Ипатьевскій, Хлѣбниковскій

и Воскресенскіи представляютъ намъ примѣты сына Владимірова Бориса : « Тѣломъ бѣше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высокоу, въ чрес-
« лѣхъ тонокъ, очима добръ и веселъ, брада мала и усь, младъ бо бѣ
« еще. » (46) Князь Владимірко-Іоаннъ Васильевичъ, философъ, ум. 1289 г.
такъ описанъ Вольнскимъ лѣтописцемъ : « возрастомъ бѣ высокъ, плечима
« великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый,
« руки красны и ногѣ, уста исподняя дебела. » (47) Если вѣрить Татище-
ву, то продолжатель Несторовой лѣтописи XII вѣка, « былъ искусенъ въ
« живописи, что едва не всѣхъ въ его время бывшихъ Князей лица и воз-
« растъ описалъ. » (48)

Когда вмѣстѣ съ Христіанскимъ ученіемъ и грамотностію изъ Кіева перене-
сена Греками и церковная живопись въ Новгородъ, тогда она нашла тамъ себѣ
поприще для дѣятельности и получила особенное развитіе въ такъ называемомъ
Новгородскомъ пошибѣ. Этотъ пошибъ образовался подъ вліяніемъ Визан-
тійскаго стиля. Но какъ Кіевскіи, такъ и Новгородскіи пошибы не обра-
зовали особенной школы, а различались только *попытками* и приѣмами, рас-
краскою, или колоритомъ ; основа, направленіе и образцы ихъ были Ви-
зантійскіе. Лѣтопись упоминаетъ о Гречинѣ Петровицѣ, который въ 1195 г.
расписывалъ въ Новгородѣ церкви, объ Игнатіѣ Грекѣ, который въ 1338 г.
со други т. е. съ товарищами писалъ иконы ; потомъ о Вячеславѣ, внука
Мальшева, 1227 г. украсившемъ фресками церковь Сорока мучениковъ въ
Новгородѣ, о церковномъ росписникѣ Иванѣ, сгорѣвшемъ въ 1386 году,
наконецъ о томъ, какъ Нѣмцы наняли Новгородскихъ иконниковъ, и « по-
« велѣша имъ написать образъ Спасовъ на ропатномъ углу. » (49)

Вывезенные изъ Византіи и Корсуни образа прославили Софійскіи со-
боръ. Новгородскіе златописцы оставили намъ въ наслѣдіе драгоценный
памятникъ художества XIV вѣка — Васильевскія церковныя врата, здѣсь опи-
санныя. Когда же тамъ иконописцы познакомились съ Фряжскимъ стилемъ,

(46) Карамз. II. Г. Р. II, пр. 4.

(47) тамъ же, IV, пр. 175.

(48) Россійская Исторія. I, 57.

(49) т. е. на углу кири. Карамз. II. Г. Р. III, пр. 244 и 369.

тогда рисунокъ ихъ получилъ болѣе живности, а раскраска разнообразія и яркости, особливо въ многочисленныхъ образахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ они позволяли себѣ нѣкоторыя отклоненія отъ неподвижныхъ формъ Византійской школы и отъ преданія: различіе ихъ произведенія самымъ сочиненіемъ. За иконописью тамъ неуклонно слѣдовала и миниатюрная живопись на пергаментѣ. Харатейныя Евангелія въ Остромировомъ спискѣ XI вѣка и въ Алексіевомъ XII вѣка, украшенныя миниатюрными изображеніями, показываютъ намъ ея дѣятельность въ Новгородѣ.

Съ перенесеніемъ столицы изъ Кіева въ Суздальскую область, во Владимиръ, туда перенесено и художество, необходимое для Церкви, въ послѣдствіи обратившееся въ ремесло и промыселъ поселянъ и доселѣ извѣстное подъ названіемъ *Суздальскаго письма*, которое представляетъ искаженіе Византійскаго и Корсунскаго стіля.

Между тѣмъ какъ опустошенный Кіевъ былъ во власти Гедимиша, Владиміръ Кляземскій, послѣ Батыева нашествія, представлялъ пепелище; вѣра и народность, съ нею вмѣстѣ и церковная живопись, нашли себѣ надежный пріютъ въ Москвѣ, гдѣ Первосвятитель Петръ самъ былъ иконописцемъ. Когда надъ святою Русью тяготѣло Монгольское ярмо, тогда въ глуши Московскаго бора зародилась жизнь народная, государственная и религіозная; на помощь къ ней пришло художество, завѣщанное христіанскою Византіей: оно оживотворило первые Московскіе храмы св. образами, олицетворило стѣны ихъ бытейскимъ письмомъ, которое служило для неграмотныхъ назидательною грамотой, проводникомъ вѣры и благочестія. Художникамъ покровительствовала духовная и свѣтская власть. Уже при дворѣ Московскаго Князя Симеона Гордаго и Всероссійскаго Митрополита Феогноста находились Греческіе и Русскіе зоографы: Гойтайъ, старѣйшина иконниковъ, Захарія, Іосифъ и Николай. Между ними были учителя и ученики. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли произведенія ихъ кисти, образа и фрески, но коимъ можно бы судить объ успѣхахъ иконописи на Москвѣ; они погибли отъ губительныхъ пожаровъ и неспусныхъ поновленій. Отъ того вѣка сохранились: *храмовая икона Святителя Петра въ Моск. Усп. Соборѣ*,

лѣстная Спасителя въ Благовѣщенскомъ соборѣ, писанная 1339 г. какимъ-то Михаиломъ многогрѣшнымъ, и *путевая* икона св. Алексѣя Митрополита, во имя Спаса, въ Андрониковомъ м. Но, безъ сомнѣнія, всѣ произведенія иконописи въ XIV вѣкѣ были ознаменованы вліяніемъ Византійской, или Корсунской школы. Все достоинство ихъ заключалось въ искусномъ и отчетливомъ воспроизведеніи заветныхъ образцевъ, какъ подтверждаютъ слова грамоты 1554 г. «старинное «иконописание было Греческое и Корсунское, которое писали иконописки все со «старыхъ образцовъ.» (50) Такого пошиба держались въ томъ и слѣдующемъ вѣкѣ пресловутые зоографы: Андрей Рублевъ, Данилъ Черный, Игнатій иконописецъ, сподвижникъ св. Іоны Митрополита, Симеонъ Черный, Діонисій, Кнашъ, Прохоръ Городецкій, Θεοφάνης съ учениками, наконецъ Всероссійскіе Митрополиты Симонъ и Варлаамъ, св. Θεοδωρъ Архіепископъ Ростовскій, племянникъ Преп. Сергія, который, по словамъ Подлинника, когда былъ Симоновскимъ Архимандритомъ, писалъ многія св. иконы на Москвѣ, образъ дяди своего и Деисусы въ церковь св. Николая на Болвановкѣ. (51)

Какъ Аѳонская школа признала своимъ начальникомъ Панселина, жившаго въ XI или XII вѣкѣ, такъ и Московская—Рублева. По свидѣтельству Строгановскаго Подлинника, (52) Андрей Радонежскій, прозваніемъ Рублевъ писалъ иконы все чудотворныя. Пребывая въ послушаніи у Препод. Никона, онъ въ его присутствіи изобразилъ ликъ Пресвятой Троицы въ похвалу св. Отцу Сергію. (53) Лѣтописи называютъ иконы Діонисіева писъма *чудными*, т. е. превосходными, а Стоглавъ призналъ произведенія Рублева образцовыми, какъ увидимъ далѣе. Пошибъ писъма его въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка составилъ школу, такъ что образа, не только писанные имъ самимъ, но и учениками его и подражателями, извѣстны подъ именемъ *Рублевыхъ*. Этотъ художникъ вмѣстѣ съ Даниломъ Чернымъ производилъ иконное, и стѣнное писъмо, какимъ украсилъ не одни Московскіе соборы, но и Владимирскій, Тро-

(50) Акты Археогр. Экспедиціи, т. I.

(51) Клиновской Подлинникъ, списанный съ древняго, въ концѣ XVIII вѣка, рукоп. въ 4, въ библиот. Графа Строганова.

(52) *тамъ же*.

(53) Этотъ образъ мѣстный стоитъ на правой сторонѣ у царскихъ вратъ въ Троицкомъ соборѣ.

ицкій въ Сергіевой обители, Спасовъ въ Андрониковъ монастырь, гдѣ нашелъ себѣ послѣдній пріютъ. По сказанію Іосифа Волоколамскаго, онъ такъ любилъ священное художество, что «въ праздничные дни «разсматривалъ св. иконы и переносился мыслію отъ видимаго къ «невидимому.» (54) Извѣстныя подъ его именемъ иконы, отмѣченныя позднѣйшими надписями, высоко цѣнятся любителями. Рисункъ въ нихъ строгій и отчетливый, раскраска, хотя твердая и бойкая, но плавкая и тонкая, или, какъ говорятъ иконопикъ, *облачная*; темною она кажется, сколько отъ преобладанія вохры и санкиря, (55) столько и отъ олифы. На сплывшихъ мѣстахъ лицъ вохра не нанесена бѣлплами, но пущена въ тонкую тѣнь. По своему стилю, Рублевъ былъ вѣрнымъ Византійской школы. Замѣчательно уваженіе современниковъ его къ нему съ сотрудниками; они признали его *пресловутымъ*, а отечественная Церковь *Преподобнымъ*. (56) Тогда упражненіе въ иконописи церковной почиталось дѣломъ священнымъ, какимъ занимались сами Первосвятители, а иконописцы наравнѣ съ служителями Церкви; расписаніе церквей не рѣдко было предметомъ совѣщанія соборовъ, поводомъ къ установленію праздниковъ въ Церкви, и лѣтописи упоминаютъ объ этомъ, какъ объ исторической достопамятности. Отъ художниковъ, посвятившихъ себя на этотъ подвигъ, требовалось строгое благочестіе и чистота нравовъ; приступая къ нему, они напутствовали себя постомъ и молитвою. Но, какъ увидимъ далѣе, школа Рублева во многомъ измѣнила начала мастера.

Освобожденію Россіи отъ Монгольскаго ярма предшествовали два событія, имѣвшія вліяніе на отечественную Церковь и на ея искусства — взятіе Турками, Царяграда и Херсона, откуда Россія заимствовала художниковъ. Когда Іоаннъ III положилъ въ Москвѣ краеугольный камень во главу угла единодержавію: тогда въ ней открылъ пріютъ разнымъ художникамъ изъ поработенной Византіи и державнаго Рима. Тамъ они нашли себѣ обширное поприще для художнической дѣятельности. Вызванные изъ

(54) Духовное завѣщаніе Препод. Іосифа, гл. X.

(55) *Санкирь* состоялъ изъ трехъ красокъ: вохры жженой, лазури и чернилъ.

(56) Въ рукоп. Словарѣ Русскихъ Святыхъ Андрей и Даниилъ поставлены между Святыми.

южной и западной Европы художники слыли у насъ *Фрязами* и *Фряшиами*, а произведенія ихъ—*дѣломъ Фряжскимъ*, хотя они болѣе или менѣе и сообразовались съ Русскимъ типомъ. Между ими могли быть и живописцы. Лѣтописи наши въ числѣ мастеровъ упоминаютъ о какомъ-то канланѣ изъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова ордена, Иванѣ Спасителѣ, который принялъ православное исповѣданіе. (57) Вѣроятно же кажется, что, по ошибкѣ, вмѣсто *Списателя*, т. е. церковнаго росписника, написали *Спасителя*, и что это слово не составляетъ прозвища *Salvator* въ переводѣ. Если это такъ, то не сей ли самый Иванъ расписывалъ тогда сооруженный Фіоравентти-Аристотелемъ Успенскій соборъ въ Москвѣ, и не онъ ли внесъ къ намъ начатки Фряжскаго стѣла въ иконописи, который потомъ привился къ Византіійско-Русскому пошибу? Въ Стоглавѣ уже упоминается о Латинскихъ образахъ, хотя Русскіе чуждались св. иконъ, писанныхъ иновѣрцами, и хотя, по свидѣтельству Краковскаго Каноника І. Сакрарія 1500 г. «они только чествовали образа, поставленные въ ихъ церквахъ, или писанные ихъ мастерами.» (58)

Въ началѣ XVI вѣка, когда въ Италіи живопись достигла своего апогея, когда въ Германіи реформація нанесла ей ударъ, тогда въ Россіи съ отступленіемъ отъ Рублевой школы церковная живопись потерпѣла измѣненія не въ пользу искусства; ибо Царь Иванъ Васильевичъ въ грамотѣ своей къ Римскому Императору Карлу V жаловался на дурную живопись въ отечественныхъ церквахъ, изъявляя желаніе украсить ихъ произведеніями искусныхъ художниковъ. (59)

Доселѣ иконописцы наши ограничивались рабѣйнымъ подражаніемъ Византіійско-Корсунскому стилю и воспроизведеніемъ образцевъ его; но Стоглавный соборъ уже возстаетъ противъ тѣхъ мастеровъ, которые начали «писать божество отъ самосмышленія и своимъ догадками.» При переходѣ отъ подражанія къ изобрѣтенію (самосмышленію), иконописцы внесли въ художество народность и личность.

(57) *Карамз. II. Г. Р. VI. 364. стр. 104.*

(58) *De Russorum Moscovitarum religione etc. В. Д. 1582, in-4.* Здѣсь Каноникъ называетъ Христіанскія наши церкви *синагогами*.

(59) *Schmidt Phiseldeck Materiale zur russ. Geschichte Riga, 1777, in-8.*

Въ Новгородѣ, союзникѣ Ганзы и Литвы, подобно какъ и въ другихъ областяхъ раздробленной Россіи, мало по малу образовались свои типы и направленія въ иконописи и въ жизни. Когда же Россія подъ властію единогодержавнаго Царя стала ближе и тѣснѣе соединяться, тогда скоро должны были обнаружиться и разности въ священномъ художествѣ. Они и обнаружались въ протестѣ Висковатаго противъ нововведеній, перенесенныхъ изъ Новгорода въ Москву Макаріемъ и Сильвестромъ. Тогда стали размножаться образа *многолюдные*, многосложные, символическіе, болѣе извѣстные въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ Москвѣ; явились попытки изображать посредствомъ иконописи смыслъ догматовъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, каковы напр: *Совѣтъ пресвѣтлый, Покой субботній Творца твари*, изображающій Господа Саваоѳа опочивающимъ на ложѣ, *Троицкое дѣяніе, Поклоненіе Троицкостасному Божеству, Молитва Господня, Бытія изъ Апокалипсиса, Символъ вѣры, о Тебѣ радуется Благодатная, Достойно есть* и пр. Къ числу такихъ образовъ принадлежитъ *Страшный судъ*, послужившій къ обращенію В. К. Владиміра І, и въ 1399 году присланный изъ Царьграда же Патріархомъ къ В. К. Тверскому Михаилу Ярославичу. (60) По окончаніи пасхальнаго разчлененія, сдѣланнаго на седьмую тысячу, въ 1492 году, мысль, овладѣвшая народомъ о наступленіи страшнаго суда, вѣроятно, дала поводъ къ распространенію такого образа. Къ тому же времени относится изображение *осливого вѣнца* у Господа Саваоѳа, въ ознаменованіе «седми вѣкомъ Творца и будущаго вѣка Отца.» (61) Не рѣдко особенные случаи давали поводъ къ размноженію нѣкоторыхъ иконъ. Такъ напр. взятіе Казани Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ праздникъ Покрова Божіей Матери служило побужденіемъ къ распространенію списковъ сего явленія и церквей въ честь его на Москвѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ въ иконописи тогда вкрались символы, чуждые Православной Церкви и дотолѣ ей неизвѣстные, даже *знаменія* (атрибуты) Западной Церкви.

(60) Софійской Временникъ. I, 421.

(61) Подлинникъ Клиновскій въ библ. Графа С. Г. Строганова.

Такъ напр. Иконошники стали изображать І. Христа съ колчаномъ и лукомъ, или вопреки запрещенію на Трулльскомъ соборѣ, въ подобіи Агнца, Троицу съ ІХ чинами въ вѣнцахъ, иногда въ одномъ лицѣ съ принадлежностями трехъ лицъ, Евангелистовъ Іоанна съ орломъ, а Марка со львомъ. Максимъ Грекъ въ сочиненіяхъ своихъ, касаясь иконошиса, приводитъ образъ Спасовъ, называемый по Римски *Pietas*. (62) Около того времени съ Запада вошли въ область нашей иконошиса изображенія XII Символъ, копхъ стали писать съ Еллинскими мудрецами на церковныхъ вратахъ, на стѣнахъ паперти, или притвора и даже на крпосахъ, какъ доказательства истинны откровенной религіи. (63)

При такихъ нововведеніяхъ и при своевольномъ уклоненіи отъ заветныхъ Византійскихъ первообразовъ, возникли распри, нарушавшія спокойствіе Церкви. Отечественная Церковь вступилась въ свои права, взяла свои мѣры противъ самовольныхъ и соблазнительныхъ нововведеній и на Стоглавномъ соборѣ запретила « описывать Божество отъ самосмышленія и своими догадками, повелевать держаться съ превеликимъ тщаніемъ образцевъ инока Андрея Рублева и « прочихъ пресловутыхъ иконошисцевъ. » Соборнымъ опредѣленіемъ надъ всѣми иконошниками уставлены четыре старосты, которымъ велѣно смотрѣть, чтобы первые писали по образу и по подобію, неправу пишущихъ отставлять и новыхъ иконошниковъ отдавать учиться добрымъ мастерамъ. (64) Замѣчательно, что постановленія такъ называемаго Стоглавнаго собора, требуя отъ иконошисцевъ духовнаго образованія и нравственной чистоты, поставляютъ

(62) Вотъ что онъ говоритъ объ немъ: « Священное образованіе священныя и покланяемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа, глаголемое по Римски *pietas*, еже есть по Русски милосердіе, или благочестіе, а не уныніе, и ѣсть се человѣческія премудрости замышленіе, но самъ Спасъ такова показа себе писателю душеполезныхъ бесѣдъ, яже къ Петру своему діакону, во время священныя литургіи священнодѣйствующу страшную и безкровную жертву святѣйшему Григорію, внигда влагати въ потиръ четвертую часть св. и покланяемаго Агнца. Снцево перукотворіе (икос) божественное образованіе видовъ св. Григоріи, стояще противу св. потира, умился яко же лѣно бѣ и въ слезы духовныя снесенъ бысть. Преудивився Спасову неизреченному схожденію, и якоже видѣ очима въ Душѣ Святѣ, тако сказа иконошисцемъ писати прочее таково Спасово священное образованіе и оттолѣ начать снцево священное образованіе Спасово во св. Божіихъ храмѣхъ писатися. Снце азъ пріяхъ отъ достовѣрныхъ мужей Италіанѣхъ, у нихъ живыи время довольно »

(63) *Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst*, von F. Piper. I. B. Weimar, 1847, in-12.

(64) Исторія Русской Церкви, періодъ III, отъ 1440 по 1588. М. 1847, вѣ 12.

въ обязанность Святителямъ « беречи ихъ и почитати паче простыхъ челоуѣкъ. » Въ дѣяніяхъ собора противъ Башкина 1554 г. между прочимъ подтверждено, чтобы « святые и честные иконы и бытейское письмо были « не на соблазнъ міру, но во утверждение православію и въ просвѣщеніе « и умилеііе. » Взятые Іоанномъ изъ Новгорода, Пскова и Устюга древніе образа, украсивъ соборы Московскіе, представили образцы для Московскаго иконописанія.

Въ эту эпоху возвращенія иконописи къ Рублевой школѣ и появленія иконоборцевъ въ лицѣ Феодосія Косова, Башкина и другихъ, Всероссійскимъ Митрополитомъ былъ знаменитый Макарій, ревнитель православія, составитель Великихъ Чети-Миней, самъ иконописецъ, поновлявшій чудотворные и явленные образа.

Такъ по тѣсной, членовой связи сего художества съ православіемъ, и духовныя особы посвящали ему свой трудъ и бдѣніе. Всеросс. Митрополитъ Анастасій, духовникъ Царя Ивана Васильевича, былъ преемникомъ Архипастырскаго жезла Макарія и его художнической палитры и кисти, которую онъ обрекъ на украшеніе Церкви св. иконами. Въ XVI столѣтіи славились своимъ искусствомъ въ Великомъ Новгородѣ монахи Антоніева монастыря Препод. Ананій, въ Нижнемъ Новгородѣ Перетрутовы, Старовѣровъ, Останя, Яковъ, Михайло и Семенъ Высокій Глаголъ съ товарищи, а на Москвѣ Федоръ Елпѣевъ, Михайло Медоварцевъ, Федоръ Ухтомскій, Бажень Федоровъ Сафатовъ, діаконъ Никифоръ Грабленой, старецъ Сергій, Феодосій, сынъ Діонисія зоографа. Послѣ пожара въ Москвѣ 1547 г., лишившаго ее многихъ драгоценныхъ памятниковъ иконописанія, собраны были въ нее древнѣйшія иконы изъ Владимира, Звенигорода, Новгорода, Ржева и Пскова, а за недостаткомъ Московскихъ, вызваны иногородные зоографы для списанія этихъ иконъ, по опредѣленію собора. (65) Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени памятниковъ иконописи XVI вѣка свидѣтельствуютъ намъ объ успѣхахъ ея въ Московскомъ мірѣ. Довольно указать на мѣстный образъ св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Троицко-Сергі-

(65) Акты Археограф. Экспедиціи, III, 238.

своей лауры, писанный Никифоромъ Грабленнымъ и стоящій тамъ на лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ вратъ. Тогда въ Москвѣ образовался подъ вліяніемъ Византійской школы *Московский пошибъ*. Отъ Корсунскаго онъ разнился не столь длинными фигурами, частыми чертами, описью въ лицахъ свободною; въ раскраскѣ его болѣе цвѣтности, теплоты и разнообразія, чѣмъ въ Византійско-Корсунской; высокія мѣста отличаемы были костоватостію, различное золотыми и красочными пробѣлами. Умилъность въ лицахъ составляла противоположность съ строгостью и суровостію ихъ въ образахъ Новгородскаго пошиба, гдѣ преобладала вохра и празелень. Мѣстность и личность клалъ на нихъ свои типы.

Сильнѣйшимъ двигателемъ этого священнаго художества была вѣра и благочестіе народа, равно и требованія искусства.

Такова была дѣятельность иконописанія въ столицѣ Іоанна IV. Между тѣмъ какъ въ поработенной Греціи, это коренное ея художество пришло въ упадокъ, уже Москва надѣляла ее образами. Іоаннъ Комнинъ съ похвалою отзывается о Московскихъ образахъ въ серебряныхъ окладахъ, присланныхъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Аѳонскіе монастыри; онъ говоритъ, что образа сіи искусно и совершенно отдѣланы. Даже въ старинномъ Аѳонскомъ Подлинникѣ мы находимъ статью о томъ «какъ Московскіе зоографы пишутъ образа, какія и какъ употребляютъ краски, «какимъ способомъ накладываютъ на нихъ золото и пр.» (66)

Но въ матеріи градовъ Русскихъ, подвѣдомой области Константинопольскаго Патріаршества, подъ гнетомъ Польскаго ига, среди утѣшеній отъ Латинства и Уніи, могла ли процвѣтать церковная живопись? Петръ Могила въ книгѣ *Камень*, говоритъ о Супрасльскомъ монастырѣ: «спроси «кого нибудь въ томъ монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами? и узнаешь, что онѣ «обращены Уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ, «поставлены въ церкви полотняныя Италіянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ; ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное.»

Въ концѣ XVI вѣка, въ глубокомъ сѣверѣ Россіи возникла Строгановская школа, отдѣлившаяся отъ старой Устюжской, сперва подъ строгимъ вліяніемъ Византійско-Русскаго, а потомъ Фряжскаго стиля. Колыбелью ея былъ Сольвычегодскъ, отчина знаменитыхъ въ нашей Исторіи Строгановыхъ.

Первыхъ временъ Строгановское письмо отличалось строгостию и отчетливостию *описи*, отборкою въ лицахъ, плавкостью и плотностью раскраски, тонкою костоватостию на высокихъ мѣстахъ красочными пробѣлами, наконецъ тщательною отдѣлкою доличнаго. Фигуры писались болѣе осми головъ. Краски у нихъ были выпесныя, отмѣнной доброты, между коими для пробѣловъ иногда употреблялся, какъ и у царскихъ изобразовъ, тертый жемчугъ, никогда не вымывавшій; на сильныхъ мѣстахъ обыкновенно наводились отливныя краски. Представителями этой школы, въ первую эпоху, были въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка: Максимъ и Никита Строгановы, Никифоръ и Прокопій Чирныи, Постникъ Дербинъ, Мочаловъ, Емельянъ, Семенъ Бороздинъ, Истоминъ, Никифоровъ, которые, большею частию, подписывали свои имена на иконахъ. Отъ Строгановской школы вышли два пошиба: *Сибирскій* и *Барановскій*, относящіеся ко второй его эпохѣ, когда рисунокъ уже является правильнѣе и вольнѣе, когда лицамъ давалось болѣе разнообразіе и выразительности, когда въ раскраскѣ теплота, такъ сказать, оживляла тонкую плавкость. Доличное тогда роскошно украшалось золотомъ въ проскребку и шпокопотью и золотыми пробѣлами. Такъ какъ образа писались не только на кипарисныхъ и липовыхъ, но и на мѣдныхъ доскахъ, на краскахъ и на золотѣ; то по числу наложенныхъ на образную доску листовъ опредѣляема была ихъ величина: отсюда *четырёхлистовые*, *пятилистовые*, или *пятницы* и *семилистовые*.

Такимъ образомъ Строгановская школа, сперва вѣрная Византійскому стилю, потомъ заимствовала отъ Фряжскаго стиля его приемы, его типъ и дебелость раскраски. Представителемъ послѣдней эпохи былъ Стефанъ Нарыковъ. Вмѣстѣ съ школою царскихъ живописцевъ она служила переходомъ къ искусству, которое въ послѣдствіи развилось въ нашемъ отечествѣ.

Кромѣ нѣкоторыхъ церквей и монастырей, иконы Строгановскаго письма украшаютъ часовни на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ, коллекціи Графа С. Г. Строганова, Погодина, Лобкова, Царскаго, Молошникова, А. и О. Рахмановыхъ, Никифора Гаврилова, Стрѣлова и пр.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ Греко-Корсунской школы писали въ Москвѣ Патріаршіе и Царскіе зоографы, которые составляли общества или товарищества, родъ Академіи художествъ, гдѣ занимались иконописью и живописью и гдѣ обучали сему искусству. Первые вели свое начало отъ прежнихъ Митрополитскихъ, другіе отъ Великокняжескихъ иконниковъ. Первые отличались отъ послѣднихъ строжайшимъ соблюденіемъ Византійско-Корсунскаго пошиба въ своихъ произведеніяхъ. Въ дѣлахъ Патріаршаго Приказа съ 1632 по 1672 г. упомянуты: Назаръ Истоминъ, Леонтій Черный, Степанъ Зубчаниновъ, Степанъ Панкратьевъ, Янъ Степановъ, Янъ Миклушинъ, Степанъ Іевлевъ, Оедоръ Козловъ, старецъ Агаѳоникъ, златописецъ Пансіи, Гаврила Кондратьевъ, Дмитрій Львовъ и пр. Какъ между царскими были иностранные живописцы, то мало по малу они распространили между нами Фряжскій стиль, коему болѣе или менѣе сталъ подчиняться Византійско-Корсунскій пошибъ въ это переходное время. По свидѣтельству Алеппскаго Архидіакона Павла, « въ Москвѣ многіе иконописцы перенимали живописать образа на манеръ Франковъ и Поляковъ, а вельможи покупали такіе образа.» (67) Оныя обыкновенно назывались *Латинскими*, какъ видно изъ дѣла Князя Хворостинина. Тщетно вооружался противъ этого Патріархъ Никонъ. У нѣкоторыхъ бояръ Итальянскіе и Нѣмецкіе мастера расписывали церкви. Съ Фряжскимъ стилемъ, внесеннымъ въ церковную живопись дебелость лицъ, яркость красокъ и недостатокъ спокойнаго согласія цвѣтовъ, вошла личность художника, между тѣмъ, какъ въ образахъ Византійской школы она подчинена велѣнію Церкви. Направленіе Фряжскаго западнаго стиля въ церковной живописи отдѣлялось отъ Византій-

(67) см. Страствованіе Арабскаго Патріарха Макарія изъ Алеппо въ Москву, П. С. Савельева, въ Библ. для чтенія, 1836 г. т. XV, отд. III, 110.

скаго рѣзкою чертою ; одинъ, близкій къ антикамъ языческаго міра, старался выразить силы природы, сосредоточенныя въ совершеннѣйшемъ образѣ человѣка и тѣмъ дѣйствовать на эстетическое чувство ; другой привести въ явленіе то, что надъ силами природы существуетъ высшая сила, которая ихъ проникаетъ, сообщая свѣтъ душѣ человѣческой. Основа одного внѣшній міръ, другаго — внутренній, духовный.

Изъ царскихъ иконописцевъ въ XVII вѣкѣ славилась своимъ искусствомъ Аѳонянинъ Апостолъ Юрьевъ, Армянинъ Богданъ Салтановъ, Иванъ и Борисъ Папсены, Назаръ Истоминъ, Симонъ Ушаковъ, Егоръ Зиновьевъ. Много другихъ именъ попадаетъ въ дѣлахъ Придворн. Архива о царскихъ иконописцахъ, въ книгахъ Патріаршаго Приказа и другихъ письменныхъ памятникахъ; но особенно замѣчательны между ими три имени, потому что онѣ написаны на Каппоніановыхъ святцахъ въ Римѣ, кои относимы были Европейскими учеными то къ X, то къ XIII вѣку, (68) приписывались то Греческимъ, то Болгарскимъ и Сербскимъ художникамъ. Но сѣи Русскія имена находимъ въ числѣ жалованныхъ царскихъ зоографовъ: *Андрей Ильинъ* (1668), *Сергій Васильевъ* (1667) и *Никита Ивановъ Пикторовъ*. Святцы сѣи должны быть спискомъ съ древнихъ Греческихъ; потому что на нихъ нѣтъ Русскихъ Святыхъ. Боландіанскія картины, соборъ Святыхъ, писанныя 1628 года и пріобрѣтенныя въ Москвѣ 1673 г. Езуитомъ Паперброхіемъ, безъ сомнѣнія, есть произведение Патріаршихъ или Царскихъ иконописцевъ, которое теперь украшаетъ Лейденскую картинную галерею. Замѣчательно, что въ числѣ послѣднихъ былъ безрукій зоографъ Полвектъ Никифоровъ, который писалъ иконы, держа кисть губами. Въ расх. книгѣ Оруж. Палаты 1687 г. упомянуть о смилстовый образъ письма Полвекта безрукаго: Коронованіе Богородицы. Въ церкви при Московской Екатерининской богадѣльнѣ и въ Коллекціи Н. Г. Головина хранятся его образа Спасителя и Богоматери съ подписью « лѣта 7191, Сентемвріа въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Полвектъ

(68) De antiquissima pictura Russica, imprimis de tabulis pictis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis, auct. I. Th. Bulhe. Mosquæ. 1807, in-4.

« Никифоровъ, отъ рожденія рукъ не имѣлъ и писалъ устами.» Письмо сдѣлало бы честь искусной рукѣ зоографа.

Государевы зоографы, состоя въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты иконнаго терема, раздѣлялись на *жалованныхъ* и *кормовыхъ*, большой, средней и меньшей статьи, на *знаменниковъ*, *лицевниковъ*, *должныхъ*, *златописцевъ*, *левкащиковъ* и *терищиковъ*. Они населяли въ Китаѣ и Земляномъ городѣ улицы, кои слыли *иконными*; работали также въ Иконномъ теремѣ и « въ пещерахъ » отъ Краснаго крыльца.» (69) Работа производилась ими, по Государеву указу, подъ завѣдываніемъ боярина съ дьякомъ. Такъ при поповленіи большого Успенскаго собора стѣннымъ и иконнымъ письмомъ 1643 г. указалъ Государь быть тремъ бояринамъ съ Княземъ Б. А. Реннымъ, да дьяку Степану Угоцкому. (70) Царь жаловалъ мастеровъ серебряными ковшами, камчатными кафтанами и собольими шапками. Царь Алексій Михайловичъ, даровавшій имъ особенныя преимущества, въ грамотѣ своей 1669 г. ставитъ ихъ « выше всѣхъ прочихъ художниковъ, именуя тщливыхъ и честныхъ » *иконописцевъ*, истинными церковниками, художниками церковнаго бла-
« голѣнія.»

Техническая часть художества у Царскихъ зоографовъ обнаруживаетъ смѣтливость, ловкость и удивительное терпѣніе въ отдѣлкѣ. Писавши по левкасу и болѣе на краскахъ, разведенныхъ на яичномъ желткѣ, чѣмъ на маслѣ, они умѣли соединять плотность съ плавкостью и нѣжностію, лицамъ давать разнообразное и строго-приличное выраженіе. Костоватость на высокихъ мѣстахъ они уже замѣняли едва замѣтною отживкою и подиробѣлами, потомъ румянцемъ. Глаза писались не челночками, какъ прежде, но правильнѣе и круглѣе, съ лузгами или слезинками. Въ отдѣлахъ волосъ тонко проводимы были подруски и просѣдинки. Должное у нихъ отличалось богатствомъ золотой пшопоты. На образахъ ихъ кисти появляется болѣе околнчностей, чѣмъ прежде; нѣкоторые замѣчательны уже оригинальнію сочи-

(69) Приходо-расходная книга Оружейной Палаты денежной казны, 7188 г. N 248.

(70) Книга расходная деньгамъ, употребленнымъ на расписаніе стѣнное соборной церкви Успенія, 7150 г. N 975.

ненія. Это показываетъ, что иконографы уже не ограничивали своей дѣятельности однимъ раболѣпнымъ воспроизведеніемъ зачатыхъ образцовъ Византіи и Кореуны. Къ сочиненію давали имъ поводъ изображеніе дѣяній и чудесъ Святыхъ отечественной Церкви. Въ искусство они вносили личность и народность. Но не взирая на такое усовершенствованіе технической части, на попытки къ изобрѣтенію и сочиненію, въ ихъ произведеніяхъ еще оставались недостатки ихъ предшественниковъ—отсутствіе перспективы и единства тона или мотива.

Кромѣ изчисленныхъ нами здѣсь пошибовъ въ иконописи, былъ еще *монастырскій*, который образовался въ разныхъ отечественныхъ монастыряхъ, гдѣ иноки посвящали досужество свое на священное дѣло иконописанія. Иконы этого письма болѣе различествуютъ между собою раскраскою, чѣмъ рисункомъ: у однихъ преобладаетъ вохра, въ другихъ красный колеръ; въ тѣхъ раздѣлъ сильнѣе или слабѣе. Такія иконы, поднесенныя Царямъ отъ монастырей, мы видимъ на западной и южной стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ началѣ XVII столѣтія, уже были и зоографы, которые списывали портреты, см. ниже стр. 143. Фіорилло, судившій строго и поверхностно объ искусствѣ въ иконахъ, признаетъ впрочемъ, что «они, какъ антики, весьма важны и заслуживаютъ быть болѣе «извѣстными.» (71) Такъ судили о нашемъ иконописаніи и другіе иностранцы, удивлявшіеся Каппониановымъ святцамъ и ограничившіе свой взглядъ одной внѣшностью художества! По нѣкоторымъ только, неисканнымъ и даже уродливымъ изображеніямъ Святыхъ въ Греческомъ стилѣ, они заключали о грубости и неподвижности художества, между тѣмъ искусныя произведенія лучшихъ мастеровъ свидѣтельствуютъ намъ о возможности совершенствованія этого церковнаго художества, а богатый техническій языкъ о сознательности, съ какою оно развивалось.

Но не въ одной Москвѣ процвѣтала церковная живопись въ XVII столѣтіи; ею тогда славилась Нижній Новгородъ, Кострома, Ярославль и Ро-

(71) см. Опытъ Исторіи начертательныхъ художествъ въ Россіи, соч. Фіорилло, въ Худож. Газетѣ. Спб. 1838, N 17.

стовъ. При поновленіи Успенскаго собора стѣннымъ писъмомъ въ 1642 г. расписывали его иконики, вызванные изъ этихъ городовъ. При такомъ дѣлѣ всѣхъ иконописцевъ и знаменщиковъ городскихъ и Московскихъ было 91 человекъ. Въ 1660 году, по указу Государеву, вызваны были для Государева и церковнаго дѣла изъ Нижняго Новгорода 4, изъ Костромы 5, изъ Ярославля и Ростова 8. Но какъ видно изъ жалобъ Царю Алексѣю Михайловичу, «по заглушнымъ деревнямъ плохіе мастера нестово писали иконы и продавали ихъ прасоламъ и щенстильникамъ, которые развозили ихъ по селамъ и городамъ.» (72)

Мѣстному различію въ сочиненіи давали поводъ многочисленныя явленія Богоматери, изображенія Святителя Николая Зарайскаго, Можайскаго, Велікорѣцкаго и Явленскаго и пр. Не исчисляя ихъ, укажемъ только на иконы Софіи Премудрости Божіей, Кіевской и Новгородской; одна изображала Софію подъ видомъ Богоматери, стоящей подъ свѣчью седмистолпнаго храма, другая въ подобіи огнезрачнаго Царя, съ благословляющимъ его сверху Спасителемъ и съ предстоящими ему Богоматерью и Предтечею.

Миниатюрная живопись продолжала украшать своими произведеніями не только церковныя книги, но и лѣтописи и хронографы; а искусство вышиванія разноцвѣтными шелками, волоченымъ золотомъ и серебромъ, олицать Святыхъ и дѣянія на пеленахъ, покрывахъ и плащаницахъ, изъ коихъ древнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ сохранился въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры: сударь, или покровъ съ слѣд. надписью, вышитою серебромъ: «лѣта 7007 создана сія пелена.... замышленіемъ и повелѣніемъ Царевны «Царегородскою, Великою Княгинею Московскою Софіею Великаго Князя Московскаго.»

Нельзя при этомъ обзорѣніи состоянія иконописи въ Россіи выпустить изъ виду символики *библейской, церковной и условной* т. е. придуманной художниками въ иконописаніи, о коей мы упоминали въ статьѣ о Торовтикѣ. Какъ древле-церковное художество начинается символическимъ изображеніемъ отношеній земной жизни къ небесной, высшей, то его символика проявляетъ стремленіе

(72) *Востоковъ* Опис. Румянцовскаго Музея, стр. 354 и 375.

духа восполнить древнія формы новымъ, глубокимъ содержаніемъ. Въ памятникахъ иконописи образный языкъ ея представляетъ намъ много такихъ символовъ, усвоенныхъ ею себѣ, напр: Всевидящее Око въ треугольникѣ знаменуетъ всевѣдѣніе Божіе; благословляющая рука въ облакахъ—Его благоволеніе; голубь—Духа Святаго; агнецъ—Искупителя; крестъ—орудіе вольной Его жертвы и нашего спасенія; левъ, орелъ и телець—трехъ Евангелистовъ; вѣнецъ—славу небесную; три звѣзды на челѣ и персяхъ Богоматери—петлинное Ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ и т. п. Замѣчательно также значеніе служебныхъ Умныхъ Силъ, выражаемое ихъ символами; на головѣ у нихъ обыкновенно изображается въ видѣ перевязки *маніе*, или поконіе Св. Духа, изъ ушей выются *торѡцы*, или слухи. Кадило въ рукѣ у Ангела выражаетъ молитву, крикъ—благовѣстіе, жезлъ—путеводство, труба—зовъ на страшный судъ, мечъ—кару грѣшныхъ; а мечъ духовный—глаголь Божій и т. п.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Подлинника находится *сказаніе по буквамъ о птицахъ и звѣряхъ*, большею частію, входящихъ въ область церковной символики. (73) Не оставимъ безъ замѣчанія болѣе или менѣе извѣстныя монограммы, какъ-то: у Спасителя въ вѣицѣ О Ѡ Н, Сыи, (74) у Богородицы МР ѠУ, Божія мать, у креста І. Н. Ц. Н. Исусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій, М. Л. Р. Б. Г. А, Мѣсто Лобное, Распятъ бысть, или Рай Бысть, Глава Адамова и пр.

Таково было значеніе и судьбы иконописанія въ Россіи съ его начала до конца XVII вѣка, служившаго переходомъ къ преобразованію его при Петрѣ I и къ Академіи художествъ. Не взирая на нѣкоторыя частныя, мѣстныя уклоненія отъ Византійскаго первообраза, оно крѣпко держалось кореннаго своего начала, которое заключалось въ православіи восточной Церкви, неизмѣненной у насъ ни въ основахъ своихъ, ни въ отдѣльных частяхъ Богослуженія. Ограниченное завѣтнымъ преданіемъ, Византійскимъ первообра-

(73) Подлинникъ рукоп. 1658 г. N 315, въ библиот. Царскаго.

(74) Невѣдущіе придумали это Греческое ветхозавѣтное слово объяснить Русскими: «Отечскій умъ непостижимъ Сыи,» такъ какъ *Μητὴρ Θεοῦ* (МР ѠУ) «Марія роди Фарисеямъ учителя.»

зомъ и символическимъ направлѣнемъ, конечно, оно не могло свободно развиваться; за то и не могло вдаваться въ своевольное изображеніе лицъ Святыхъ по *своему самосмысленію* и, вмѣсто божественной натуры, представлять чувственную природу человѣческую. Но такія условія не мѣшали церковной живописи восходить къ совершенству въ своемъ родѣ, какъ видимъ изъ нѣкоторыхъ ея образцовъ, гдѣ типическая строгость рисунка соединена съ святолюбивою изображеніемъ, нравственно-духовное приличіе съ отчетливостію и изяществомъ исполненія. Если Церковь должна отличать-ся отъ мірскаго, свѣтскаго, своимъ языкомъ и своими формами: то и ея живопись необходимо имѣть свой типъ священный, гдѣ искусство подчинено религіознымъ идеямъ.

Постигая всю важность сего дѣла, Петръ I, по примѣру Патріарховъ, учредилъ Цензуру для иконописанія, которая помѣщена была въ палатахъ, построенныхъ изъ казны Патріарха близъ Покровскаго собора и Василия блаженнаго, что на рѣѣ. Тамъ сидѣлъ, т. е. завѣдывалъ изуграфьевъ исправленія Иванъ Зарудный. Указомъ 1707 г. Апрѣля 27, повелѣно, « дабы лучшаго ради исправленія и чести св. иконъ въ искусствѣ иконнаго и живописнаго изображенія, которые пишутъ иконы Московскихъ, градскихъ и иностранныхъ приѣзжихъ людей во Всероссійской державѣ, велѣно надзирать и вѣдать ихъ, кромѣ всѣхъ приказовъ, Суперъ-Интенденту Ивану Петрову Зарудневу.» Изуграфская Палата состояла въ вѣдомствѣ Оружейной Палаты. (75)

Наконецъ, поставляя вѣкъ Петра Великаго предѣломъ Русской старины, мы ограничимъ этою эпохой свое обозрѣніе исторіи иконописи въ Россіи; но не можемъ не присовокупить къ тому, что какъ церковное это искусство равно и многіе его священные памятники, ознаменованные чудесами, предметы церковнаго благолѣпія и народнаго благоговѣнія, вошли въ неразрывный союзъ съ внутреннею жизнію народа, получили высокое значеніе

(75) Полное собраніе Росс. Законовъ т. IV, съ 1700 по 1712 г. Zustand der Künste in Russland zu Ende des XVII Jahrhunderts, v. I. Snegireff. въ Archiv für wissenschaftlichen Kunde von Russland, 1842, II. II. Berlin.

въ отечественной исторіи; они составляютъ въ Русскомъ мірѣ не только церковную, но и государственную святыню; съ ними связаны судьбы земли Русской, областей, городовъ. Такъ нѣкогда Софія была представительницей Великаго Новгорода, Троица—Пскова до тѣхъ поръ, пока Московскій домъ Пресвятой Богородицы не сосредоточилъ въ нѣдрахъ своихъ святынь изъ вольныхъ городовъ и удѣльныхъ Княженій. Владимірская чудотворная икона, свидѣтельница обѣтовъ Русскихъ Святителей и Государей, двинута была изъ Москвы въ Кострому для призванія Миклаша Романова на оспротѣвшій престолъ; Тихвинская Богоматерь дана была порукою на Столбовскомъ мирѣ; а Смоленская въ 1812 году сопутствовала Россійскому воинству. Кому не извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ семейной жизни иконы, данныя родителями дѣтямъ въ благословеніе, писанныя по обѣщанію и въ ознаменованіе достопамятныхъ событій!

ДРЕВНОСТИ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СВ. ИКОНЫ, КРЕСТЫ, УТВАРЬ ХРАМОВАЯ И ОБЛАЧЕНІЕ СЛНА ДУХОВНАГО.

СВ. ИКОНЫ.

ИКОНА ВЛАДИМИРСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисункъ Огд. I. № 1.)

Прославленная чудотвореніями икона Владимирскія Богоматери, по древнему преданію, (1) изображена еще при жизни Богоматери, списателемъ Дѣяній Апостольскихъ, Евангелистомъ Лукою, въ честь котораго основана была, XIV вѣка, въ Италіи живописная школа, или братство, занимавшееся преимущественно изображеніемъ лица Пресвятой Дѣвы и передавшее намъ нѣсколько ея иконъ. (2)

Изъ Царьграда святыня сія привезена въ Кіевъ вмѣстѣ съ Пророгощею, (3) а оттуда 1154 года во Владимірѣ на Клязьмѣ, Вел. Кн. Андреемъ Боголюбскимъ, который, по сказанію Русскаго временника: « вкова в ню болѣ 30 гривень « золота, кромѣ серебра и дорогого каменія и женцова, и постави ю въ церкви « своей въ Володимери. » Отъ пребыванія своего въ этой столицѣ Великихъ Князей икона получила названіе *Владимирской*. Перенесеніе ея въ Москву при В. К. Василіѣ Дмитріевичѣ въ 1395 году, Августа 26, ознаменовано спасеніемъ престольнаго града отъ нашествія Тамерлана. Ханъ Монгольскій, устрашенный дивнымъ видѣніемъ, внезапно обратился въ бѣгство, въ тотъ

(1) Подтвержденному и слѣдующею надписью на камнѣ въ Римѣ: Oratorium quond. S. Pauli Apost. Lucæ Evangelistæ et Martialis martyrum, in quo et imago B. Mariæ virginis reperta sistebat una ex VII a B. Luca depictis. Roma subterranea novissima, opera et studio *Pauli Aringhi*. 2 t. 1638, Lutetiæ Paris. in f.

(2) *D'Agincourt*. Storia dell'arte dimostrata coi monumenti, Prato, 1826, m. I. p. 373.

(3) Въ рукоп. дополненіи къ Кенигсбергскому списку.

самый день, какъ жители Московскіе встрѣтили на Кучковомъ полѣ эту за-
вѣтную святыню съ восклицаніями: « Матерь Божія! спаси землю Русскую!»
Съ водвореніемъ въ Москвѣ святой представительницы Владимирскаго Вели-
каго Княженія, Московскіе державцы уже возводимы были на престолъ не
во Владимирскомъ, но въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ у златыхъ вратъ.
Какъ сіе достопамятное и чудесное событіе, такъ равно избавленіе Москвы
предстательствомъ Богоматери отъ нашествія Ахметова въ 1480 году, оте-
чественная Церковь празднуетъ крестными ходами Августа 26 и Іюня 23. (4)
Самое поповленіе ея иконы Всероссійскимъ Митрополитомъ Симономъ, въ
1514 году, торжествуется Церковію Мая 21.

Съ XVI вѣка икона Владимирскія Богоматери почиталась въ Москвѣ глав-
ною, иногда называема была *Одигитрією* т. е. путеводительницею; (5) по
водвореніи ея въ Успенскомъ Соборѣ, первопрестольный храмъ сталъ име-
новаться *Домомъ Пресвятыя Богородицы*. Во время 19 мѣсячнаго пребыва-
нія въ Московскомъ Кремлѣ Поляковъ, не щадившихъ святыни, она чудесно
сохранена Архіепископомъ Галасунскимъ Арсеніемъ, и, по очищеніи горо-
да отъ враговъ, вынесена была въ сѣченіе русскимъ дружинамъ, которыя
не чаяли ее увидѣть. Такъ судьбы Москвы связаны съ чудотворнымъ обра-
зомъ Богоматери, который былъ залогомъ спасенія и благоденствія Россіи,
свидѣтелемъ обѣтовъ Царей, Святителей и народа! Для убѣжденія Бориса
Годунова принять хоругви царства, эта земская святыня принесена была къ
нему въ Новодѣвичій монастырь Патріархомъ Іовомъ; предъ нею павши
нищъ, Борисъ воскликнулъ со слезами: « о матерь Божія! что виною тво-
« его подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію крова твоего! » Предъ
нею Святитель благословилъ его на государство Московское и всея Россіи.
При избраніи Святителей, въ кіотъ ея на пелену полагаемы были въ панагій
запечатанные жребіи и, послѣ молебна, вынятые распечатывались Царемъ,
который объявлялъ освященному собору и народу имя избраннаго. По
сверженіи Годуновыхъ, когда клеветы Отрепьева въ Успенскомъ соборѣ
дерзновенно сорвали святительское облаченіе съ Патріарха Іова, тогда
Іерархъ, снявъ самъ съ себя панагію, положилъ у образа Владимирскія Бого-
матери, гдѣ она была на него возложена при посвященіи. Никонъ Патрі-

(4) Карамз. II. Г. Р. III, 31, 39. V, 149, 151, 342. VI, 160. XI, 7, 123.—Разсужденіе о крест-
ныхъ ходахъ православной Церкви, соч. II. Аничкова-Платонова. М. 1842, въ 8.

(5) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора, изд. II. Стрובה. М. 1844. въ 4.

архъ у кіота ея поставилъ свой архипастырскій жезлъ, когда добровольно отрекся отъ своего престола.

Этотъ памятникъ Апостольскихъ временъ пребываетъ въ первопрестольномъ храмѣ Москвы пятое уже столѣтіе и только, при нашествіи Наполеона, въ 1812 году, увозимъ былъ во Владимірѣ, какъ бы для того, чтобы по-сѣтить и охранить прежнюю свою обитель.

Художественное значеніе иконы не менѣе важно, какъ и историческое, по самому художнику—Евангелисту, которому приписываетъ ее древнее преданіе, такъ и по стилю и искусству украшеній, состоящихъ изъ предметовъ ваянія, сканной и чеканной работы.

Сочинитель Степенной книги, Всероссійскій Митрополитъ Аѳанасій, поновлявшій св. икону 1566 года, сообщаетъ намъ ея описаніе въ слѣдующихъ словахъ: « Апостолъ Лука изящне видѣніе тоя и прочая подобія начерта « во образъ возраста средня мѣры: святое и благодатное лице ея мало « окружіа, продолжающійся носъ достосладостнѣ лежащъ на десно, при близъ « пречестнаго лица превѣчнаго ея младенца; персты же Богопріемныхъ « ея рукъ тонкостію истончены. »

Какъ должное, или драпировка на образѣ закрыта окладомъ, а лицевое письмо слодою: то, не касаясь рисунка и колорита, мы представимъ здѣсь для сличенія съ настоящимъ ея видомъ древнее, замѣчательное, по содержанию и техническому языку, описаніе украшеній, сдѣланное въ 1627 году, по указу Патріарха Филарета Никитича:

« Образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, писмо Евангелиста Луки, « въ кнотѣ, кнотъ обложенъ серебромъ 3 затворы, а на затворехъ образъ « Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, да Евангелисты серебряны тощіе, « да на кноте крестъ серебрянъ волачной въ яблоке, да у пречистыя Бого- « родицы другой серебрянъ кнотъ обложенъ серебромъ, окладъ басменной, « двѣ шамейки да два пробоя серебряны литые, вверху кнота шесть горо- « довъ золоты, а въ нихъ тридцать пять яхонтовъ лазоревыхъ, два изумру- « да, да шесть лаловъ, около лаловъ низано жемчугомъ въ одну прядь два « камня зелены плохіе, семь веннсъ и червцовъ, камень хрусталь, всѣ въ « золотыхъ гнѣздахъ, около городовъ низано жемчугомъ въ одну прядь, на « городѣхъ же на закрѣпкахъ двадцать жемчуги. Образъ Пречистыя Богоро- « дицы оплечье и вѣнецъ и коруна и по полямъ двѣнадцать праздниковъ зо- « лотыхъ, и межъ праздниковъ по полямъ обложено золотомъ же сканью с

« финифтомъ, а около вѣнцовъ и образа Пречистые Богородицы и праздни-
 « ковъ низано крупнымъ жемчугомъ въ одну прядь, а въ прежней росписи
 « окладъ и вѣнцы и репы написаны серебряны. В вѣнце надъ главою
 « яхонтъ лазоревъ большой, да шесть яхонтовъ лазоревыхъ, три обнизаны
 « жемчугомъ в одну прядь, лалъ большой да лалъ невеликъ обнизанъ жем-
 « чугомъ в одну прядь, три изумруда обнизаны жемчугомъ в одну прядь,
 « всѣ в золотыхъ гнѣздахъ; да три репы большихъ золотыхъ, а въ нихъ
 « среди репьевъ три лапа большихъ: средней лалъ обнизанъ жемчугомъ
 « в одну прядь, да два лапа малые, девять яхонтовъ лазоревыхъ въ золо-
 « тыхъ гнѣздахъ, да на тѣхъ же репьяхъ сорокъ четыре зерна гурмынскихъ
 « большихъ и среднихъ на снѣгахъ репей золотъ, въ немъ камень юга око-
 « ло гнѣзда в обнизѣ пятнадцать зеренъ гурмынскихъ да на снѣгахъ четыре
 « зерна гурмынскихъ да въ корунѣ двадцать одинъ яхонтъ лазоревъ, два
 « изумруда, лалъ тунпасъ, двадцать пять раковинъ, да промежъ городовъ ко-
 « руныхъ двадцать четыре лалика маленькихъ и тѣ всѣ камни и ракови-
 « ны въ золотыхъ гнѣздахъ, а около городовъ и около вѣнца по обѣ сторо-
 « ны обнизано жемчугомъ крупнымъ в одну прядь. Поднизъ у Пречистые
 « Богородицы низано большимъ жемчугомъ, а в ней двадцать семь яхонтовъ
 « лазоревыхъ, да четыре лапа, да тридцать три зерна гурмынскихъ, вся-
 « чихъ на нѣтяхъ. На правомъ плечѣ яхонтъ лазоревъ большой въ гнѣздѣ
 « в золотомъ, надъ нимъ репей золотъ, въ репѣ яхонтъ лазоревъ, около его
 « въ обнизѣ девятнадцать зеренъ гурмынскихъ, да четыре лапа, да четыре
 « зерна гурмынскихъ на снѣгахъ, пониже подпишъ гнѣздо сканное золото, а
 « в немъ изумрудъ, да тридцать три зерна гурмынскихъ на снѣгахъ. На под-
 « писяхъ на закрѣпкахъ восемь зеренъ гурмынскихъ на снѣгахъ. На лѣвомъ
 « плечѣ репей золотъ, а в немъ яхонтъ лазоревъ, да четыре лапа около
 « яхонта в обнизѣ, осмнадцать зеренъ гурмынскихъ, да четыре зерна на
 « снѣгахъ. По ниже репы гнѣздо золотое сканное, а въ немъ изумрудъ, да
 « четыре зерна на снѣгахъ. »

Въ числѣ прикладовъ и привѣсокъ къ образу, вѣроятно, большею частию, обѣтныхъ, въ описи значатся: 1) ожерелье прикладу Царя Михаила Феодо-
 ровича, низанное крупнымъ жемчугомъ съ 5 яхонтами, 11 изумрудами и
 11 лапами в золотыхъ гнѣздахъ, 2) золотыхъ цатъ 6, панегіи 4, крестовъ
 16, съ жемчугами и драгоценными камнями, сверхъ того, рясы и серьги,
 сто пятьдесятъ два золотыхъ Угорскихъ и Московскихъ, четыре золотыхъ

двойныхъ Угорскихъ, Новгородка золотая и серебрена золочена. Все сіе составляло богатое и разнообразное украшеніе св. иконы; но когда Петръ I указомъ 1722 г. Апрѣля 24 повелѣлъ снять съ иконъ привѣски и доставить ихъ въ Св. Синодъ для разбора, « что въ нихъ старое и куріозное: » тогда она лишилась бѣльшей части своихъ узорочій. Золотая риза на Богоматери устроена, по указу Патріарха Никона, 1658 года, золотыхъ дѣлъ мастеромъ Петромъ Ивановымъ; (6) но на поляхъ остался древній сканный окладъ. Между двумя дробницами въ кругѣ изображены сканью греческія слова *ΙΤΑ ΡΩΣΙΑΙ*, кои свидѣтельствуютъ, что дѣло это греческое.

Точный снимокъ съ этого образа въ золотомъ окладѣ, сдѣланный Всеросс. Митрополитомъ Симономъ, хранится въ придѣлѣ Св. Апостолъ Петра и Павла въ Успенскомъ Соборѣ. Изъ устава Москов. Патріарховъ видно, что въ ненастное время сію икону носили въ крестномъ ходу, вмѣсто подлинной, какъ-то случилось въ 1687 году. (7)

(6) Книга Патріарш. Казен. Приказа 7166 г. N. 64.

(7) Древняя Росс. Визіюнка, X, 323.

ОБРАЗЪ ІОАСАФОВСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Огд. I. №. 2.)

Подъ именемъ Іоасафовской Богоматери извѣстенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ наложный осмилистовый образъ Богоматери, писанный греческимъ пошпбомъ (1) на липовой дскѣ съ выемкою. Судя по рисунку и колориту, онъ писанъ въ Россіи и твердостью одного и плавкостью другого близко подходитъ къ стилю школы Рублева. Лице Богоматери болѣе круглое, чѣмъ продолговатое, безъ костоватости (2), но съ отживкою (3); выраженіе его болѣе мрачное, чѣмъ умильное; носъ маленькій, тонкій, глаза безъ слезниковъ, кои появляются на иконахъ съ XVI вѣка. Доличное вохрянаго цвѣта, безъ иконопи (4), между тѣмъ какъ доличное у Спасителя съ золотыми гвен-тамп. (5) На челѣ и на персяхъ у Богоматери три звѣзды, знаменующія ея дѣвство до рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ.

Украшенія иконы замѣчательны искусствомъ и богатствомъ. Поля ея, или свѣты, покрыты золотымъ сканнымъ съ финифтью окладомъ; вѣнецъ на Богоматери золотой съ городками, гривною и тремя цатами, къ ней привѣшенными. Тѣ и другія усыяны драгоцѣнными камнями, по большей части, негранеными. На Спасителѣ такой же вѣнецъ съ городками.

(1) т. е. стилемъ. (2) или подпробѣлки. (3) или блесками, движками, отѣнками. (4) *икопъ*, или *икопотъ*, наводъ раствореннымъ золотомъ. (5) *гвенты*, черты, складки на одеждѣ, коей откинутыя поля назыв. *картушекъ*.

На золотыхъ дробницахъ по полямъ образа наведены черныю лики: Пресвятой Троицы, Св. Іоанна Предтечи, Архангела Гавріила, Николая Чудотворца, Св. Василя Парійскаго, Θεодора Стратилата, Іоанна Лѣствичника, Пренод. Сергія и Анастасіи Римлянины.

Такъ какъ, по древнему обычаю на Русь, на св. иконахъ перѣдко изображались Святые, тезоименитые членамъ какой нибудь фамиліи; то и въ Святыхъ на иконѣ Іоасафовской Богоматери, вѣроятно, увѣковѣчены имена семейства владѣтеля ея; ибо здѣсь находимъ святыхъ Іоанна Предтечу, Θεодора Стратилата и Анастасію Римлянину, соименныхъ Царю Іоанну Васильевичу, Царицѣ Анастасіи Романовнѣ и Царевичу Θεодору. Еслибъ икона устроена была Царемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ, которому присвоивается описью этотъ образъ, то навѣрное на дробницахъ изображены были бы Святые, тезоименитые его родителю и одной изъ его супругъ, Агаѣи или Марѣѣ. Вѣроятноже же, эта икона была молебная, комнатная, и перешла ему въ благословеніе отъ родителя, а въ Соборъ поступила, можетъ быть, по смерти его, какъ надгробная, выносная.

Чтожъ касается до названія иконы Іоасафовскою: то въ числѣ явленій отъ иконъ Богоматери такой не встрѣчается. А какъ Патріархи Московскіе, при вступленіи своемъ на Святительскій престолъ, имѣли обыкновение подносить Царю св. иконы въ благословеніе: то или Іоасафъ I поднесъ ее Царю Михаилу Θεодоровичу, или Іоасафъ II Царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго она могла поступить въ наслѣдіе сыну его и преемнику Θεодору подъ именемъ Іоасафовской.

СВ. ИКОНА
ОДИГИТРИИ СМОЛЕНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Омд. I. №. 3)

Икона Богоматери Одигитрии мѣстная въ верхнемъ придѣлѣ Благовѣщенскаго Собора, въ честь собора Архистратига Гавріила; вышиною она 1 ар., шириною 13 вершк. Судя по рисунку и колориту, пошибъ ея Московскихъ царскихъ иконописцевъ. Умильное лице Богоматери продолговатѣе и юнѣе, чѣмъ на другихъ иконахъ, здѣсь изображенныхъ; на челѣ и на правомъ плечѣ ея двѣ звѣзды, третья закрыта Спасителемъ, котораго она держитъ на рукахъ. У Предвѣчнаго Младенца одна рука благословляющая, въ другой книжный свитокъ. Поля и свѣты иконы обложены серебрянымъ басменнымъ окладомъ, какой уцѣлѣлъ на всемъ иконостасѣ отъ хищенія непріятелей въ 1812 году. Вѣнцы на Богоматери и Спасителѣ чеканные серебряные золоченые съ самоцвѣтными камнями. Въ описи Благовѣщенскаго Собора, сдѣланной, по указу Царя Θεодора Алексѣевича, 1680 года, эта икона значится въ числѣ мѣстныхъ главнаго престола; съ нея тамъ находятся два списка, одинъ съ чудесами позади лѣваго столпа. По указанію описи, она была въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ съ чеканными цатами, съ уборсомъ и ожерельемъ жемчужнымъ; сверхъ того, украшена лазоревыми яхонтами, суровиками и бирюзами въ вѣнцахъ и гнѣздахъ. Около образа были написаны двадцать четыре праздника Господскихъ и Богородичныхъ. (1)

(1) Опись церквамъ Благовѣщ. Собора 7188 и 89 въ л. N 119, въ Архивѣ Оруж. Палаты.

Эта икона есть точный списокъ съ Смоленскаго чудотворнаго образа Богоматери Одигитріи, который, по преданію, есть первоначальный Евангелистомъ Лукою. Въ 1404 году принесенный въ Москву послѣднимъ Княземъ Смоленскимъ Юріемъ Святославичемъ, (2) онъ поставленъ былъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ на поклонѣ. Черезъ полвѣка, святыня сія ходатайствомъ Епископа Мисаила и гражданъ Смоленскихъ возвращена была въ свою отчизну. Великій Князь Василій Темный съ святителемъ Іоною провожалъ ее до самаго Дорогомилова и въ память сего событія учрежденъ 28 Іюля крестный ходъ въ основанный имъ Новодѣвичій монастырь. По отпускѣ сего образа, Великій Князь, какъ гласитъ лѣтопись, «повелѣ ину въ тоя мѣсто писати, снемъ мѣру съ нея и образъ назнамена.» Съ того времени начали распространяться въ Московскомъ государствѣ списки съ Одигитріи.

Когда ужасный пожаръ 1547 года истребилъ въ соборахъ и церквахъ кремлевскихъ множество св. иконъ, тогда вѣроятно не сохранился и древнѣйшій списокъ съ образа Смоленскія Богоматери; но судьба его подлинника связана была съ судьбами Москвы и Смоленска. По присоединеніи послѣдняго къ первой, чудотворная икона Одигитріи снова пригнесена была Архіепископомъ Варсонофіемъ Еропкинымъ въ столицу Россіи, для поповленія, 1669 года. По всему вѣроятно, при этомъ случаѣ сдѣланъ былъ описываемый нами снимокъ. Когда Смоленскъ взятъ былъ Наполеономъ, тогда заветная святыня, сопутствовавшая Русскому воинству, снова посѣтила Москву, обреченную въ то время на жертву за Россію.

(2) *Карамз.* II. Г. Р. V. пр. 386. и Выходы Царей Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича, изд. II. Строева. М. 1844, въ 4.

НОВГОРОДСКІЕ РѢЗНЫЕ ОБРАЗА.

(Рисунокъ Огд. 1. № 4.)

Въ то самое время, когда Петръ I указами своими повелѣлъ отбирать изъ церквей и часовенъ рѣзные образа и хранить ихъ въ ризницахъ при соборахъ и монастыряхъ: въ Новгородскій Софійскій Соборъ поступило много подобныхъ иконъ разной величины, изъ коихъ здѣсь изображены:

- 1) Св. Параскева Пятница, съ распростертыми въ моленіи руками.
- 2) Неизвѣстная фигура въ царскомъ облаченіи, въ зубчатой коронѣ на головѣ и съ скипетромъ въ рукѣ.
- 3) Другая, подобная первой, съ вѣнцомъ вокругъ головы.
- 4) Неизвѣстная фигура съ распростертыми руками, въ мантии, застегнутой на груди тремя застежками.
- 5) Всадникъ въ бронѣ.

Всѣ эти фигуры, вырѣзанныя изъ липоваго дерева, расписаны красками. Въ рисунокѣ ихъ недостаетъ правильности, а въ отдѣлкѣ изящества. Это составляетъ едва ли не общій недостатокъ въ произведеніяхъ сего образовательнаго искусства, столь свѣчнаго Русскому народу.

Не останавливаясь на трехъ неизвѣстныхъ намъ изваяніяхъ, рассмотримъ первое, какъ болѣе замѣчательное по своей древности и значенію въ Русскомъ мірѣ, гдѣ къ хрістіанскому понятію о святой Великомученицѣ народъ примѣшалъ древнія свои повѣрья языческаго происхожденія.

Самое названіе св. Прасковіи Пятницею есть ничто иное, какъ переводъ греческаго слова *παρασκευή* т. е. приготовленіе къ субботѣ и дано Великому мученицѣ, пострадавшей за Христа въ III вѣкѣ, при Императорѣ Діоклетіанѣ, по случаю рожденія ея въ пятокъ, который благочестивые ея родители проводили въ постѣ, молитвахъ и въ воспоминаніи о крестной смерти Спасителя. (1) Отечественная Церковь наша, согласно съ отвѣтомъ страстотерпницы на вопросъ ея мучителей, соединила Греческое имя съ Русскимъ его переводомъ, а простой народъ, по невѣжеству, принималъ ихъ за два различныя слова, давая имъ различное значеніе.

Простолудины, благоговѣя предъ св. Пятницею, во многихъ мѣстахъ Россіи пятничаютъ, т. е. держатъ строгій постъ, считаютъ за грѣхъ работать въ пятый день недѣли, называемый у нихъ *обѣтнымъ*, *завѣтнымъ*. Въ особенномъ у нихъ уваженіи пятницы предъ праздниками, какъ-то: *Благовщенская, Троицкая, Спасовская, Успенская, Ильинская*.

Въ Стоглавѣ упоминается о вымышленныхъ явленіяхъ св. Параскевіи, будто «заповѣдавшей въ пятокъ ручнаго дѣла не дѣлать и женамъ не прясти и платье не мыть и пламени не разжигать.» Мало того: простолудины въ Польшѣ, въ этотъ день даже не смѣются, вѣря, что кто въ пятницу смѣется, тотъ въ Воскресенье будетъ плакать. (2)

Многія мѣстныя ярмарки и торги въ Россіи сльвуть *Пятницами*, какъ-то: двѣнадцать въ году *временныхъ*, *девятая, десятая, Берендѣева, обжорная* и т. д. Въ Москвѣ было урочище *Старыя Пятницы*, на красной площади, гдѣ производился торгъ. И въ Новгородѣ заморскіе купцы поставили въ 1156 году церковь св. Пятницы на торговой площади. (3)

Рѣзныя и иконописныя изображенія св. Пятницы выставлялись на перекресткахъ въ часовняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Пятницъ*, и на дупловатыхъ деревьяхъ въ лѣсу, занимали мѣсто въ домашней божницѣ въ переднемъ углу, или покутѣ. Святую Пятницу представляли даже женщины. Въ Духовномъ Регламентѣ сказано, что «въ Малой Россіи, въ Стародубскомъ полку, въ пятокъ водятъ женку простовласу подъ именемъ Пятницы и водятъ въ ходѣ церковномъ и при церквѣ честь оной отдаетъ народъ съ дарами и со упованіемъ нѣкія пользы.» Въ Булгаріи Пятницѣ приносятъ въ жертву

(1) Дни Богослуженія православной восточной Церкви, Спб. 1846 г. въ 8.

(2) Lude. Polski p. L. Golbiewskiego. Warsz. 1830.

(3) Карамз. II. Г. Р. III. пр 381.

агница; пригнѣвъ къ рогамъ по свѣчкѣ и окуривъ ладаномъ, рѣжутъ его надъ сосудомъ такъ, чтобъ не пропало ни капли крови, кою крестообразно мажутъ дѣтямъ на лбу, щекахъ и подбородкѣ; потомъ зажаривъ его, съ молитвою съѣдаютъ, а кости зарываютъ въ землю. Тоже самое дѣлается въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ. На Руси, при изгнаніи зимы, при встрѣчѣ весны, въ дожинки, обжинки и при опахиваньи, избранныя отъ міра лица представляютъ собою Пятницу. Народное суевѣріе придало ей тоже значеніе, какое имѣло у Римлянъ Венера или *Suada*, (4) у Славянъ Лада, устроивавшая свадьбы; посему и невѣсты особенно молятся Пятницѣ о своемъ суженомъ; она же была покровительницей торговли. По той же причинѣ и пятый день недѣли посвященъ у Римлянъ, Французовъ, Скандинавовъ и Нѣмцевъ Венерѣ или Свадѣ и Фреѣ: *dies Veneris, Vendredi, Freitag, Friatag, Freyjudagr*.

Такія суевѣрія, соединенныя съ изваяніями св. Великомученицы и запрещеніе правилами Св. Отецъ употребленія рѣзныхъ иконъ, дали поводъ Петру I. къ повелѣнію: отбирать изъ церквей и часовенъ ея изваянія. Чтожъ касается до всадника въ бронѣ, то онъ долженъ быть или св. Георгіи побѣдоносецъ или св. Димитрій Селунскій, которыхъ изображеніями ваеніе и рѣзьба перѣдко украшали церкви, часовни и молельныя.

(4) Sane Veneri multa nomina dicuntur, imposita; nam alii Suadam appellant, quod ipsa conciliatio Suada sit. *Servius. ad Aen. I, 724.*

НОВГОРОДСКІЙ ОБРАЗЪ

ЗНАМЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

(Листунки Олд. I. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.)

Названіе Новгородскаго образа Богоматери *Знаменіемъ* т. е. чудомъ, явленіемъ, происходитъ отъ дивнаго событія въ XII вѣкѣ, внесеннаго въ отечественныя лѣтописи. Въ княженіе Романа Мстиславича 1169 года ополчилась на Великій Новгородъ вся *Просторусь*: Суздальцы и Смольяне съ Рязанцами, Торопчанами, Переславцами, Ростовцами, Муромцами и Полочанами. Тогда въ Новгородѣ Архіепископомъ былъ Св. Іоаннъ; въ часы молитвъ его о спасеніи паствы чудный гласъ повелѣлъ ему взять изъ церкви Спаса на Ильинной улицѣ образъ Богоматери и поставить его на острогъ противъ супостатовъ. Святитель съ крестнымъ ходомъ вынесъ икону сію, какъ оборону, и поставилъ на вышнемъ укрѣпленіи, или острогѣ Новгорода. (1) Стрѣла, пущенная однимъ Суздальцемъ, ударила въ нее; икона обратилась тыломъ къ врагамъ, а лицомъ къ городу и, какъ свидѣтельствуется лѣтописью, слезы капали съ нея на felonъ Архіепископа. Въ это самое мгновеніе Суздальцы предались бѣгству, а по сказанію Новгородской лѣтописи, « ослѣпоша и побѣждени быша. » Новгородцы рубили ихъ мечами, брали въ плѣнъ и продавали Суздальца по двѣ ногаты. Битва Новгородцевъ со всею *Просторусью* была Февраля 25, по Супрасльской рукописи, Февраля 18. Въ память чудеснаго заступленія Богоматери Новгородцы св. икону ея наименовали *Знаменіемъ* и въ честь ея, 27 Ноября, установи-

(1) Псковская Лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837, въ 4. « Новгородцы — устроили острогъ около города. Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. т. III. Новгородск. Лѣт. I. и III.

ли праздникъ, который потомъ сдѣлался общимъ въ отечественной Церкви.

Въ 1354 году Новгородцы поставили на Ильинѣ улицѣ каменную церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, куда и перенесена была чудотворная икона изъ Спасопреображенской церкви. (2) Когда же св. икона въ Новгородѣ «отъ многъ лѣтъ», какъ сообщаетъ намъ лѣтопись, «обветшала зѣло:» тогда Архіепископъ Макарій ее «поновилъ и украсилъ кузною и монетами; потомъ 1528 г. Октября 30, съ крестнымъ ходомъ «проводилъ ее на Ильину улицу въ возобновленную и освященную имъ «церковь въ честь Знаменія Богородицы.» По опредѣленію Московскаго собора, въ 1547 году, установлено праздновать Св. Іоанну Архіепископу Новгородскому Чудотворцу Сентября 7; въ службѣ сему Святителю между прочимъ упоминается и чудо отъ иконы Богоматери: «по истиннѣ великимъ даромъ отъ Бога почтенъ бысть, Святителю Іоанне, яко сподобися послужити чудеси Святѣй Богородицы предивному Знаменію.» (3) Весьма вѣроятно, что съ того времени, когда Святитель Макарій изъ Новгорода переведенъ былъ въ Москву на Іераршескій престолъ, распространились списки съ Новгородской иконы въ Московскомъ государствѣ и сооружены многія церкви въ честь сего явленія Богоматери; отъ образа ея, донынѣ стоящаго на Троицкихъ воротахъ Кремля, въ XVII вѣкѣ онѣ назывались *Знаменскими* и улица, идущая отъ Боровицкихъ воротъ въ Бѣломъ городѣ, и рѣшетка на Стрѣлкахъ именовалась еще въ концѣ XVI вѣка *Знаменскою* отъ церкви Знаменія, вновь сооруженной Бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ противъ его двора (4).

Въ Китаѣ городѣ, на Варваркѣ, у двора бояръ Романовыхъ стояла церковь Знаменія Богородицы; тамъ въ 1630 году Царь Михаилъ Феодоровичъ основалъ Знаменскій монастырь, *что на Государевъ старомъ дворѣ.* Надъ гробами Романовыхъ, четырехъ братьевъ Патріарха Филарета, пострадавшихъ отъ Бориса Годунова, сооружена была потомками ихъ въ Новоспасскомъ монастырѣ церковь Знаменія Богородицы. Изъ сего и другихъ случаевъ видно, что царственный родъ Романовыхъ признавалъ сіе явленіе Богоматери своею заступницей и покровительницей.

(2) Супрасльская рукопись, изд. К. М. А. Оболенскимъ. М. 1836, въ 4.

(3) Послѣдованіе церковнаго пѣнія, или собранія вселѣтнаго. Рукоп. уставн. XVI вѣка, въ 4.

(4) По Патріаршему Казен. Приказу приходная книга 7150 г. (1642), N. 27 (515). «Церковь Знаменія П. Б. что у воротъ Боярина Ивана Никитича Романова.»

Подобное изображение Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ персяхъ встрѣчается на монетахъ Византійскихъ Императоровъ Іоанна Цимисхія, Василія и Константина Порфиророднаго, въ X вѣкѣ, Михаила Дуки въ XI вѣкѣ. (5) Ликъ Богоматери поясной; руки не распростерты въ моленіи, а прижаты къ персямъ, какъ на иконѣ Новгородской и на одномъ экземплярѣ Черниговской гривны. Но на печатяхъ Владыкъ Великаго Новгорода, въ началѣ XIV вѣка, Пресвятая Дѣва изображена во весь ростъ съ младенцемъ въ персяхъ ея и съ распростертыми руками въ моленіи. Изъ сего видно, что икона Знаменія Богоматери, перешедшая на Русь изъ Византіи, въ Новгородѣ написана съ нѣкоторыми отмѣнами; но сущность и характеръ первообраза удержался въ сочиненіи рисунка: символъ вѣчности и подобіе неприступнаго свѣта Божества выражены кругомъ, въ коемъ вмѣщается Ликъ Предвѣчнаго Младенца. Какъ прижатыя къ персямъ руки Богоматери знаменуютъ ея высокое смиреніе, на которое призрѣлъ Вышній, такъ простертыя въ моленіи — предстательство ея о всемъ Христіанскомъ жительствоѣ и о благоденствіи Новгорода; пбо, по свидѣтельству лѣтописи «и до сего дни та Св. Богородица икона чудодѣйствуетъ и цѣлѣбы даруетъ.» (6) На челѣ и персяхъ Богоматери три звѣзды, о коихъ мы прежде сказали. Замѣчательно, что *благословляющая* рука Спасителя сложена согласно съ ученіемъ Православной Восточной Церкви; въ другой рукѣ у него свитокъ. Въ вѣницѣ вокругъ главы, раздѣленномъ крестообразно чертами, извѣстное слово ѠН сый, а по сторонамъ Іс Хр.

Вокругъ св. иконы изображено въ лицахъ самое чудо, или дѣянье. Это изображение замѣчательно сколько въ историческомъ, столько и въ археологическомъ отношеніи; пбо оно, напоминая намъ явленіе св. иконы, предшествовавшее возстанію союзныхъ Русскихъ Князей на самосудный Великій Новгородъ, представляетъ памятники древняго зодчества въ Новгородѣ: церкви, звонницу, зданія и укрѣпленія города, потомъ облаченія Святителя и священнослужителей, одежду горожанъ, доспѣхи воиновъ Суздальскихъ и Новгородскихъ: брони съ короткими рукавами и съ набедренниками, желѣзные шпашки съ бармицами, сердцеобразные щиты, стяги, знамена, копыя и стрѣлы. На Князьяхъ, воеводахъ и послахъ шапки. Надписи надъ дѣяніями дополняютъ то, чего не могла выразить кисть.

(5) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par de Saulcy, Metz, 1836, in-4.

(6) III Новгородская Лѣтопись въ Полномъ Собраніи Русск. Лѣтописей т. III.

Спишемъ ихъ:

« 6675 лето сотворися знаменіе в Великомъ Новгороде от той иконы Пресвятыя Богородицы иже на Ильинѣ улицѣ; сице живущимъ Новгородцемъ своею областію, якоже ими Богъ поручи, Князя державу себе по своей воли, в то же время Двиняне не хотяху дати дати Новугороду и от даша Князю Андрею Суздальскому. Новгородцы же послаша на Двину данника и с нимъ отъ ѣ-ти концевъ по сту мужей. Послыша Князь Суздальскій, посла воины, числомъ $\frac{1}{2}$ ѣе сотъ и сретоша на Белѣ озерѣ и начаша битися и поможе Богъ Новгородцемъ и побѣди мужей, и ни побегоша и тако Князь Андрей разгнева и начаша копити воинство, самъ же разболеся и посла сына своего Романа къ Новугороду. »

« Приде Князь Романъ Суздальскій со множествомъ воишества к Великому Новугороду и испустиша стрелы. »

« Послы Новгородци. Послы Суздальскіи. »

« И молитвами Пресвятыя Богородицы окаинны ослепоша и потомъ сами себѣ начаша посекати. »

Софійскій временникъ и Супрасльская лѣтопись, обвиняя Новгородцевъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія къ Князьямъ, говорятъ только, что «они наказаны за грѣхи рукою Благовѣрнаго Князя Андрея и спасены сплюю крестною и милостію Богородицы,» которой иконы предъ пашествіемъ Суздальцевъ всплакали въ трехъ церквахъ Новгородскихъ; чудо же описано Степенною книгою и Прологомъ согласно съ словами надписи. Здѣсь сказано о пришествіи на Великій Новгородъ Суздальскаго Князя Романа, который въ Софійскомъ временникѣ, называется Мстиславомъ, а Смоленскій Князь Романомъ. Псковская лѣтопись подтверждаетъ свидѣтельство надписи объ ослѣпленіи Суздальцевъ, о чемъ другія умалчиваютъ.

Подъ образомъ на дскѣ представленъ Новгородъ, осажденный Суздальскимъ и другими Князьями Русскими, въ 1169 или 1170 г. Объ этомъ памятникѣ ничего не говорятъ ни М. Евгеній, ни Н. Муравьевъ, обозрѣвавшіе древности Новгорода и сравнивавшіе прежнее его положеніе съ настоящимъ (7). Вельтманъ первый сообщилъ намъ свѣдѣніе и снимокъ съ этого вида, который, судя по обычному, преимущественно въ XVI вѣкѣ, перспективному (au vol d'oiseau) изображенію городовъ, а равно и по иконописному

(7) Разговоры о Древностяхъ Великаго Новгорода, М. 1808, и Описаніе древней Новгородской серебряной гривны съ планомъ 1756, М. 1826, въ 4.

стило, относится, какъ должно полагать, къ тому времени, когда Архіепіскопъ Макарій, ревнитель живописнаго искусства, при поновленіи иконы, желалъ увѣковѣчить и совершенное ею чудо въ Новгородѣ олицетвореніемъ его на дскѣ, которая замѣняетъ пелену. Это изображеніе представляетъ намъ на третьемъ и четвертомъ планѣ городъ, раздѣленный Волховомъ на двѣ стороны, Софійскую и Торговую, а на первомъ и второмъ планѣ союзную Русскую рать, осаждающую городъ съ Торговой стороны и битву ея воиновъ съ Новгородскими.

Тройныя стѣны, какъ три пояса Торговой стороны, составляютъ три крѣпости — подобіе Московскаго Кремля, Китая и Бѣлаго города. Эти стѣны и острогъ, тогда устроенный Новгородцами, деревянные съ лучшими боями и осадными стоками; башни круглыя и четвероугольныя съ шатровыми кровлями, однѣ глухія, другія воротныя съ рѣшетками; кругомъ стѣнъ валъ и ровъ. Торговая сторона соединяется съ Софійскою великимъ мостомъ черезъ Волховъ. Въ стѣнахъ, или въ *заборолѣ*, съ 19 башнями, представляется множество зданій: церквей, монастырей, хоромъ съ вышками, избъ и теремовъ, между коими пестрѣютъ огороды и сады. Это уже великій городъ, распространенный Княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ.

Предъ стѣнами Торговой стороны, осаждающая Новгородъ рать, конная и пѣшая; позади ея поле битвы, гдѣ одни сражаются, другіе грабятъ убитыхъ; одинъ изъ всадниковъ стрѣляетъ изъ лука въ св. икону, на стѣнѣ городской, водруженную на древкѣ. Изъ наступательныхъ оружій у воиновъ видны копы, луки, мечи, бердыши, или сѣкеры; изъ оборонительныхъ щиты, байданы, шлемы съ яловцами, наручи и наколѣнники. Въмѣсто сѣдла и чапрака, на лошадяхъ попоны съ выпусками; ноги у всадниковъ въ стремянахъ. На битву вызываютъ сурны, въ коп трубятъ воины. Отдѣльные отряды всадниковъ имѣютъ хоругви, стяги или знамена, и прапоры, то съ четвероконечными, то съ осмьконечными крестами. На стѣнахъ городскихъ, кромѣ духовенства съ св. иконами и крестами, не видно воиновъ; но съ лѣвой стороны изъ воротъ выступаетъ рать Новгородская. При сравненіи этого вида Новгородскаго съ дѣяніемъ, открывается разница въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ, напр: церкви и зданія городскія не одинаковы на томъ и другомъ: въ первомъ на персяхъ (зубцахъ) стѣны видны только священнослужители съ двумя образами, а на другомъ — воины;

вооруженіе воиновъ на томъ и другомъ несходно: одни въ шишакахъ съ бармицами, другіе въ шлемахъ съ яловцами и т. д. Изъ чего слѣдуетъ, что чертежъ Новгорода и дѣянья писаны не въ одно время; послѣднія, по видимому, древнѣе перваго.

Если этотъ планъ Новгорода снятъ и не съ древнѣйшаго, современнаго самому событію; но изображенъ, спустя нѣсколько вѣковъ, послѣ явленія св. иконы: и тогда онъ, по содержанію своему, какъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ, достоинъ вниманія; ибо, напоминая чудесное избавленіе Новгорода, возсоздаетъ намъ древній его бытъ и въ тоже время сообщаетъ свѣдѣніе о вооруженіи воинства и осадѣ городовъ. Можетъ быть, въ изображеніи этой осады намъ представляется ближайшій къ художнику приступъ къ Великому Новгороду Іоанна IV.

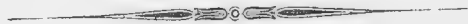

СТѢННОЙ ОБРАЗЪ СПАСА СМОЛЕНСКАГО.

(Рисунокъ Омд. I. № 14.)

Образъ Спасителя, написанный по сырой штукатуркѣ, на городской стѣнѣ Смоленска, вообще извѣстенъ подъ именемъ *Спаса Смоленскаго*, въ честь котораго, по присоединеніи Смоленска къ Московскому Государству 1667 года, сооружена въ Москвѣ у Москворѣцкихъ воротъ церковь Спаса Смоленскаго, упраздненная въ концѣ XVIII столѣтія. Намъ неизвѣстно, тогда ли написанъ сей образъ, когда Цари Θεодоръ Иоанновичъ и Борисъ Годуновъ построили каменныя стѣны Смоленска, вмѣсто земляныхъ валовъ, или когда Царь Алексій Михайловичъ завоевалъ это *ожерелье Россіи*. Въ числѣ воротъ крѣпости находились и Флоровскія, названныя, безъ сомнѣнія, въ подражаніе сопленнымъ въ Московскомъ Кремлѣ, которыя въ 1658 году, по Царскому указу, переименованы Спасскими. Какъ на Московскихъ Спасскихъ воротахъ, такъ и на стѣнѣ Смоленска одинаково изображеніе Спасителя, кромѣ того, что на послѣднемъ къ припадшимъ въ моленіи святымъ Сергію и Варлааму присоединены предстоящіе два Святые, одинъ въ монашеской одеждѣ, а другой въ воинскихъ доспѣхахъ съ крестомъ въ рукѣ. Въ надписяхъ имена ихъ изгладились. Но, вѣроятно, это особенно чтимые Смольянами отечественные ихъ Святые: преподобный Авраамій и мученикъ Меркурій. Фигура Спасителя болѣе восьми головъ; на лицѣ его художникъ не безъ успѣха старался выразить спокойное величіе и святолюбность; одна рука благословляющая, а другая, дер-

жащая раскрытое Евангеліе. Долічное замѣчательно своею отдѣлкою; хитонъ красноватаго цвѣта, а зеленая иматисма; обвивая тѣло Спасителя, однимъ концемъ лежитъ на рукѣ его, а другимъ спущена долу. Вообще рисунокъ твердъ и отчетливъ, а раскраска отличается легкостью и плавностію. Мѣстами образъ подновленъ.

ОБРАЗЪ

СВЯТЫХЪ МАКАРІЕВЪ ЕГИПЕТСКАГО И АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

(Рисунокъ Омд. I. № 15.)

Образъ Святыхъ Макаріевъ Египетскаго и Александрійскаго, по преемственности ихъ въ преподобіи истины, названныхъ *Преподобными*, замѣчательнъ древностью и особенностью своего пошиба, или стіля. Наслѣдственное преданіе выдаетъ сію икону за произведеніе кисти знаменитаго въ свое время Андрея Рублева; теперь она принадлежитъ Московскому мѣщанину Данилѣ Андрееву.

Рисунокъ и колоритъ, или лучше сказать, раскраска сходны съ Византійскими первообразами и отчасти съ подлинниками разныхъ редакцій, (1) изъ коихъ въ Поморскомъ такъ описываются примѣты свѣтъ Египетскихъ пустынниковъ IV вѣка: «подобіемъ сѣдъ, брада долѣ Богословля, въ клубкѣ, или въ патрахилѣ, въ шеей руцѣ свитокъ. Макаріи Египтянинъ преритеръ бысть Александрійскій, сѣдъ, брада долѣ Іоанна Богослова, въ клубкѣ, ризы преподобничіи, исподъ дичъ санкртъ, въ лѣвой руцѣ свитокъ, а правая проста. Макаріи Александрійскій образъ имѣя на крутехъ, космы рѣдки, точно на устнахъ имѣя къ концу о брадѣ, кожей его яко слонова подобитися отъ студени и зноя. А подлинникъ пишетъ о немъ: сѣдъ, весь нагъ, обросъ власы, власы главныя до плечъ, косами лежатъ по плечамъ, брада долга по колѣни, а отъ колѣнъ, два косма повисли до земли, руки держатъ къ сердцу.»

Руководствуясь такими подлинниками, которые заимствованы отъ Грековъ

(1) Griechisches Mahlerbuch въ Kunstblatt, 1831 и 32 г.

и дополнялись Русскими статьями, иконописцы наши писали образа; между отечественными зоографами в концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка славился Андрей Рублевъ. Стоглавъ, признавъ иконы Рублева образцовыми, указываетъ зоографамъ: « Писати живописцомъ иконы съ древнихъ образцовъ, « какъ Греческіе иконописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и « прочіи пресловутыи живописцы. » У него были ученики и подражатели. Отъ сего многіе образа, писанные въ подражаніе ему, сльвуть Рублевыми и высоко цѣнятся любителями древностей.

Предшественниками Рублева на поприщѣ иконописнаго художества были Первосвятитель Московскій Петръ, Гойтанъ и многіе другіе, а современниками и сотрудниками Оеофанъ Гречинъ, Симеонъ Черный, старецъ Прохоръ съ Городца, Игнатій, Кнашъ и Даніилъ Черный. Рублевъ занимался не только иконнымъ, но и стѣннымъ писаньемъ. Въ 1405 году онъ росписывалъ церковь Благовѣщенія на Государевомъ дворѣ, въ 1408 г. Успенскій Соборъ во Владимирѣ, Троицкій Соборъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ 1423 г.; но фрески сіи не сохранились до нашихъ временъ. На одной изъ миниатюръ рукописнаго житія Препод. Сергія, хранящагося въ Троицкой Лаврѣ, видѣнъ Рублевъ, пишущій икону. Степенная книга упоминаетъ о чудной иконѣ Деисусъ Рублева писаная въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, сгорѣвшей 1547 года. Какъ въ Троицкой лаврѣ, такъ и въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ нѣкоторыя иконы сльвуть Рублевыми. На присвоиваемыхъ сему зоографу иконахъ нѣтъ современныхъ ему надписей, но позднѣйшія, основанныя на изустномъ преданіи. Къ этому числу относится и описываемая нами древняя икона двухъ св. Макаріевъ.

Андрей Рублевъ, предъ кончиною своею облекшійся въ монашескій образъ съ сотрудникомъ и сподвижникомъ Даніиломъ, погребенъ въ той самой церкви Андроникова монастыря, которую онъ росписывалъ. Старинныя рукописныя Святцы именуютъ ихъ *Преподобными отцами и славными иконописцами*. Званіе и родина Рублева неизвѣстны; но можно предполагать, что онъ Псковичъ; а какъ это храмовое художество считалось почетнымъ и художники на равнѣ съ царскимъ спиклитомъ и прочими благородными пользовались уваженіемъ, (1) то, можетъ статься, и Рублевъ былъ боярскимъ сыномъ; ибо въ числѣ пословъ изъ Пскова къ Іоанну III, 1486 года

(1) Акты Археогр. Экспед. IV. N. 174.

былъ бояринъ Андрей Семеновичъ Рублевъ. (2) Кромѣ того, Москва заимствовала изъ Пскова зодчихъ, строившихъ Соборы: Благовѣщенскій въ Москвѣ и Троицкій въ Сергіевской обители. Рублевъ украсилъ сѣи зданія стѣнописью.

Какъ изъ этого образа, такъ равно изъ другихъ, извѣстныхъ подъ именемъ Рублевыхъ, можно судить о рисункѣ и раскраскѣ въ школѣ его, запечатлѣнной характеромъ Византийскаго и Корсунскаго стиля. При своей неправильности, сильный и твердый его рисунокъ высказывается въ рѣдкихъ чертахъ; колоритъ же вообще единообразенъ и мраченъ, но плавокъ и плотенъ: тотъ и другой строго подчинены идеѣ. Отчетливость, тонкость и чистота отдѣлки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и ловкости пріемовъ, а точное согласованіе изображаемыхъ лицъ съ преданіями православной Церкви, обнаруживаетъ въ художникѣ основательное знаніе ея ученія и древностей. « Св. Іосифъ Волоколамскій говоритъ, что А. Рублевъ такъ « преуспѣлъ въ божественной любви, что умъ его всегда обращенъ былъ « къ небесному и отъ видимаго изображенія Христа Владыки и Его Пречистой Матери возводилъ умъ свой къ небесному. »

(2) Псковская лѣтоп. 168.

ОБРАЗЪ СВИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунок Омд. I. № 46.)

Икона Свирской Богоматери находится въ Смоленской церкви св. Архангела Михаила, основанной Смоленскимъ Княземъ Давидомъ Ростиславичемъ около 1196 года. Свирскою она называется, какъ полагаютъ, отъ бывшаго тамъ придѣльнаго храма во имя св. Александра Свирскаго, (1) Новгородскаго игумена, которому установлено праздновать соборомъ 1547 года; придѣлъ въ честь его устроенъ въ Смоленскѣ, вѣроятно, гораздо позднѣе. Еслибъ намъ извѣстно было, какое отношеніе имѣла эта икона къ роду Князей Свирскихъ, нѣкогда знаменитыхъ въ Бѣлоруссіи: тогда мы могли бы съ большою достовѣрностію приписать ее потомкамъ Довмонта. Впрочемъ сего имени иконы нѣтъ въ описаніи явленій чудотворныхъ иконъ Богоматери. М. 1838.

Кромѣ величныя своего размѣра и стilia иконописнаго, этотъ образъ любопытенъ по криптографической надписи на краяхъ одежды Богоматери. Подобныя письма, достойныя изслѣдованія, находятся и на другихъ иконахъ и между прочимъ на образѣ Іерусалимской Богоматери, по древнему преданію, писанномъ св. Апостолами въ 15 лѣто, по вознесеніи Спасителя, въ Гевсиманіи. Точный противень съ него хранится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(1) Чтеніе въ П. О. II. и Д. Р. 1846 г. N. 2.

(2) Памятники Московс. Древности, II. Снегирева.

ОБРАЗЪ ДОНСКІЯ БОГОМАТЕРИ.

(Рисунокъ Огд. I. № 17, 18, 19.)

Мѣстный образъ Донскія Богоматери въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ достопамятенъ не одною древностью письма, но и знаменитъ въ отечественной Исторіи воспоминаніями и чудесами.

Вышиною онъ 1 аршинъ и 3 съ $\frac{1}{2}$ вершка, шириной 15 вершковъ. На одной сторонѣ его изображенъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, на другой—Успеніе Пречистыя Дѣвы. Изъ сего можно заключить, что эта икона, утвержденная на древкѣ, была или запрестольною, или служила воинскою хоругвию.

Такъ какъ обратная сторона иконы закрыта, то мы осмотримъ только главную, открытую. Образъ Богоматери писанъ подъ вліяніемъ Византійскаго стиля; рисунокъ, ограниченный рѣдкими чертами, строгъ, отчетливъ и вѣренъ преданію; колоритъ отъ преобладанія санкира темный, но плавкій; въ лицахъ замѣтна отживка, или блики на высокихъ мѣстахъ, а въ должномъ подводы подъ краску и гвенты. Разительную противоположность въ стилѣ составляютъ написанныя вокругъ образа на доскахъ, миниатюрно, поясненія изображенія осьмнадцати праматерей съ соответствующими имъ изреченіями изъ Св. Писанія: Евы, Сарры, Ревекки, Лил, Рахили, Раввы, Девворы, Іаили, Анны, Руѣи, Есфирь, Іудифы, Ависанны, Суматянны, Сусанны, Тарсѣтанны, Авигей, Маріамны. Такія произведенія Фламандской школы относятся къ началу XVIII вѣка, когда западный стиль вошелъ

въ употребленіе на Москвѣ и нерѣдко замѣнялъ Византійскій, усвоенный себѣ Православною Церковію и освященный многовѣковою давностью.

Благоговѣніе Русскихъ Государей къ этому чудотворному образу издревле украшало его разными драгоценностями, которыя сдѣлались добычею Поляковъ, при нашествіи ихъ на Москву въ началѣ XVII вѣка; потомъ онъ вновь облеченъ былъ въ прежнюю лѣпоту усердіемъ Царственного Дома Романовыхъ. Изъ переписныхъ Благовѣщенскаго собора книгъ 1680 и 81 годовъ видно, что икона Донскія Богоматери украшена была золотымъ окладомъ съ золотыми на немъ плащами, на которыхъ наведены чернью двѣнадцать господскихъ праздниковъ; сверхъ того, на ней были: жемчужное ожерелье, древніе золотые кресты, панации, серьги и цаты, вѣроятно, приклады царскіе, отобранные въ Святѣйшій Синодъ по указу Петра I, 1722 года, Апрѣля 20. Она стояла тогда въ затворномъ кіотѣ у Царскихъ дверей. По описи 1792 года, золотой окладъ на ней вѣсилъ 26 фунтовъ; одного жемчугу было 2 ф. 75 золот. Въ 1812 году похищены непріятелями золотая риза и большая часть драгоценностей иконы; по уцѣлѣла отъ нихъ на поляхъ ея золотая рама въ 12 фун., которую они почли за мѣдную. Слѣды неудачнаго испытанія металла видны еще на этой рамѣ. Прежняя риза замѣнена теперь новою съ вѣнцемъ, украшеннымъ изумрудами, алмазами и розами.

Наименованіе иконы Богородичной *Донскою* производится преданіемъ отъ того, что Донцы поднесли ее Великому Князю Дмитрію Донскому, когда онъ шелъ ратью на Мамая; она была его спутницею на Куликовской битвѣ. Донской, послѣ побѣды своей, поставилъ въ Коломенскомъ Успенскомъ соборѣ этотъ образъ, предъ которымъ Царь Іоаннъ Васильевичъ тамъ молился во время похода своего на Казань. Вѣроятно, не прежде, какъ по завоеваніи Царства Казанскаго, сія заветная святыня перенесена въ Благовѣщенскій соборъ, вновь сооруженный 1483 г. и обгорѣвшій снаружи и внутри 1547 года. Предъ нею Іовъ Патріархъ нарекъ на царство Бориса Годунова. При нашествіи на Москву Крымскаго Хана Казы-Гпрея она стояла въ обозѣ на Воробьевомъ полѣ, гдѣ, въ память побѣды, приписанной ходатайству Богоматери, основанъ былъ Донскій монастырь, и учрежденъ 19 Августа крестный ходъ, въ коемъ прежде носили икону Донскія Богоматери изъ Благовѣщенскаго собора въ Донскій монастырь. Точный съ нея списокъ оставленъ въ монастырѣ, а подлинникъ въ ряду мѣстныхъ образовъ Царскаго храма.

ОБРАЗЪ ПОЛОЖЕНІЯ РИЗЫ ГОСПОДНЕЙ.

(Рисункъ Омд. I. № 20.)

Сходный по стилю своему съ Каппоніевыми святцами и съ иконами, писанными въ XVII вѣкѣ обществомъ Строгановскихъ зоографовъ, этотъ образъ достопримѣчателенъ и по своему содержанию.

Персидскій Шахъ-Аббасъ, въ удостовѣреніе дружественнаго расположенія своего къ Царю Михаилу Теодоровичу, прислалъ къ нему между прочими дарами съ Грузиномъ Урусамбекомъ, 1625 года, Марта 11, часть ризы Господней въ золотомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоценными камнями. Въ грамотѣ своей Шахъ извѣщалъ, что, по завоеваніи Грузіи, святыню сію нашелъ въ Митрополитчѣй ризницѣ.

Хотя Патріархъ Филаретъ и принялъ съ радостію это священное сокровище; но какъ оно шло отъ невѣрнаго царя, то и совѣщался съ державнымъ своимъ сыномъ о томъ, можно ли слово невѣрныхъ принять безъ истиннаго свидѣтельства. Потомъ Филаретъ съ освященнымъ соборомъ приступилъ къ освидѣтельствванію. Въ ковчегѣ найдена, какъ значится въ окружной грамотѣ, « часть ризы въ длину и поперегъ пяди, полотняна, кабы краснова-
« та, походила на мѣли, или будетъ въ давнихъ лѣтѣхъ лице измѣнила,
« а ткана во льну. » (1) Въ Москвѣ тогда пребывали Іерусалимскій Патріархъ Теофанъ, поставившій Филарета въ Патріархи, а съ нимъ Греческіе старцы Нектарій и Іоанникій: Московскій Первосвятитель и об-

(1) Акты Археограф. Экспедиціи, III; N. 168.

ратился къ нимъ съ вопросами о ризѣ Господней. Нектарій отвѣчалъ, что онъ видѣлъ самъ эту святыню въ Грузіи въ церкви, называемой Илета и отъ тамошняго духовенства слышалъ, что она нѣкогда принесена туда воиномъ, бывшимъ въ Іерусалимѣ при распятіи І. Христа, и ознаменована многими чудесами. Слова Нектарія подтвердилъ Іоаннѣкій, и другіе жители Востока удостовѣрили въ истинѣ преданія Палестинскихъ и Греческихъ христіанъ о ризѣ Господней. На человѣческомъ свидѣтельствѣ, сколь бы оно ни казалось достовѣрнымъ, не остановился разсудительный Филаретъ; но употребилъ духовное средство. По совѣщаніи его съ Архіереями и духовными властями, установленъ былъ семидневный постъ и молебствіе, а для узнанія воли Божіей и для открытія истины, повелѣно возлагать сію святыню на больныхъ и недужныхъ. Многія чудеса оправдали подлинность святыни и вѣру принявшихъ ее.

Послѣ того, риза Господня торжественно положена въ большомъ Успенскомъ Соборѣ и установленъ ежегодный праздникъ Положенія ризы Господней, который и донынѣ совершается 10 Іюля. Для храненія святыни устроенъ Патріархомъ 7133 г. Сентября 30, величественный мѣдный шатеръ, занимающій мѣсто близъ Филаретовой гробницы въ югозападномъ углу Собора.

На образѣ, по видимому, современномъ событію, во внутренности этого шатра видѣнъ Царь съ тремя Святителями, предстоящій въ моленіи престолу, на коемъ положена честная и многоцѣлебная риза Господня. Шатеръ окруженъ духовными властями, иноками, боярами и народомъ. На первомъ планѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ, бывшій тогда 20 лѣтъ, изображенъ безбрадымъ, во всей царской утварі; по другую сторону Патріархъ, вѣроятно, Іерусалимскій, а позади его Московскій Патріархъ и Архіереи въ митрахъ. Пятиглавый соборъ, гдѣ происходитъ все это дѣйствіе, представленъ въ разрѣзѣ.

Въ разстановкѣ или сочиненіи лицъ замѣтна симметрія, такъ что на первомъ планѣ фигуры ярче и рельефнѣе; но, по недостатку знанія въ перспективѣ, лица у него на второмъ и третьемъ планѣ одинакой величины, какъ и на первомъ. Впрочемъ въ нихъ нѣтъ того единообразія, какое находимъ на многихъ старинныхъ иконахъ; ибо повороты головъ и лица разнообразны. Для отечественной Археологіи важно должное, или костюмы духовныхъ властей, черноризцевъ, мірянъ разныхъ сословіи — мушкетъ и

женщинъ Въ цѣломъ и частяхъ строго соблюдено приличіе, такъ что, если въ этомъ изображеніи нѣтъ изящества, за то нѣтъ и уродливости.

Колорить, если только колоритомъ можно назвать раскраску, отличается твердостью, яркостью, костоватостью на высокихъ мѣстахъ и плавкостью, которымъ по справедливости удивляются иностранные художники въ Капониановыхъ Святцахъ, гдѣ встрѣчаемъ имена царскихъ иконописцевъ въ Москвѣ XVII вѣка.

На серебряной дощечкѣ верхняго поля образа читаемъ слѣдующую надпись: Положеніе честныя и славыя и многоцѣлевныя ризы Господа Бога и Спаса нашего Іиса Хрѣста, еже есть хитонъ, и славыяхъ пренемногомъ царствующемъ градѣ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя зоографа, который написалъ этотъ образъ, достопамятнѣй въ историческомъ, археологическомъ и художественномъ отношеніи; но, по сличенію его съ произведеніями Царскихъ и Патріаршихъ иконописцевъ, составлявшихъ при дворахъ Государя и Святителя родъ Академіи художествъ, можно съ достовѣрностью заключить, что онъ произведеніе ихъ кисти.

Списокъ съ этой иконы, большаго размѣра, находится въ числѣ мѣстныхъ образовъ Успенскаго Собора Троицко-Сергіевой лауры.

БАРЕЛЬЕФЪ,
ИЗВѢСТНЫЙ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ОБРАЗА СВ. ГЕОРГІЯ.

(Рисункъ Омд. 1. № 24.)

Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ надъ гробницею Святителя Феогноста находится барельефъ, извѣстный подъ названіемъ образа св. Великомуч. Георгія; онъ состоитъ изъ каменной плиты, имѣющей видъ усѣченнаго эллипсиса, шириною 13 вершковъ и $\frac{2}{4}$, толщиною $\frac{6}{8}$, а вышиною 1 аршинъ и $4\frac{1}{2}$ вершка.

Плита вставлена въ деревянныя рамы, на которыхъ написаны Деисусъ, Благовѣрные Князья Борисъ и Глѣбъ, святые Прокопій и Іоаннъ, Устюжскіе чудотворцы.

Барельефъ представляетъ намъ группу, состоящую изъ всадника, дѣвы и крылатога дракона; надъ главою всадника лавровое дерево, при подножіи на землѣ, кости человѣческія между цвѣтами и листьями. На вершинѣ дерева досечка съ слѣдующею надписью: (1) IMP. CAES. CONSTANTINO MAXIMO P. P. AVGVSTO S. P. Q. R. QVOD INSTINCTV DIVINITATIS, MENTIS MAGNITVDINE CVM EXERCITV SVO TAM DE TIRANNO, QVAM DE OMNI FACTIONE VNO TENORE (2) IVSTIS REMPVBLICAM VLTVS (3) EST ARMIS, ARCVM TRIVMPHIS INSIGNEM DICAVIT, т. е. Императору, Цесарю Константину Великому, Отцу Отечества, Августу, Сенатъ и народъ Римскій посвятили сіи триумфальныя

(1) см. ее въ *Graevii Antiqq. Roman.* t. III

(2) У Августина Тарр. Пибби и Гревія: tempore.

(3) У Гревія нѣтъ сл. rempublicam; у Пронти multus est, вѣроятно, сокращенно, вмѣсто multatus est.

врата за то, что онъ, по внушенію божества и по своему веледушію, освободилъ Государство праведнымъ оружіемъ отъ тирана и его скопища.» Этой надписи въ старинномъ русскомъ переводѣ данъ такой смыслъ, какъ значится въ Октоихѣ Устюжской Георгіевской церкви: » на той же св. иконѣ вверху есть надпись Греческимъ языкомъ, а по переводу съ Греческаго языка бывшаго на Устюгѣ въ лѣто 7151 воеводы Петра Степановича Потоцкаго, на Россійстемъ написано тако: « Великій Царь Константинъ Греческій, молясь Великомученику и побѣдоносцу Георгію за побѣду на враги вся, султаны и сарманы и въ вѣчную память, въ большейшей церкви постави отъ воплощенія Господа нашего Иисуса Христа « въ 333 году.» (4)

Въ описаніи Успенскаго Собора Протоіереемъ А. Левшинымъ 1783 г. сказано, что « сей образъ привезенъ изъ Рима, въ которое жъ время и кѣмъ, « того не значится. » Къ этому послѣ того другіе гадательно прибавили: « Софіею Оомничною. » Но изображенные на рамахъ Великоустюжскіе святые Іоаннъ и Прокопій (изъ которыхъ послѣдній былъ Нѣмецъ) и повѣсть, внесенная въ Октоихъ Устюжской церкви св. Великомученика Георгія, свидѣтельствуютъ намъ, что это изваяніе принесено въ Москву изъ Великаго Устюга.

« Въ этой церкви, » говоритъ Устюжское сказаніе, « стоявшій мѣстный многоцѣлебный образъ Великомученика Георгія, вырѣзанъ на трехъ камняхъ, « драгимъ мастерствомъ, точно рѣзь не сквозная, и чудесь ради, бываемыхъ « отъ той св. иконы, по указу Царя Алексія Михайловича, взята бысть съ « великою честію изъ града Устюга въ богоспасаемый градъ Москву во св. « Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресв. Богородицы и поставлена бысть въ той же соборной церкви, въ придѣлѣ Святителя « Петра. »

Въ Уставѣ Патріаршемъ для Успенскаго собора (5), значится, что въ 1721 году, Декабря 20, « по словесному приказу Синодальныхъ Архіереевъ « Новгородскаго Θεодосія и Псковскаго Θεофана, образъ Георгія Великомученика, что стоялъ на гробѣ Митрополита Θεогноста, спрятанъ въ ризницу. » Такое распоряженіе Синодальныхъ Членовъ, безъ сомнѣнія, сдѣлано, въ слѣдствіе указа Петра I, который повелѣвалъ: « рѣзныхъ иконъ и

(4) Москвитянинъ, 1842, N 12.

(5) Древняя Росс. Визліоенка, изд. 2, ч. X, 119.

отливныхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять.» (6) Но въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, этотъ барельефъ, изъ ризницы опять поставленный на прежнемъ мѣстѣ, былъ росписанъ красками, вѣроятно, для того, чтобы онъ подходилъ ближе къ иконѣ.

На первомъ планѣ барельефа всадникъ въ крылатомъ шлемѣ съ затыльникомъ и гребнемъ (*crista*), въ досчатой съ тыла и чешуйчатой (*squamosa*) съ лица бронѣ, изъ подъ коей простирается до колѣнъ узорчатый набедренникъ; на раменахъ его развѣвается приволока или хламида; колѣна его защищены наколѣнниками, а ноги обуты въ полусапожки съ острогами или шпорами, какія видны на подобной картинѣ Джіотто въ XIV в. Впять сидитъ на сѣдлѣ съ стремями. На конѣ сбруя, украшенная крестовидными бляхами. Намъ представляется воинъ въ полныхъ доспѣхахъ; но изъ наступательныхъ оружій у него одно только копье, воищенное обѣими руками въ отверстую пасть дракона, въ котораго рыный конь ударяетъ передними ногами. Въ бронѣ видно смѣшеніе Грекоримскаго съ Франкскимъ; ибо остроги сдѣланы извѣстными со времени Константина Великаго, а стремяна съ перваго нашествія Франковъ. Лицъ юнаго ратоборца, еще безбрадаго, сходствуетъ съ изображеніями Константина Великаго на медаляхъ.

Вообще стиль рельефа, относится къ эпохѣ упадка искусствъ; ибо фигуры несоразмѣрны и грубы, въ движеніи ихъ видна вялость, въ драпировкѣ тяжесть, хотя въ сочиненіи группы замѣтно подражаніе классическимъ образцамъ цвѣтущаго вѣка. (7)

На второмъ планѣ фигура дѣвы, какъ будто приставленная къ группѣ, по видимому, произведеніе другаго рѣзца. Фигура эта слишкомъ сокращена, тяжела и неправильна; на лицѣ ея художникъ хотѣлъ изобразить ужасъ, который также выражается воздѣтыми къ небу руками. Одежда ея, доходящая почти до самыхъ пятъ, перепоясана по чресламъ; на шеѣ у ней ожерелье; длинныя распущенныя ея волосы перехвачены лентой.

Къ этой группѣ, вѣроятно, не безъ намѣренія, художникъ присоединилъ лавровое дерево, цвѣты и человѣческія кости, крестообразно лежація; первое

(6) Ученія Записки Моск. Универс. М. 1834. IV. N 6, ст. О стилѣ Византійскаго художества. II. Сивирева.

(7) Особенно рельефовъ и статуи Беллерофона и Химеры, Персея и Андромеды, Посейдона, прозваннаго *γεωργός*, кон, будучи далеки своимъ знаменованіемъ отъ нашего рельефа, близки къ нему своимъ сочиненіемъ или формою.

знаменуетъ побѣду, другія жизнь и смерть: что соотвѣтствуетъ и значенію самаго изображенія. Изъ всѣхъ подобныхъ атрибутовъ группы открывается подлинное ея значеніе. Разсмотримъ отношеніе ихъ къ лицамъ, времени и мѣсту.

Въ старыхъ описяхъ собора и въ Октоихѣ Устюжской церкви, этотъ барельефъ названъ *образомъ св. Георгія*.

Чудо, совершенное Великомученикомъ, долго спустя послѣ страдальческой его кончины, описано въ Макаріевской и Димитріевской Минеяхъ. Первая передаетъ намъ объ этомъ чудотвореніи слѣдующимъ образомъ: « Въ палестинскомъ городѣ Гевалѣ поселился въ озерѣ великій змѣй, которому жители давали на свѣдѣніе дѣтей своихъ; очередь дошла до Царской дочери. Св. « Георгій явился ей при озерѣ и велѣлъ, обвязавъ поясомъ своимъ голову « усмиренаго имъ змѣя, влечь его къ городу. Царевна исполнила это; и « когда она притащила чудовище въ городъ, тамъ Св. Георгій отрубилъ « ему мечемъ своимъ голову и такимъ образомъ обратилъ идолопоклонниковъ въ Христіанскую вѣру. »

Тоже происшествіе повторено въ Димитріевской Минее. Но въ греческихъ Минеяхъ только упомянуто, что Св. Георгій явился на конѣ для спасенія одного невольника. (8) Повѣсть же о спасеніи Св. Георгіемъ царевны отъ дракона встрѣчается и въ Западныхъ легендахъ, изъ коихъ Св. Димитрій Ростовскій почерпалъ свѣдѣнія для Четвѣи-Миней, гдѣ сказано, что « и на « изображеніяхъ различныхъ издревле, паче же описателями землѣ палестинскія достовѣрными составленныхъ, то чудо воспоминаемо видѣти есть. »

Подобныя Георгіеву чудотворенія приписываются Западными Четвѣями (легендами) и другимъ св. мужамъ, какъ-то: въ IV вѣкѣ, Сильвестру, Папѣ Римскому, освободившему Римъ отъ дракона, (9) св. Марцеллу, спасшему Парижъ отъ чудовищаго змѣя, въ VII вѣкѣ, св. Роману, избавившему Руанъ отъ такого же дракона и т. д. (10) Наконецъ въ другихъ странахъ приписывается подобный подвигъ Св. Георгію. Такъ близъ Свенбурга въ Фіоніи преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ Св. Великомученикъ поразилъ дракона и гдѣ земля, облитая кровію чудовища, не раститъ травы. (11) О подоб-

(8) *Βίον ἁγίων, π. Μαξίμου ταπεινοῦ Ἐπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως*. Venet. 1783, in-4. *Μινάων τοῦ Ἀπολλίου*. Venet. 1777, in-f.

(9) Дѣянія церковныхъ и гражданскихъ отъ Р. X. до половины XV столѣтія, собр. *Георгіемъ Кедринимъ*, Москва, 1793, 2 т. въ 1.

(10) *Histoire de la ville de Rouen*, par *Servin*, 1775, 2. v. t. II, p. 147.

(11) *Edda Saemundina*, t. II.

номъ событіи напоминаетъ въ Германіи Drachensfels, драконова гора. Къ востоку отъ города Бабадага, близъ озера Разельмъ, на горѣ видны древнія развалины, извѣстныя подъ именемъ *Свято-Георгіевскихъ*. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, здѣсь нѣкогда явился огромный змѣй или драконъ, опустошавшій окрестности и наводившій ужасъ на жителей. Св. Георгій сражался съ нимъ и убилъ его. (12) Макарьевская Миннея указываетъ на чудо Св. Георгія въ палестинскомъ городѣ Гевалѣ; Димитріева Миннея близъ Сурофиникійскаго города Віріта. Хотя различны мѣста этого подвига и время его не опредѣлено; но только истина событія неоспоримо подтверждена разнообразными сказаніями на Западѣ и Востокѣ.

Когда Христіанство ознаменовало себя распространеніемъ сказаній о подвигахъ св. мучениковъ за вѣру, о чудесахъ отъ св. мощей и образовъ, особеннымъ къ нимъ благоговѣніемъ: тогда разнеслась во всемъ Христіанскомъ мірѣ повѣсть о чудесной побѣдѣ Св. Георгія надъ дракономъ; тогда имя его, прославленное чудесами, благоговѣнно чтимо было на Западѣ и Востокѣ, ликъ его изображался на иконахъ, знаменахъ, гербахъ, орденахъ, щитахъ, печатяхъ и монетахъ въ Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи, Генуѣ, Польшѣ, Россіи и Грузіи (Georgia). Чудесный подвигъ Великомученика сдѣлался любимымъ предметомъ художественныхъ изображеній въ разныхъ странахъ Христіанскаго міра.

Византійскій историкъ XV вѣка, Георгій Кодинъ свидѣтельствуешь, что въ Константинополѣ на праздникъ Рождества Христова, приносили съ прочими иконами въ палаты къ Императору образъ *Св. Георгія на конѣ съ дракономъ* (*τον ἄγιον Γεωργιον ἐφιππων ἄλλο δρακόντεον*). (13) Подобныя изваянія древняго художества встрѣчаются намъ въ Крыму, на фонтанѣ противъ воротъ Генуезской крѣпости Солдая, (14) въ придѣльной церкви св. Михаила Маленна въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, на южной стѣнѣ собора въ у. г. Дмитровѣ. Въ Староладожской церкви Св. Георгія древнѣйшій фрескъ на стѣнѣ представляетъ побѣдоносца на конѣ съ мечемъ въ рукѣ, съ вѣнцемъ вокругъ головы, а дѣву, (15) влекущую дракона на поясѣ.

(12) Журналъ Минист. нар. просв. 1837. Мартъ: Поѣздка въ Крымъ Н. Мурзакевича.

(13) *Georgius Codinus curopolata de officiis magnæ ecclesiæ et aulæ Constantinop.* cura P. S. Goar, Paris. MDCXLVIII, f.

(14) Журналъ Минист. нар. просв. 1837, Мартъ.

(15) Которую Г. Оленинъ несправедливо называетъ Царицею Александрю, супругою Діоклетіана. *Литографическіе рисунки, къ Опыту о Словенахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ.* Спб. 1833, въ 1.

Описываемый нами барельефъ, любопытный, сколько въ художественномъ, а болѣе важный въ историческомъ отношеніи, по видимому, сходствуетъ съ изображеніемъ чуда Св. Георгія и потому выдается подъ его именемъ. Здѣсь представляется намъ побѣдоносецъ, драконъ имъ пораженный и освобожденная дѣва, какъ и на образахъ Великомученика, гдѣ перѣдко пишется Царевна, влекущая на поясъ своемъ змія, согласно съ Макаромъ великою Минеею. Но вокругъ главы св. ратоборца нѣтъ вѣнца, съ какимъ онъ изображается не только на иконахъ, но даже и на барельефахъ, какъ напр. Софдайскомъ; нѣтъ въ облакахъ благословляющаго Спасителя и парящихъ Ангеловъ съ вѣнцами, какъ на Дмитровскомъ и Царскомъ (16) барельефахъ; наконецъ не видно надписи его имени. Въмѣсто такихъ священныхъ атрибутовъ, на Московскомъ барельефѣ представляется вамъ лавровое дерево, какъ символъ побѣды, и на немъ латинская надпись, что «Сенатъ и народъ Римскій посвящаютъ триумфальныя врата Цесарю Константину, за побѣду его надъ тираномъ» т. е. Максенціемъ «въ 312 г. по Р. Х.» Прибытіе Константина въ Римъ было празднуемо играми, кои возобновлялись каждый годъ 29 Октября: IV. Kal. Nov. Adventus Divi СМХІІІ. Достопамятное это событіе измѣнило лице вселенной; водрузивъ крестъ Христовъ надъ престоломъ Цесарей, оно предшествовало крещенію Константина Великаго. (17) Максенція, этого поборника язычества и гонителя Христіанской вѣры, Евсевій въ посланіи своемъ къ Константину Великому называетъ *дракономъ*. Nunc vero, пишетъ сей историкъ, cum libertas restituta sit et *Draco* ille providentia quidem Dei Optimi Maximi submotus est. Попрашеніе дракона напоминаютъ слова псалмопѣвца: *попереша змія*. (18) Хотя, по свидѣтельству исторіи, дѣйствительно были чудовищныя драконы, родъ удавовъ (*python neugosum*), производившіе опустошеніе въ разныхъ странахъ; но въ священной символикѣ драконъ знаменовалъ древняго врага первобытной Церкви, сатану, язычество и ересь. Изображеніемъ дракона украсили знамена своего воинства Траянъ и Авреліанъ, гонители Христі-

(16) См. Очерки, К. Тромошина.—Въ Устюжскомъ подлинникѣ конца XVI, или начала XVII вѣка, такъ изображается Св. Георгій — «стоитъ въ броняхъ, приволока червчата, доспѣхъ златъ клѣтчаты, исподъ лазоревъ, ногавки багоръ, въ правой рукѣ копіе, въ лѣвой щитъ, у лѣваго плеча мечъ въ ножнахъ.» Въ библіотекѣ Ц. Н. Царскаго.

(17) Histoire de l'Académie des inscriptions et belles lettres. t. XLV, à Paris, 1793, art. Sur le nombre de jours consacrés chez les Romains aux jeux du Cirque, par Brotier.

(18) Псал. XC. 13.

ант. (19) Когда Константинъ Великій даровалъ первенствующей Церкви свободу: тогда, вѣроятно, по образцу Михаила Архангела, поразишаго сатану въ видѣ дракона, представленъ равноапостольный Царь, низложившій язычество, или, какъ сказалъ современнѣйшій ему Евсевій, *draco ille submotus est*. Слова же надписи *instinctu divinitatis*, намѣкаютъ на явленіе Константину креста на небѣ, прообразовавшаго побѣду. Объ этой надписи на Константиновыхъ триумфальныхъ вратахъ упоминаетъ и Евсевій Памфиловъ въ своей Церковной исторіи, говоря, «о поставленномъ на нихъ изваяніи Цесаря съ копьемъ въ рукѣ, и съ надписью, что Римъ освобожденъ отъ тирана знаменіемъ спасительнаго креста.» Ее передастъ намъ точно въ такомъ видѣ, какъ она изображена на Московскомъ барельефѣ, Антоній Августинъ Архіепископъ Тарраконскій, потомъ Гревій и Пронти въ Римскихъ Древностяхъ. На нѣкоторыхъ медаляхъ Константинъ Великій изображенъ въ шлемѣ, на конѣ; иногда украшаетъ ихъ лавровое или пальмовое дерево и произведенный древкомъ знаменъ драконъ. (20)

Такія данныя ведутъ къ заключенію, что витязь на барельефѣ ни кто иной какъ Константинъ Великій, драконъ — поправное язычество, а дѣва — освобожденная Церковь, или Римъ (*urbs aeterna*), который, какъ извѣстно, олицетворенъ былъ въ образѣ богини (*Roma dea*).

Мудрено ли, что, по сходству аллегорическаго изображенія подвига Константина Великаго, ревнителя вѣры Христіанской, съ чудомъ Св. Георгія, избавившаго Царевну отъ дракона, одно лице приняли за другое. Св. Георгій великій въ мученикахъ и Константинъ великій въ Царяхъ были современниками, оба служили подъ знаменами Діоклетіана, одинъ стяжалъ мученическій вѣнецъ, другой къ Царскому вѣнцу приобщилъ небесный, тотъ и другой именовались *побѣдоносцами* (*τροπαιοφόροι*) Церковью и Государствомъ. По свидѣтельству же Западныхъ Четивъ, Константинъ Великій въ Римѣ соорудилъ первую Христіанскую церковь во имя Св. Георгія побѣдоносца.

Но историческое взяло верхъ надъ символическимъ; ибо чудо, совершенное Св. Георгіемъ, было ближе къ понятію народа, чѣмъ символическое изображеніе великаго подвига равноапостольнаго Константина. Посему-то побѣдитель дракона названъ Св. Георгіемъ, который также, освобожденіемъ страны Палестинской отъ чудовища, поправилъ тамъ язычество, олицетворен-

(19) Ammian. Marc. XVI, 2: XX, 4.

(20) Imperatorum Romanorum numismata, ab Ad. Oecone congesta. Mediol: 1730, f.

ное, какъ мы замѣтили, въ образѣ дракона. Такъ точно всадникъ, поражающій дракона на древнихъ Русскихъ печатахъ и монетахъ выдается за Св. Георгія, между тѣмъ, какъ въ Софійскомъ временникѣ сказано подъ 1536 г.: « бысть знамя на деньгахъ копейныхъ: Великій Князь на конѣ, имѣя мечъ въ руцѣ »; даже на монетахъ Царя Бориса Θεодоровича надъ всадникомъ съ дракономъ подъ ногами подписано: Ц. Б. Θ. т. е. Царь Борисъ Θεодоровичъ.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ торжества Вѣры Христіанской и низложенія язычества, не безъ основанія названъ въ описяхъ собора *Римскимъ*; ибо изображение и надпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ на Священной дорогѣ (via sacra) между Коллизеумъ и церковью Св. Григорія.

Вѣроятно, этотъ снимокъ составлялъ украшеніе фронтона или фриза какого либо храма или воротъ; ибо драконы, во время владычества Лонгобардскаго, изображались на фасадѣ или внешней ортографіи храмовъ. Въ церкви Св. Михаила, въ Павіи, представленъ воинъ, прободающій копьемъ дракона.

**ДРЕВНІЕ СКЛАДНИ,
ТЪЛЬНИКЪ И БЛЯХА СЪ ГЕРБОМЪ.**

(Рисункъ Омд. I. № 22.)

На эстампъ подъ N 22 изображены въ натуральную величину : 1) Древніе складни, 2) Тѣльной золотой крестъ, или тѣльникъ и 3) Двухглавый орелъ на золотой бляхѣ, богато украшенной финифтью. Всѣ сии драгоценности хранятся у Графа Мусина-Пушкина и, по преданію, принадлежали Дмитрію Самозванцу.

На складняхъ, обдѣланныхъ въ золото съ прекрасною финифтью, изображены искусною кистью въ Византійскомъ стилѣ : Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Святитель Николай, не въ сакосѣ, (какъ написано онъ на древней иконѣ въ Барѣ), но въ кресчатой фелоніи и омофорѣ, одною рукою благословляющій, а другою держащій Евангеліе. Створчатые складни съ ушками, по видимому, назначены были для ношенія на персяхъ.

На тѣльникѣ четверочастномъ изображенъ осмичастный крестъ безъ распятаго на немъ Спасителя и безъ гривны или паты, какая видна на средокрестіи у подобныхъ крестовъ XVII вѣка. Надъ крестомъ надписано : Царь Славы, у концевъ его: *Ѹс. Хр. Ииса*, у подножія: *М. А. Р. Б. т. е.* мѣсто лобное — рай бысть. Какъ на лицевой, такъ и на обратной сторонѣ вырѣзаны мѣлкою вязью слова, вѣроятно, молитвы. Если дѣйствительно этотъ

крестъ принадлежалъ Лжедимитрію, то можнобъ его признать за тотъ самый, который онъ показалъ въ Брагинѣ Адаму Вишневецкому, какъ будто данный ему крестнымъ его отцемъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Чтожъ касается до бляхи съ двухглавымъ орломъ, увѣчаннымъ тремя коронами, безъ ѣздеца, или всадника на груди, вѣроятно, она составляла украшеніе Царской утвари.

ДРЕВНІЯ ГРИВНЫ И ОБРАЗКИ.

(Рисунокъ Онд. I. № 23.)

На эстампѣ подѣ N 23 представляются намъ : А, В, и С. мѣдный образокъ, найденный въ Рязани и принадлежащій г. Татарцову; G. H. I. K. L. M. N. такіе же образки, вырытые изъ земли въ Новгородѣ и хранившіеся у купца Лаптева, наконецъ такъ называемыя гривны : О, Р. древній рѣзной камень, вырисованный изъ книги : Ioannis Masarii Canonici Atriensis Abraxas, Antverpiæ, MDCL, VII, in-4 ; Q, R, S. Черниговская гривна, хранящаяся въ Императорскомъ Минцъ-Кабинетѣ Эрмитажа ; Т. V. Гривна, или образокъ изъ металлической композиціи, не принимающій ни какой позолоты. Онъ принадлежитъ Черниговскому помѣщику, артиллеріи Капитану Теодору Пекрицкому, который получилъ его въ подарокъ отъ одного офицера, во время Польской кампаніи, ему же онъ достался отъ больного солдата изъ Тульской Губерніи, который, предъ смертію своею, отдалъ ему этотъ образокъ съ слѣд. словами : « Сею святынею благословила меня мать, « а найдена она однимъ изъ моихъ предковъ на Кушковскомъ полѣ. » W, X. Золотой образокъ оброчной работы въ натуральную величину, находящійся въ Минцъ-Кабинетѣ Императорскаго Казанскаго Университета.

На всѣхъ этихъ образкахъ и гривнахъ общее то, что изображены змѣи въ разныхъ видахъ. На первыхъ св. Никита Великомученикъ поражаетъ діавола, а св. Теодоръ Тиронъ змѣя. Судя по предѣланнымъ къ нимъ уш-

камъ, они были носимы на персяхъ, подобно тѣльнымъ крестамъ и ладонкамъ.

Чтожь касается до такъ называемыхъ гривень, кои составляютъ родъ амулетовъ или абраксовъ, то на одной ихъ сторонѣ изображены Богоматерь или Архангелъ Михаилъ, а на другой похожая на человѣческую голова, отъ коей простираются въ разныхъ направленіяхъ то семь, то девять, то двѣнадцать змѣй, переплетенныхъ въ видѣ узловъ, или вытянутыхъ лучеобразно. Такое изображеніе, по видимому, сходствуетъ съ Медузиною головою; но въ сущности своей, оно различно отъ нея.

Приведемъ здѣсь греческія надписи, надъ изъясненіемъ коихъ трудился многіе ученые мужи. Вокругъ лика Богоматери и Архангела, W, V, X, читаемъ слова, заимствованныя изъ VI гл. 3 ст. Пророка Исаи и повторяемыя обыкновенно простымъ народомъ при сильныхъ ударахъ грома, какъ предохранительное средство: Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος ἔς Σαβαόθ, πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, т. е. Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля. S. Ги помози ракоу своему Василию. ѿмин. ✠ (1) На образкахъ Е. Т. читаемъ вокругъ лика Богоматери: ✠ ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΘΟΝΟΝΤΩ Ν ΕΧΩΝΤΑ ΣΕΑ ✠ Ч.

На образкахъ D. P. S. X. сходны греческія надписи, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, не вполне разобранныхъ. Одна изъ нихъ S. такъ читается у Кеннена: ΡΥΣΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΗΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΙΣ ΙΝ ΔΙΕΤΕΟΣ ΔΡΑΧΟΝΟΥ ΡΥΖΗΣ ΚΕ ΟΣ ΑΡΝΙΟΝ ΤΗΝΙΝΤ, т. е. Η. ΣΕΡΑΝΕΛΑ ΜΙΕΛΑΝΟΝΕΝΙΟΣ ΙΝ ΔΙΕΒΕΟΣ ΔΡΑΚΟΝΟΥ ΡΥΖΗΣ ΚΑΙ ΩΣ ΑΡΝΙΟΝ ΑΜΙΗΤΟΝ. Η σερανέλα μελανονένιος ιν διεβέος δραχονου ρύξης καὶ ὡς ἀρνίον ἀμίητον или ἀμίητον: т. е. гривна золотая. Глава попираетъ дракона корни, какъ агнецъ непорочный.

Подобное изображеніе змѣй и подобная надпись находится на медали въ Венеціи у г. Вебера; ее такъ читаетъ Дерптскій Профессоръ Франкъ:

✠ ΤΟ ΜΕΛΑΝΗΜΕ	ΕΟΣ. ΔΕΟΝΒΡΥ
ΔΑΙΝΟΜΕΝΗΟΣ	ΧΕΙ ΣΕΚΕΟΣΑΡΝ
ΟΦΗΣ Η ΔΗΕΣΕΚ	ΟΣΚΤΜΕΙΣΕ.

Ἐξέρου, μέλαν ἢ μαινώμενος ὁ ὄφις, ἦδε ἔσθ, καὶ ὡς λέων βρυχήσῃ, καὶ ὡς

(1) На Оршинскомъ камнѣ читаемъ подобную надпись: Въ лѣто зхоѳа года мѣа Маѣа въ з день доспенз. крз сѣи. Ги помози рабѣ своему Василию въ крѣпленіи именемъ Рахволадѣ снѣ Борисовѣ. " Можеть быть, гривна сія принадлежала Полоцкому Князю.

ἄρνιον κυλλοῦ, т. е. «Исчези, черный! или ты теперь будешь, осквер-
«пяющей змѣй, какъ левъ рыкать, и преклонись, какъ агнецъ.» (2)

Г. Кенпентъ съ К. Калайдовичемъ полагаютъ, что Черниговскую медаль
признать можно за древнюю золотую гривну, какая для украшенія носима
была Князьями и вельможами на шеѣ. (3)

Но названіе *гривна* есть условное; ибо оно употреблялось для означенія
1) вѣса, какъ напр. въ Печер. Патерикѣ упомянуты пояса въ 50 и въ 20
гривенъ золота, 2) извѣстной монеты, 3) украшенія или знака отличія, какъ
видно изъ лѣтописей и Св. Писанія, напр. въ Несторовой лѣтописи по
Кенпсб. сп. подъ 1147 годомъ: «Михаила же быоче, отторгоша на немъ
«крестъ и чепи и гривну злату. «*Ки. Бытія* XLI, 41—43.» Фараонъ воз-
«ложи на Іосифа гривну злату на выно его.» *Притч. Солом.* 119. «Вѣ-
«нецъ бо благодатей приимши на твоёмъ версѣ и гривну злату о выи
«твоей.» *Прор. Данила* IV, 7. «И гривна златая на выи его.» Въ значеніи
ошейника встрѣчается она въ рукописномъ *Прологѣ*, XIV вѣка, Мартъ, «и по-
«велѣ гривны велики возложити на выяхъ.» Гривною, или цатою называется
также металлическое ожерелье, привѣшенное къ вѣнцу на персяхъ св. иконъ
Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. Такъ въ переписѣ Москов.
Успенскаго Собора 1627 г. «На образѣ Одигитріи двѣ гривны серебряныя
«басменныя, золоченыя.» Слѣдств. гривна была не медаль, но ожерелье,
ошейникъ, кольцо, тоже, что у Грековъ *στρέπτον χρύσεον*, у Римлянъ *col-
lage*, о коемъ не рѣдко упоминается въ надписяхъ на мраморахъ Олвинъ
и другихъ колоній на берегахъ Понта.

Но самыя изображенія змѣй и надписи въ родѣ заклинаній заставляютъ
думать согласно съ г. Каченовскимъ, что это были амулеты, или обрак-
сы, кои носили на себѣ, такъ какъ и теперь носятъ ладонки для предо-
храненія отъ напастей, околдованія и порчи. Между абраксами въ Евро-
пейскихъ кабинетахъ находятся многіе, на коихъ изображены змѣи съ че-
ловѣческими лицами. Такія изображенія змѣй намѣкаютъ на ученіе Офи-
товъ: слѣд. въ женской головѣ съ семью змѣями можно признать Офитскую
Софію и осмеричное число Еоновъ, которое составляла она съ сыномъ сво-
имъ Jaldabadth и шестью остальными духами, отъ него происшедшими.

(2) Sinnbilder u. Kunstvorstellungen der alten Christen von Dr. F. Münter, I. II. Altona,
1825, in 4.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ М. 1822, въ 8.

Софія же, по ученію Офитовъ, родилась отъ третьяго Еона, котораго они называли первою женою, матерью всѣхъ живыхъ. Она безъ мужескаго участія произвела на свѣтъ сына Jaldabadth, родоначальника новаго поколѣнія. Осмеричное число головъ на амулетѣ согласовалось бы съ ученіемъ Офитовъ, еслибъ не было ихъ на другихъ по двѣнадцати. Но какъ Еоны и планетные князья приняли образъ змѣй: то Св. Климентъ Александрійскій объясняетъ намъ, что «Египтяне выражали косное теченіе планетъ змѣями.» (4) Изъ Египетской Гіероглифики потомъ этотъ символъ перешелъ въ Офитскую и даже въ гностическую. Русскіе же, заимствовавъ подобныя амулеты отъ Грековъ и Болгаръ, какъ священныя средства, предохраняющія отъ напастей, употребляли и подражали имъ безъ сознанія, иногда замѣняя одиѣ изображенія другими и соединяя въ нихъ символическіе образы съ иконами Святыхъ, отечественное съ чужеземнымъ.

(4) Sinnbilder и Kunstverstellungen etc.

НОВГОРОДСКІЕ НАПЕРСНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисункъ Огд. I. № 24.)

Изображенныя здѣсь подъ N 24, два наперсные креста въ натуральную величину, различные своею формою, находятся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Одинъ изъ нихъ А. В. серебряный вызолоченный, съ филогранью. На лицевой сторонѣ изображенъ, вмѣсто Распятія, Господь Вседержитель, сѣдящій на престолѣ; четыре большихъ яхонта розоваго цвѣта въ гнѣздахъ служатъ украшеніемъ. На обратной сторонѣ вырѣзаны имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи заключаются въ этомъ крестѣ. Другой изъ нихъ Д. Е. серебряный вызолоченный съ филифтыю на лицевой сторонѣ и Распятіемъ; въ гнѣздахъ вставлены пять драгоценныхъ камней. На обратной сторонѣ его надпись показываетъ, какихъ Святыхъ мощи вложены во внутренности его. Оба сѣ креста служили отпчѣмъ сана святительскаго. Судя по стилю, первый изъ нихъ древнѣ послѣдняго; по надписи не опредѣляютъ ни вѣка ихъ, ни мѣста, ни соорудителя.

АНТОНІЕВЪ КРЕСТЪ ВОЗДВИЗАЛЬНЫЙ.

(Рисунокъ Огд. I. № 25, 26.)

Изображенный на эстампѣ подъ N 25 крестъ, въ половину уменьшенный противъ натуральной своей величины, принадлежитъ къ числу воздвизальныхъ, кои возносились были въ соборахъ и нѣкоторыхъ монастыряхъ на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Различаясь мѣстомъ и назначеніемъ своимъ отъ престольныхъ, благословящихъ, возлагаемыхъ на престолѣ, онъ хранился, или въ ризницѣ, или поставляемъ былъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ.

Антоніевъ крестъ, хранящійся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, сходенъ съ Полоцкимъ св. Евфросиніи и съ Ростовскимъ Авраміевымъ; онъ шестиконечный, деревянный, обложенный басменнымъ золоченымъ серебромъ. Въ шести клеймахъ на лицевой сторонѣ вычеканены изображенія Знаменія Богородицы, Господа Вседержителя, двухъ Херувимовъ и св. Иоанна Богослова. Между ними два креста: одинъ мусійный, осмиконечный, съ распятымъ Христомъ, окруженный ликами Богоматери и св. Иоанна Богослова, или Предтечи, а другой съ частицею Животворящаго Древа. На бокахъ креста вычеканены: о агнос Петрос, о агнос Павлос, о агнос Іо... о агнос Гельконъ, и слѣд. надпись: « Господи помози ракоу своему Антонъ Архіепископу Новгородскому давшему крестъ Сватоу Софни.

Великій Новгородъ избралъ Антонія въ 1211 году Архіепископомъ, но чрезъ 8 лѣтъ изгналъ его; потомъ вмѣстѣ съ Митрофаномъ, его предшественникомъ, представилъ на судъ Митрополиту Всероссийскому, который,

утвердивъ Митрофана въ Новгородѣ на Владычнемъ престолѣ, далъ Антонію каеэдру въ Перемышлѣ. Послѣ Арсенія, Новгородъ опять вызвалъ Антонія на Архіепископію, съ коей онъ потомъ сошелъ въ Хутынь монастырь, гдѣ и кончилъ жизнь свою.

Ни изъ Исторіи, ни изъ надписи не видно, когда и по какому случаю сооруженъ Владыкою Новгородскимъ этотъ крестъ; но, по древности, болѣе, чѣмъ пятивѣковой, по мѣсту сооруженія и по лицу соорудителя, этотъ надписанный памятникъ начала XIII вѣка принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ нашимъ древностямъ.

Вмѣстѣ съ нимъ въ ризницѣ Софійскаго собора, находятся три панакіи, двѣ — Архіепископовъ Новгородскихъ и одна Папская.

В. С. Серебряная, складная, съ изображеніемъ распятія І. Х., а на другой — Спасителя.

Е. Ф. Серебряная украшенная финифтью, съ образомъ Святителя Николая.

Н. І. Крестъ золотой съ тремя продолговатыми сквозными яхонтами, на копяхъ вырѣзано рельефомъ Распятіе І. Христа съ предстоящими Ему Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. На трехъ концахъ креста изображены три пчелы, по видимому, намѣкающія на слова Псалма СХVII, 12, «Обы-
«доша мя яко пчелы сотъ.» На средокрестіи обратной стороны солнце, коего тройственные лучи выступаютъ и на другую сторону. При подножіи креста, по снимку г. Солнцева, читаемъ надпись Urb. VIII. P. M. t. e. Urbanus VIII, Pontifex Maximus. Но Истор. описаніе Святыни Новгородской, Спб. 1848 г. и Новгородскія Губерн. Вѣдомости 1848 г. N 9, ошибочно присвоиваютъ этотъ крестъ Урбану IX, и Урбану XI.

Императрицею Екатериною II это св. украшеніе пожаловано было Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Гавріилу Петрову, а отъ него поступило въ ризницу Софійскаго Собора.

КОРСУНСКІЕ КРЕСТЫ.

(Рисункъ Онд. I. № 27, 28.)

Корсунскими крестами называются запрестольные три креста въ алтарѣ Московскаго Успенскаго Собора. Одинъ изъ нихъ, четвероконечный, обитый позолочеными серебряными листами; лицевая его сторона усыяна самоцвѣтными камнями и клеймами съ обронными изображеніями разныхъ Святыхъ; на срединѣ и по концамъ въ кругахъ наведены финифтью: Распятіе, Денсусъ, Благовѣщеніе и Воскресеніе. На обратной сторонѣ поле украшено звѣздами изъ хрусталей; на срединѣ и на концахъ въ клеймахъ чеканены изображенія господскихъ праздниковъ. Въ переписныхъ книгахъ Московскаго Успенскаго собора, скрѣпленныхъ 1627 г. Симоновскимъ Архимандритомъ Іосифомъ, въ послѣдствіи Патріархомъ, объ этомъ памятникѣ благочестія сказано: « за престоломъ же крестъ большой Корсунскій обложенъ серебромъ, въ пяти мѣстехъ писаны господскіе праздники мусією на золотыхъ цкахъ; въ немъ же въ гнѣздохъ сто семь хрусталей. »

Другіе два креста, четвероконечные, изъ горнаго хрусталя, скрѣпленные серебромъ; они утверждены на древкахъ, для ношенія въ крестныхъ ходахъ.

На этихъ священныхъ памятникахъ нѣтъ надписей, кои бы свидѣтельствовали намъ объ ихъ мѣстности и древности; но преданіе гласитъ, что они перенесены просвѣтителемъ Россіи Владимиромъ I въ столичный градъ Кіевъ изъ покоренной имъ Корсуни, оттуда перешли во Владиміръ и по-

томъ въ Москву. О первомъ крестѣ свидѣтельствуеъ книга *Жезл* 1655 г. что онъ «предрагоцѣнный окладомъ, неоцѣненный образомъ, древностію «пречестный, именуемый Корсунскій, оltарь Господень яко солнце про- «свѣщаетъ въ соборномъ храмѣ, въ матери всѣхъ церквей.»

Въ 1812 г. святыни сіи не были вывозимы изъ Москвы.

Примѣч. О звѣздѣ св. Антонія Римлянина сказано въ статьѣ объ его сосудахъ.

НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТЬ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

(Рисункъ Огд. I. № 29, 30, 31, 32.)

Сей крестъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, изъ чеканнаго вызолоченнаго серебра съ литыми изъ того же металла накладными распятіемъ и образами Богоматери, Іоанна Богослова и другихъ Святыхъ; длиною онъ 2 четверти $\frac{1}{4}$ вершка, по мѣстамъ украшенъ крупнымъ угловатымъ жемчугомъ и драгоценными камнями. На подножіи его слѣдующая надпись означаетъ вкладчика, время и мѣсто сооруженія: „Бѣ лѣто 7351 (1643) Апрѣлѣ въ ка день, повелѣніемъ Благовѣрнаго Царя Іоанна Васильевича всеа Русіи, закланъ сій крестъ въ 13 лѣто годоу дарствѣ его въ преніенітѣй храмъ и соборъ Архістратѣга Михаила, въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.“ На оборотной сторонѣ креста другая надпись вязью, узловатая, въ нѣсколькихъ кружкахъ, какъ сказано въ старинной описи соборной ризницы, изображена «большими *фряжскими* буквами; она содержитъ въ себѣ имена тѣхъ Святыхъ, которыхъ мощи вложены въ этотъ крестъ. Славянскія буквы названы *фряжскими* по ихъ почерку или пошпбу, извѣстному также подъ именемъ Фряжской азбуки, которая состояла изъ связанныхъ между собою узловатыхъ буквъ и употреблялась въ надписяхъ и въ красныхъ строкахъ.

Какъ драгоценныя св. утвари, большею частію, устроиваемы были Государями по общаію и въ ознаменованіе счастливыхъ событій: то,

вѣроятно, и сей крестъ сдѣланъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ возблагодареніе Богу за побѣды его въ Ливоніи, гдѣ, въ 1560 году, Русскіе взяли 11 городовъ, и за успѣхи оружія его въ Крыму.

Другой крестъ напрестольный въ ризницѣ Архангельскаго Собора золотой чеканный, почти одинакой величины съ первымъ; онъ украшенъ драгоценными камнями и крупнымъ жемчугомъ. Работа его отличается чистотою. Изъ надписи на немъ видно, что онъ пожалованъ въ Соборъ Царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ 1677 года, въ вѣчное поминованіе родителей своего.

РѢЗНЫЕ КРЕСТЫ.

(Рисунки Омд. 1. № 33, 34.)

Изображенные на эстампахъ N 33 и 34 рѣзные на деревѣ кресты, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Московской Оружейной Палатѣ, представляютъ намъ памятники рѣзнаго искусства (*αναγλυτική*, *sculptura*, *toeurtice*), коимъ издревле славились Византіицы и давно занимались Славяне. Разсмотримъ эти произведенія въ связи съ самимъ художествомъ и его исторіею.

Особеннымъ предметомъ досужества Аѳонскихъ монаховъ было это искусство. По свидѣтельству Ассемани, «они вырѣзывали съ превосходною «оброною работою иконы и кресты изъ бука, кедра и другихъ деревъ, на коихъ изображали распятаго Спасителя, Богоматерь, дванадцатые праздники и разныхъ Святыхъ Восточной Православной Церкви. Такимъ издѣліемъ украшая свой досугъ, иконы списывали себѣ пропитаніе.» (1) Къ этому свидѣтельству присоединимъ другое, не менѣе важное, которое сообщаетъ намъ Греческій врачъ XVII вѣка, Іоаннъ Комнинъ, обозрѣвавшій Святую гору; (2) онъ говоритъ, что «Болгары и Русскіе издревле любили «упражняться въ иконописи и рѣзбѣ, что искусство ихъ отличалось особеннымъ пошибомъ, заимствованнымъ отъ духа и нравовъ отечества.»

(1) *Assemani Calendaria ecclesiae Graecae.*

(2) *I. Comneni descriptio montis Atho*, въ *Monfaucou Palaeographia Graeca*, p. 459—486.

Какъ понимѣтъ или стиль этотъ былъ икононый, основанный на древнихъ образцахъ и подлинникахъ: то и рѣзба запечатлѣна тѣмъ же характеромъ, какимъ иконописъ Болгарская и Русская. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, въ Россіи еще удѣлѣно много разныхъ памятниковъ Греческой рѣзбы, которые проявляютъ духъ и характеръ сего искусства, посвященнаго св. Вѣрѣ.

Это искусство, бывшее подъ вліяніемъ Церкви, подчинялось ея заветнымъ преданіямъ и уставамъ. Какъ Восточная Православная Церковь отвергала всякое *изваяніе* и *слияніе* (пстуканы, горельефы) согласно съ заповѣдью во Второзаконіи XXVII, 15, гдѣ дается проклятію «сотворившіи изваяніе и слияніе;» то она допускала однѣ только изображенія половинчатыхъ, или въ полѣ, т. е. рельефы. Между тѣмъ, какъ Западная Церковь ввела въ обычай изваянія Святыхъ въ натуральную величину, изъ дерева и камня (горельефы, *alto relievé*, облыя, круглыя фигуры), которыми украшала не только костелы и капеллы, но и площади и перекрестки. (3)

Рѣзное искусство, исконно любимое Русскимъ народомъ, сперва было орудіемъ поклоненія, а потомъ съ насажденіемъ на Русь Христіанской Вѣры, обращено на изображеніе досточтимыхъ ея предметовъ, и украшало вычурными и затѣйливыми орнаментами внѣшность и внутренность храмовъ Божіихъ, которые въ древности были, по большей части, деревянные. На самыхъ избахъ крестьянскихъ видны разныя узорныя порѣзки, обличающія досужество, ловкость и замысловатость мастеровъ.

Отъ Византійскихъ художниковъ Кіевъ получилъ первые образцы рѣзныхъ на деревѣ, кости и камняхъ, иконъ, папегіи и крестовъ, коимъ подражали Русскіе. Тамъ и донынѣ существуетъ это искусство, доставляющее богомольцамъ рѣзные на кипарисѣ кресты и образа. Оно проникло и въ Новгородъ, славившійся въ XVI вѣкѣ своими *рѣзцами* или рѣзными мастерами; которые *налагали лице на камень*, т. е. покрывали рѣзбою и полировали; отсюда иногда вызывались они въ Москву для украшенія церквей и Государевыхъ Палатъ. На эстампѣ N 4 представлены древнія произведенія рѣзбы, сохранившіяся въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго Собора. Архангельскъ также славится съ давнихъ временъ рѣзбою на кости.

(3) Handbuch der christlichen Archacologie von D. S. W. Augusti, 3 B. Leipz. 1836. въ 8.

Въ самой Москвѣ, въ числѣ Царскихъ художниковъ и ремесленниковъ Мастерской Палаты, находились и рѣзчики на деревѣ; изъ нихъ извѣстны своими произведеніями въ XVII вѣкѣ Кондратій Ивановъ и Петръ Ремезовъ. По Государеву указу, они вырѣзывали не только кресты и образа, но и сѣни надъ престолами въ церквахъ, царскія врата, алтарные иконостасы и т. д. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ 1670 г., говоритъ, что «Русскіе выдѣлываютъ весьма искусно изъ дерева разныя вещи.» Рѣзанная Петромъ Великимъ на кости и на деревѣ разныя изображенія служатъ доказательствомъ, что онъ усвоилъ себѣ это древнее Русское искусство.

Въ XVII вѣкѣ, сблизившемъ Россію съ Западомъ Европы, появился въ ней изваянія Святыхъ изъ дерева и камня, по большей части, отживленныя подвѣтуру, т. е. раскрашенныя; онѣ ставились въ церквахъ и часовняхъ на поклонѣ. По словамъ указа Петра I, въ 1722 году, Апрѣля 12, этотъ «обычай» устраивать неумѣренныя рѣзныя иконы вошелъ въ Россію отъ пноуѣрныхъ, а наипаче отъ Римлянъ и порубежныхъ намъ Поляковъ.» На основаніи правилъ церковныхъ, указомъ того же года Октября 11 запрещено было «употреблять въ церквахъ рѣзныя и отливныя иконы, кромѣ Распятій, искусною рѣзбою устроенныхъ, а въ домахъ, кромѣ малыхъ крестовъ и панатій.»

Изъ сего видно, что рѣзба и ваяніе вошли въ Россію двумя путями, съ Востока и Запада, что отъ одного заимствовала она рельефныя изображенія Святыхъ, а другому пногда подражала въ изваяніи облыхъ, круглыхъ фигуръ, кои выдабливались, или высѣкались въ ростъ человѣческой, подобно древнимъ *κόλας*.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ рѣзбы былъ крестъ, орудіе и знаменіе спасенія. Какъ I. Христосъ распятъ былъ на крестномъ деревѣ, то для малыхъ и большихъ крестовъ преимущественно выбиралось дерево, способное для рѣзбы по своей мягкости, плотности и цвѣту. Таковы были: липа, кипарисъ, букъ, кедръ, чинаръ. Работа производилась долотцами разнаго рода; для окончательной отдѣлки фигуръ употребляли пемзу и хвощъ. Рѣзба была *половинчатая* на полѣ, или фонѣ, и *сквозная*, болѣе или менѣе крупная и мелкая. Иногда фигуры, особливо вырѣзанныя, набирались и наклеивались на фонѣ. Нѣкоторые памятники этого художества, находившаго себѣ приютъ въ монастыряхъ, отличаются твердостью и отчетливостію рисунка, искусствомъ, чистотою и тонкостію отдѣлки, требу-

ющей необыкновеннаго терпѣнія и ловкости; не рѣдко встрѣчаемъ образа въ $1\frac{1}{2}$ вершка, на конхъ вырѣзаны изъ кости или камня всѣ дванадесѣтые праздники съ надписями; также на дощечкахъ, величиною отъ 1 до 3 четвертей, обронное изображение всей прославленной Церкви въ видѣ алтарнаго иконостаса.

Но въ этихъ произведеніяхъ рѣзбы находимъ тѣже недостатки, какіе и въ иконописи, касательно группированія, перспективы и вообще тона.

Чтожъ касается до рѣзныхъ на деревѣ крестовъ, то они были *тѣлесныи*, или *тѣлесные*, *наперсныи*, *напрестольныи*, *воздвизальныи*, *водружательныи* и *благословлящіи*; одни носимы были на персяхъ, какъ залогъ св. крещенія, или какъ отличіе духовенства, другіе возлагались на престолахъ въ алтарѣ, въ воспоминаніе крестной жертвы І. Христа, третьи воздвизаемы были въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста и служили иногда запрестольнымъ, четвертые ставропугіальныи, даваемые Патриархомъ церквамъ и монастырямъ съ особымъ преимуществомъ, (4) а послѣдніе ставились въ кіотахъ на поклонѣ, какъ св. иконы, и, по большей части, были четвероконечныи, согласно съ украшеніемъ св. Григорія Нисскаго, который учитъ, что крестъ четырьмя частями, или краями знаменуетъ высоту, глубину, широту и долготу содержащимся Божіею сілою. (5) Сверхъ того, встрѣчаются древніе кресты съ рѣзбою — *памятныи*, *закладныи* и *надгробныи*; одни сооружались въ память какого либо событія, другіе закладываемы были въ церковныхъ стѣнахъ, третьи ставились на могилахъ.

Къ числу напрестольныхъ и благословляющихъ принадлежатъ изображенныи на эстампѣ четвероконечныи кресты; они вырѣзаны на кипарисѣ и отличаются отъ древнихъ особенностію своего вида. У креста подъ N 33, отъ подножія къ рогамъ простираются двѣ вѣтви, на конхъ вырѣзаны поясныи изображения Пророковъ, а на поверхности его въ клеймахъ дванадесѣтъ праздниковъ съ греческими надписями. На концахъ Евангелисты съ ихъ символами. Подобныи орнаменты въ образѣ вѣтвей, происшедшихъ отъ креста, проявляютъ христіанскій символическій взглядъ на природу. Но видимо, и художникъ Византійской школы хотѣлъ выразить, что крестъ Господень есть древо жизни, коего вѣтви осѣняютъ и питаютъ всѣхъ приобщающихъ подъ спасительную его сѣнь. На бокахъ описываемаго креста изображена слѣдующая монограмма, вѣроятно, означающая имя художника:

(4) Новая скрижаль, изд. 4. М. 1816, въ 4.

(5) Жезл, М. 1633, въ 1.

А П М S. Т В П Г. Отчетливость рисунка, тщательность и чистота отдѣлки обличаютъ въ немъ остроту и вѣрность глаза, ловкость руки.

Тѣже предметы, тотъ же пошибъ и тѣ же письма находимъ на другомъ крестѣ подъ N 34. Изъ чего съ достовѣрностію можно заключить, что они произведеніе одного художника, судя по надписямъ—Грека, а по сличеніи съ подобными издѣліями Аѳонскихъ иноковъ—Святогорца; ибо послѣдніе не рѣдко присылали Царямъ въ Москву рѣзные кресты, панакіи и образа въ благословеніе. Вѣра, художество и наука сближали Аѳонъ съ Кіевомъ и Москвою.

Начиная съ XI по XVIII вѣкъ, Аѳонъ доставлялъ южной и сѣверовосточной Руси не только образцы иконописнаго и рѣзнаго художества, но и правила для иноческой жизни, Болгарскіе и Сербскіе переводы Твореній Св. Отцевъ, драгоцѣнныя Греческія рукописи для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ и наконецъ ученыхъ иноковъ, насадившихъ семена просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

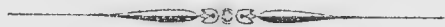
ИЗМАЙЛОВСКІЕ КРЕСТЬ И БРАТИНА.

(Рисунокъ Омд. I. № 35.)

На рисункѣ представляются два памятника изъ подмосковнаго села Измайлова, гдѣ жилали лѣтомъ Цари Михаилъ Θεодоровичъ, сынъ его Алексіи и внукъ Θεодоръ съ семействомъ своимъ, гдѣ проводилъ свои дѣтскія лѣта Петръ I, отыскавшій тамъ ботикъ, *дядушку Россійскаго флота*. Сии памятники, не многоцѣнные, но важные по своему значенію въ народной жизни: рѣзной изъ дерева, позолоченный и разцвѣченный крестъ и братина, окрашенная по левкасу. Онѣ срисованы на мѣстѣ въ 1837 г. Г. Солицевымъ. По всему вѣроятію, что эта святыня и домашняя утварь принадлежали къ дворцовому обиходу, отъ коего остатки хранятся въ собраніяхъ отечественныхъ древностей Оружейной Палаты, Кн. М. А. Оболенскаго, П. Θ. Корабанова и М. П. Погодина. Четверокопечный крестъ этотъ ни запрестольный, ни напребстольный; но, по видимому, онъ осѣнялъ какой нибудь кивотъ въ дворцовой церкви.

Братины, напоминающія своимъ названіемъ и значеніемъ братство и круговыя чаши, въ старину составляли не только необходимую столовую утварь, но даже извѣстную мѣру жидкостей. Обыкновенная форма ихъ была круглая, кубовастая, на подобіе горшечка. Дѣлались онѣ изъ золота, серебра, мѣди и олова, чеканныя, гладкія, чешуйчатые, грановитые, дорожчатые, ложчатые съ травами, проводками, личинами, мишенями, плащами, съ чернью, фи-

нифтью, иногда съ драгоценными камнями; не рѣдко ихъ ободокъ или вѣнчикъ украшался надписью, означающею имя владѣльца, или какое нибудь правоучительное изрѣченіе. Въ крестьянскомъ быту онѣ устроивались, большею частию, изъ дерева. Измайловская братина простотою вещества соответствовала простотѣ жизни нашихъ Государей въ сельскомъ родовомъ приютѣ, гдѣ у нихъ столовая посуда была деревянная и оловянная.

ЦАРСКІЕ БРАЧНЫЕ ВѢНЦЫ

II

МИТРОПОЛИЧЬЯ ПАНАГІЯ.

(Рисункъ Огд. I. № 36, 37.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора сохранились древніе, серебряные съ позолотою, брачныя вѣнцы, мужскіи и женскіи, какіе при вѣнчаніи возлагались на Царей и Царицъ. Они устроены въ видѣ обруча, выдавагося на челѣ коронкою, съ городками по краямъ; на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ Деисусъ, а на другомъ Знаменіе Богородицы, Богоотцы Іоакимъ и Анна.

Судя по стилю работы, вѣнцы сіи принадлежатъ XVII вѣку; фигурою своею сходятся съ древними изъ серебра, мѣди, желѣза и дерева, какіе употреблялись при вѣнчаніи.

Вѣнецъ вообще какъ символъ вѣчности, въ особенности вѣнецъ брачный (*νμφικος στεφανος*) какъ знакъ таинственнаго союза, награды за цѣломудріе и благословеній небесныхъ, извѣстенъ былъ у Іудеевъ, что видно изъ словъ *Исай Пророка* LXI, 10. «яко на жениха возложи вѣнецъ.» (1) Въ *Псалмѣ Псалмѣ III*, 11, божественный Женихъ представляется, въ вѣнцѣ «пмже вѣнча его мати его, и въ день обрученія его и въ день веселія сердца его.» Восточная православная Церковь ввела въ употребленіе при бракосочетаніи вѣнцы, означав-

(1) Новая Скрижаль Прѣосв. Веніамина. Handbuch der christlichen Archaeologie, III. В. von D. I. C. W. Augusti. Leipz. 1837, in-8.

шіе, по толкованію Св. Іоанна Златоуста, « побѣду надъ соблазнами и сочетаніе двухъ въ плоть одну.» Отъ нихъ и самое бракосочетаніе называется *вѣнчаніемъ* (*στεφάνωμα*) т. е. благословеніемъ церковнымъ, которое преподается новоневѣстнымъ съ возложеніемъ на главы ихъ вѣнцовъ.

Вѣнчанію предшествовало обрученіе перстнями, какъ приготовительная часть брака, въ знаменіе «обрученія Господу Богу церкви честной;» перстень у мужа былъ золотой, у жены—желѣзной или серебряной, (2) знаки преимущества и владычества одного, подчиненности и покорности другой. Въ древнихъ требникахъ встрѣчается еще чинъ *постриганія*, совершавшагося крестообразно на главѣ вѣнчаемыхъ, предъ возложеніемъ вѣнцовъ, дотолѣ лежавшихъ въ алтарѣ на престолѣ. Послѣ вѣнчанія, въ эктеніи новобрачные нарекались *княземъ* и *княгинею*. (3) Можетъ статься, сіи названія даны имъ отъ того, что въ первые вѣка христіанства на Руси вѣнчались только князья и бояре; пбо современникъ Нестора, Іаковъ черноризецъ представлялъ Митрополиту Іоанну, что « не бывають на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія; но бояре токмо и « Князья вѣнчаются.» Въ продолженіи семи дней вѣнцы съ новобрачныхъ не снимались; на восьмой день было *разрѣшеніе вѣнцовъ* (*λύσις τῶν στεφάνων*). Сей чинъ церковный совершался съ молитвой, положенною въ Требникѣ, въ возблагодареніе Богу за соблюденіе новобрачныхъ въ цѣломудріи.

Въ послѣдствіи эти обряды сокращены и вѣнцамъ брачнымъ дана форма короны.

На эстампѣ подъ N 36, вмѣстѣ съ брачнымъ вѣнцомъ изображена святиТЕЛЬСКАЯ ПАНАГІЯ, золотая; на лицевой сторонѣ ея вставленъ древній камей, представляющій Пророка Даниїла (*προφήτης Δανιήλ*) съ двумя львами при подножіи; вокругъ камей четыре самоцвѣтные камня въ гнѣздахъ, размѣщенные крестообразно. На обратной сторонѣ вырѣзанъ крестъ на Голгоѣ съ вѣнцомъ на междукрестіи, съ копіемъ и тростию; на поляхъ слѣдующая надпись: « в сей иконѣ мощи святаго Апостола Андрея Первозванного « и святаго Апостола Варнавы, святаго Великомученика Георгія, святаго « мученика Анѣногена, да мощи Царя Константина.»

Хотя въ надписи на эстампѣ и означено, что панагія сія принадлежала « Іосифу, Митрополиту Вологодскому;» но между Іерархами Вологодской

(2) Потребникъ мірской. М. 1639, въ л.

(3) Требникъ уставный, на бумагѣ, въ 4, конца XVI, или начала XVII вѣка. Изъ библіот. Кн. М. А. Оболенскаго.

Епархіи не было Митрополитовъ, а Епископы и Архіепископы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются Архіепископъ Іосифъ I, хиротонис. 1708 г. и Іосифъ II, хиротон. 1761 г. По описи же соборной, панагія сія извѣстна подъ именемъ *Іосифовской* отъ того, что взята изъ Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря, гдѣ окончилъ жизнь свою Всероссійскій Митрополитъ Даниилъ, лишенный святительскаго сана, 1539 года. По всему вѣроятію, эта панагія ему принадлежала; въ чемъ удостовѣряетъ изображеніе на ней тезоименитаго ему Пророка Даниила. Послѣ кончины сего Святителя, извѣстнаго въ гражданской Исторіи распрями своими съ боярами, а въ церковной Словесности своими полемическими сочиненіями, сіе знаменіе святительства его, вѣроятно, по завѣщанію, поступило въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ поставленъ въ Всероссійскіе Митрополиты 1522 года, Февраля 27, изъ игуменовъ Іосифова Волоколамскаго монастыря.

ЗОЛОТОЕ КАДЦЛО

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисунокъ Олд. I. № 38.)

Кадцло это, драгоцѣнное по металлу и по камнямъ, его украшающимъ, равно и по искусной работѣ, вѣсомъ 4 фунта, $33\frac{1}{2}$ золотника. Чашкѣ его съ крышкою дано художникомъ подобіе одноглавой церкви съ рѣшетчатыми окнами и съ осмиконечнымъ на главѣ крестомъ. На вѣшнихъ ея стѣнкахъ между арабесками наведены чернью Соборъ Архангела Михаила и лики Святыхъ, въ числѣ которыхъ видны тезоименитые Царю Θεодору Іоанновичу и Царицѣ Иринѣ св. Θεодоръ Стратилатъ и св. мученица Ирина. Въ гнѣздахъ по мѣстамъ вставлены изумруды и яхонты, грапеные и неграпеные. Четыре кольчатые цѣпи, къ коимъ прикрѣплено кадцло, имѣютъ въ среднѣхъ четыре креста съ яхонтами; самая ерданка, или рукоять изъ чистаго золота, богато украшена чернью и драгоцѣнными камнями. Казалось, мастеръ истощилъ свое искусство, чтобы сдѣлать утварь сію, сколь можно, великолѣпнѣе, согласно съ желаніемъ усердствовавшей особы.

Хотя въ надписи на рисунокѣ и сказано, что кадцло сіе Царя Θεодора Алексѣевича; но на поддонѣ изъ узловатой надписи, наведенной по золоту чернью, узнаете, что « кадцло сіе сдѣлано повелѣніемъ Благовѣрныхъ Великихъ Государыни, Царицы и Великія Княгини Ирины, во пноцѣхъ Александры по Великому Государѣ, Царѣ и Великому Князѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ къ его Царскому гробу, 1598 году.

ДРЕВНІЯ КАДИЛА.

(Рисунок Омд. I. № 39.)

То высокое значеніе, какое Православная Церковь даетъ кадилу, употребляемому при богослуженіи, побуждаетъ насъ присоединить къ историческо-археологическому описанію двухъ изображенныхъ здѣсь кадилъ XVII вѣка, замѣчанія о происхожденіи, употребленіи и знаменованіи куренія ладаномъ и кадилъ.

Всѣ восточныя, греческія и латинскія Требники и Служебники почитаютъ куреніе ѱміама одною изъ существенныхъ принадлежностей богослуженія. Начало этому находимъ въ ветхозавѣтныхъ обрядахъ. (1) Самъ Богъ чрезъ Моисея повелѣлъ Аарону «кадити надъ Кивотомъ ѱміаmomъ сложеннымъ благовоннымъ рано по утру и съ вечера, когда вжигаются свѣтила.» *Исход.* XXX, 7 и 8. Апокалипсисъ изображаетъ намъ каженіе Ангела предъ алтаремъ, да «вознесетъ молитвы Святыхъ къ Богу.» *Апокал.* VIII. 3.

Древнѣйшее свидѣтельство объ употребленіи ѱміама въ Церкви новозавѣтной находимъ въ III правилѣ св. Апостолъ: «Не лѣтъ приносить что въ жертвенникъ, развѣ елей въ святой свѣтильникъ и ѱміамъ во время божественнаго возношенія.» Это свидѣтельство дополняется св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, который въ церкви. Іерархія, гл. 3. говоритъ, что «священподѣйствіе начиналось куреніемъ ѱміама предъ алтаремъ и во всемъ

(1) Handbuch der christlichen Archacologie von Dr. C. W. Augusti. III B. Leipzig, 1836, in-8.

святѣлицѣ.» Первый примѣръ кадильницы золотой (*θυμιαστήριον, thugibulum*) встрѣчаемъ у Еваргія Hist. eccles. VI, 21; но историкъ говоритъ объ ней, какъ уже объ извѣстной вещи. А Григорій Великій подтверждаетъ, что ни одинъ церковный обрядъ не обходится безъ куренія ладана и ѳуміама. По сему не справедливо сказаніе Платины въ жизни Сикста I и Поллidora Виргілія, будто Левъ III первый ввелъ въ литургію куреніе ладаномъ.

По ученію Церкви, куреніе ѳуміама означаетъ не только восхождение усердныхъ молитвъ къ Богу, но и нисхождение благодати Духа Святаго, таинственно улаждающей души вѣрующихъ. «Кажденіемъ, говоритъ св. Симеонъ Солун. «святѣя мѣста и вещи чествуются, а предстоящіе освящаются.»

Нерѣдко этотъ сосудъ представляетъ подобіе одноглавой церкви, каково напр. кадило Препод. Никона въ Троицкой лаврѣ. Кадила, имѣющія видъ пятиглавой церкви, называются *Патріаршими*, потому что онѣ употреблялись при Патріаршихъ служеніяхъ.

Въ Никоновской Скрижали объяснено символическое значеніе всѣхъ частей кадила. Родъ ручныхъ кадильницъ въ нѣкоторыхъ пустыняхъ и скитахъ извѣстенъ подъ именемъ *кацей*. (2)

Изображенныя же здѣсь кадила, серебряныя съ позолотою, состоятъ изъ двухъ полусферическихъ чашекъ, накрывающихъ одна другую. Верхъ ихъ увѣнчанъ церковною главою, на одной съ четвероконечнымъ, а на другой съ осмичастнымъ крестамъ. По ободку надписи вязью показываетъ, что онѣ устроены въ царствованіе Михаила Феодоровича 1644 года.

Син кадила, такъ равно и серебряное блюдо, замѣчательное по изяществу работы и по старинѣ, принадлежатъ Московскому купцу Лаврову.

(2) «Кацин, или кадильницы съ рукоятками введены въ употребленіе ради воспоминанія явленія въ нѣкоемъ обществѣ Ангела.» См. Истор. описаніе Глинской Богородицкой пустыни, сост. И. Самойловичъ. 2 ч. Спб. 1836, 8. По Е. Р. Ф. въ Исторіи Русской Церкви съ 988—1237 г. стр. 96, пр. 146, объясняетъ *кацею* кропильною чашею отъ чешск. сл. *кацати*, брызгать водою. Карамзинъ слова Кіев. Лѣтоп. «и кадильницы двѣ и *каца*» читаетъ неправильно *какое*. Карамз. II. Г. Р. 11, пр. 296.

АЛАВАСТРЪ.

(Рисунокъ Огд. I. № 40.)

Это узкогорлый металлическій сосудъ, покрытый перламутровою чешуей, съ крестомъ на верху изъ драгоценныхъ камней; алавастромъ онъ названъ отъ *ἀλβάστρον*, алебастръ и сосудъ изъ него для храненія ароматъ. По преданію, онъ представляетъ подобіе того самаго алавастра, изъ котораго Марія Магдалина излила драгоценное миро на ноги Иисусовы, какъ свидѣтельствуется св. Евангелистъ Марко XIV, 3. Въ первые вѣка Русскаго Христіанства алавастръ съ муромъ присланъ изъ Греціи въ Кіевъ, откуда взятъ въ Москву. По древнему обычаю, при таинственномъ освященіи мѣра въ Успенскомъ соборѣ, въ память общенія нашей отечественной Церкви съ Восточною, прибавляется изъ алавастра въ составъ мѣра нѣсколько капель и пополняется новымъ, чтобы никогда не изсякалъ сей священный источникъ.

КОРОНКА НА ГВОЗДЬ ГОСПОДЕНЬ.

(Рисункъ Онд. I. № 41.)

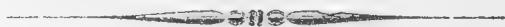
Среди святынь Московскаго Успенскаго собора находится гвоздь Господень въ серебряномъ чеканномъ ковчегѣ. Верхъ этого ковчега украшенъ золотою коронкой съ четвероконечнымъ крестомъ, усѣянною драгоценными камнями. На корпусѣ ея наведены эмалью четыре Херувима, а по ободку вычеканена надпись изъ церковныхъ Грузинскихъ письменъ, которую здѣсь передадимъ по объясненію Академика Броссе: « Царь всея Грузіи Давидъ, сынъ Русуданы, соорудилъ вѣгалище для святаго гвоздя. » (1) Г. Броссе почитаетъ сего Давида за Нарина-Давита, царствовавшаго въ Грузіи съ 1237 по 1272 годъ. Но стиль самой коронки и письменъ, по видному, относятся къ позднѣйшему времени, такъ какъ и ковчегъ, устроенный въ концѣ XVII вѣка Имеретинскимъ царемъ Арчломъ сыномъ Вахтанга IV.

Сей государь, нашедшій себѣ покровительство и пристанище у Русскаго Царя, привезъ въ Москву въ 1686 г. сію святыню, которая, по преданію, дарована была Грузіи первымъ ея христіанскимъ государемъ Миріаномъ, современникомъ Константина Великаго. До 1715 года гвоздь Господень хранился въ домовой его церкви. Когда же, по просьбѣ брата сво-

(1) Monographie georgienne de Moscou, par M. Brosset. 1838, à S. P. in-8.

его Георгія, Арчплъ послалъ его въ Грузію, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе : тогда губернаторъ, остановивъ ковчегъ съ св. гвоздемъ въ Казани, донесъ объ этомъ Императору Петру I. Государь повелѣлъ препроводить сію святыню въ Москву для храненія въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. (2)

(2) Заволжскій Муравей, Казань. 1833.

ЯШМОВЫЙ СОСУДЪ ДЛЯ ЦАРСКАГО МУРОПОМАЗАНІЯ.

(Рисунокъ Отд. I. № 42, 43.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора хранится яшмовый (сосю-риповый) сосудъ съ поддономъ и крышкою изъ того же камня съ золотымъ вѣнцемъ и ободками, покрытыми прекрасною эмалью. На крышкѣ припаяна изъ золота съ эмалью змѣя, свившаяся кольцомъ, какъ символъ мудрости и здравія.

Повидимому, стиль и работа сосуда принадлежатъ новѣйшей эпохѣ художества.

Сколько замѣчательна эта утварь по цѣнности матеріала и по изяществу отдѣлки, столько почтенна по употребленію ея при вѣнчаніи на царство Государей Россійскихъ; ибо въ нее тогда вливаютъ священное муро, для ихъ помазанія.

Нѣкоторые изъ нашихъ любителей отечественной старины, особенно г. Свиньинъ въ Картинахъ Россіи 1838 г. (1) выдавали яшмовый сосудъ за «краницу Августа Кесаря,» которую, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, прислалъ 1113 г. Греческій Императоръ Алексій Комнинъ къ Великому Князю Владимиру Мономаху съ царскою утварью. Сосудъ этотъ тѣмъ болѣе казался драгоценнымъ для державцевъ Русскія земли, что принадлежалъ Августу Кесарю Римскому, котораго они признавали родоначальникомъ

(1) Прежде его издатель Историч. Путеводителя по Москвѣ, 1827 г. 1.

Рюрика. (2) Въ духовныхъ же грамотахъ Великихъ Князей, начиная отъ сына Калиты Іоанна I до Василья II, (3) упомянута *сердошичная* и *сердолшная* *коробка*, *кованая золотомъ*, которая переходила въ наследство къ старшему сыну. Вѣроятно, это была та же самая сердошковая крабѣя, изъ коей, по словамъ нашихъ лѣтописей, «весеяшеся Августъ Кесарь.» При этомъ надобно замѣтить, что нѣкоторые изъ Византійскихъ Императоровъ присвоивали себѣ титулъ Августовъ и Кесарей. Чтожъ касается до слова *крабѣя*, *крабѣца*, то оно встрѣчается намъ и въ Чешскомъ языкѣ: *krabice*, *krabia* отъ *krabaty*, вогнутый, выдолбленный, *scrinium*, скринка, коробочка, ковчежець. (4) Подобное названіе могло быть дано въ древности сосуду, высѣченному изъ драгоценнаго камня. Въ описяхъ Оружейной Палаты XVII вѣка между посудой или судами упоминается и *крабѣйца*.

Посмотримъ теперь, съ какого времени она появляется при муропомазаніи Государей Россійскихъ.

Послѣ перваго торжественнаго вѣнчанія на царство юнаго Дмитрія, въ 1498 году, державный его дѣдъ Іоаннъ III подарилъ ему на пиришествѣ *сердолшковую крабѣю Августа Кесаря*. Изъ словъ Ростовскаго лѣтописца не видно, чтобы Дмитрій принялъ помазаніе муромъ при вѣнчаніи и чтобы Августовъ сосудъ употребленъ былъ при этомъ св. обрядѣ, хотя въ рѣчи своей къ вѣнчанному на царство отроку Всероссійскій Митрополитъ Симонъ сказалъ: «да сподобитъ его Богъ помазатися елеемъ радости.» При вѣнчаніи на царство Василія III и Іоанна IV современные имъ лѣтописцы не упоминаютъ ни объ Августовой крабѣ, ни о муропомазаніи, о коемъ свидѣтельству только новая рукописная Степенная книга. (5) Но вѣроятно, чинъ сего священнодѣйствія показался недостаточнымъ; потому что Царь Іоаннъ Васильевичъ, по свидѣтельству Курбскаго, посылалъ къ Цареградскому Патріарху Соловецкаго мѣла Феодора просить чина Царскаго вѣнчанія. Первый изъ Царей Русскихъ, сколько намъ извѣстно, Феодоръ I удостоенъ сего освященія; но въ чинѣ его вѣнчанія не сказано, изъ какого именно сосуда онъ былъ помазанъ св. муромъ, хотя всѣ принадлежности сего обряда, по обыкновенію, перечислены подробно.

(2) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Спб. 1793. — Собраніе Госуд. грам. I 303 и 599.

(3) Древн. Росс. Вивліоѳека, I, 423.

(4) *Slownik česko-německý. Jungmann. w Praze, 1836.*

(5) Карамз. II. Г. Р. VIII, пр. 161.

Пересмотримъ чины вѣнчанія послѣдующихъ Царей, не встрѣтится ли эта крабѣя при ихъ муропомазаніи. Для помазанія Царей: Михаила Ѳеодоровича въ 1613 г. принесли Архіепископы и Епископы великое и святое муро на *златомъ блюдѣ*; (6) а для Алексія Михайловича въ 1645 г. *скляничный Вещейскій драгій сосудъ*. (7) Изъ дѣлъ придворнаго Архива узнаемъ, что въ 1682 году къ коронаціи Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей велѣно было передать изъ мастерской Оружейной Палаты въ Успенскій соборъ для муропомазанія *розсолыникъ*, а въ самомъ описаніи ихъ вѣнчанія на царство сказано, что: «великое, святое и пречистое муро принесено Архіереями «на златомъ блюдѣ въ хрустальномъ драгомъ сосудѣ:» слѣдовательно этотъ розсолыникъ былъ хрустальный, а не сердолитовой и не яшмовой. (8) Изъ чина коронованія Императрицы Екатерины I, въ 1724 г., видимъ только, что св. муро подано на блюдѣ въ *собственномъ сосудѣ*, т. е. назначенномъ для сего священнаго дѣйствія. Наконецъ въ описаніи коронаціи Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. является описываемый нами яшмовый сосудъ, коего и рисунокъ приложенъ къ книгѣ, гдѣ онъ названъ *парочнымъ къ тому дѣлу драгимъ сосудомъ*, а въ церемоналѣ коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны 1742 г. *парочно къ тому приготовленнымъ драгимъ яшмовымъ, прѣгато золотомъ и преизрядно финифтью съ рѣзною работою украшеннымъ*, и даже въ чинѣ дѣйствія коронованія Императора Александра I, 1801 г.—*драгоценнымъ сосудомъ, для сего великаго дѣла парочно устроеннымъ*. Слова: *собственный, парочный и парочно приготовленный къ тому*—не значатъ ли, что этотъ сосудъ былъ въ началѣ XVIII вѣка устроенъ и назначенъ для муропомазанія? Потомъ въ обзорѣи достопамятностей Успенскаго собора, Протоіерея его А. Левшина, 1783 г., читаемъ: «Сосудъ яшмовый и съ крышкой, изъ котораго благо- «честивѣйшихъ Государей помазуютъ муромъ; по верхъ той крышки змѣйка «золотая съ финифтомъ высокой работы.»

Нигдѣ доселѣ въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ не сказано, чтобы это была *Августова крабѣя*, которую лѣтописи и грамоты называютъ *сердошичною, сердошичною, сердошичною*, и нигдѣ не встрѣчается подтвержденій мнѣнію, что яшмовый сосудъ, съ начала XVIII вѣка, употребляющійся при муро-

(6) Рукопись: Вѣнчаніе на царство Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича 7121 г. N 82, въ 4 въ Главн. Архивѣ М. И. Д.

(7) Древн. Росс. Визіювка, VII. 463.

(8) тамъ же.

помазаніи Государей, была Августова утварь. За подлинно также неизвѣстно, куда дѣлась Августова крабійца сердопчная. Не утратилась ли она въ нашествіе Поляковъ, или не перешла ли, по завѣщанію или сдѣлкамъ Московскихъ державцевъ, къ Рязанскимъ Князьямъ?

При этомъ не лѣзя оставить безъ вниманія одной сердопчковой чаши въ собраніи антиковъ Графа С. Г. Строганова; она получена изъ Рязанской губерніи, гдѣ, еще 1822 года, въ старой Рязани найдены древнія Княжескія утвари, теперь хранящіяся въ Оружейной Палатѣ и стилемъ своимъ сходныя съ означенною чашей (9). Можетъ статься, и она принадлежала къ числу этихъ утварей.

Сосудъ этотъ изъ цѣльнаго сердопка, оправленъ въ золото; его золотый поддонъ, украшенный сканью и венисами въ гнѣздахъ, или оправахъ, походитъ фигурою своею на Мономахову шапку. На *пузѣ* (корпусѣ) его наведены посредствомъ инкрустаціи золотыя полосы, одиѣ пересѣкаемыя другими; по мѣстамъ насажены рубиновыя искорки въ золотыхъ рѣпьяхъ. Подъ вѣнчикомъ наведены золотомъ слѣдующія слова, дающія поводъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ: ✠ В В П А К Θ Т Ξ Η.

Основываясь на предположеніи Графа Строганова, подтвержденномъ г-мъ Газе, предлагаемъ объясненіе сихъ монограммъ:

В. В. Βασιλεὺς βασιλέων, Царь Царей. Это титуло Византійскихъ Императоровъ часто встрѣчается на легендахъ, такъ какъ *Π Α πορφυρογέννητος Δεσπότης*, Порфирородный Владыка.

Κ. Θ. Κωνσταντίνος Θεοφίλου, или *Θέκλα*.

Этотъ Константинъ, по мнѣнію однихъ, былъ сынъ, а по другимъ, внукъ Теофила иконоборца и Теодоры, поборницы иконопоклоненія. На монетахъ 856 года онъ изображается вмѣстѣ съ Михаиломъ III, который, по свидѣтельству Льва Грамматика, имѣлъ его отъ Евдокіи Пафлагонянки. Въ числѣ Византійскихъ монетъ одна представляетъ Михаила и Константина на обратной сторонѣ, а Теофила на лицевой, тогда когда уже сего послѣдняго не было въ живыхъ. И такъ, ежели Θ читать *Θεοφίλου*: то выйдетъ, что Константинъ былъ Теофиловъ сынъ или внукъ (*ἑγγόνος, ἀπόγονος* или *υἱός*), или въ буквальномъ переводѣ: боголюбезный и благочестивый—титуло Государей. Но какъ у Теофила была дочь Текла, которая, и по заключеніи ея матери св. Теодоры и сестрѣ въ монастырь, признана была Августою и участвовала

(9) Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи К. Калайдовича. М. 1823. въ 8.

въ правленіи: то могло статься, что Θ начальная буква означала ея имя. Смутная эпоха этого правленія продолжалась отъ 859 до 866 года (10) т. е. до начала царствованія Василя I Македонянина, современника нашему Варяго-Руссу Рюрику. (11) Потомъ, ежели принять, согласно съ мнѣніемъ Графа Строганова, остальные три буквы (съ черточкой вверху) надписи $T\Xi H$ за цифры 368: то, подразумѣвая 6000, выйдетъ, что утварь сія относится къ 860 году, когда жили Θεодора, Константинъ и Θεκλα.

Соображая всѣ сіи обстоятельства, приходишь къ догадкѣ, не есть ли этотъ сердоликовый сосудъ та самая сердоликовая Августова крабѣя, или сердоличная коробка, о коей упоминають наши лѣтописи и грамоты.

(10) Essai de classification des suites monétaires Byzantines, par F. de Sauley. Metz. 1836, in-8.

(11) Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, von P. Krug, S. P. 1810, in-8.

НОВГОРОДСКАЯ БРАТИНА.

(Рисункъ Огд. I. № 44, 45.)

Братиной названъ въ надписи на эстампѣ, у Кенпена кратиромъ (*κρατήρ*) (1) этотъ серебряный вызолоченный сосудъ съ двумя ручками, болѣе похожій на стопу, или достоканъ, какіе употреблялись для почерпанія Богоявленской воды; (2) потому что братина собственно была круглый, кубовастый сосудъ, сходный съ горшкомъ. Иногда принимался онъ за извѣстную мѣру жидкихъ тѣлъ, (которая была менѣе стопы), ставился на монастырскихъ и святительскихъ трапезахъ, служилъ тамъ чашей. Общія, братскія, круговыя чаши, подъ именемъ *богородичныхъ*, или *Пречистыя, трапезныхъ, тропарныхъ, задравныхъ* и т. д. предлагались присутствовавшимъ по очередно и переходили изъ рукъ въ руки. Чаша Пречистыя съ виномъ или медомъ подаваема была на царскихъ, святительскихъ и монастырскихъ столахъ въ честь и славу Пречистыя Богородицы, преимущественно въ праздники Богородичныя; *тропарною* она именовалась отъ пѣнія тропарей въ продолженіи сего дѣйствія. Св. Θεοδосій Печерскій позволялъ въ монастырѣ своемъ три чаши тропарныя, одну во славу І. Христа, другую въ честь Пречистыя Богородицы, а третью за здравіе Князя. Последнюю Византійскіе историки называютъ *Σδράβιτζα, здравицею, задравною чашею*. (3) За Царскими столами, въ Москвѣ,

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М. 1822, въ 8.

(2) Въ Уставѣ Москов. Патр.; « Въ навечеріи Богоявленія изъ кратира самъ Патріархъ трижды причастился воды и Государю подавалъ. » *Древн. Росс. Визіов.* VI, 159.

(3) *Scyphus mero plenus. Manuel. Matal. in Chron.* M. S. p. 629.

Патріархъ, при чтеніи капонарха, дѣйствовалъ надъ чашею Пречистыя. (4) И такъ Новгородскій кратиръ, вѣроятно, служилъ такою чашею или употребляемъ былъ для почерпанія св. воды.

Литохромированный здѣсь кратиръ, въ половину натуральной величины, замѣчательнъ по искусству, особенной замысловатости и красноте оброчной работы. Въ первомъ мѣстѣ, на вѣнничихъ разграненыхъ стѣнкахъ, представляются изображенія І. Христа, одною рукою благословляющаго, а въ другой держащаго Евангеліе, потомъ Богоматери съ простертыми въ моленіи дланями, далѣе св. агносъ Петръ съ жезломъ и свиткомъ въ рукѣ, и агносъ Варкара и агносъ Настасія съ крестами въ рукахъ. Величина фигуръ не превышаетъ шесть головъ. Вокругъ ихъ размѣщены чеканные узоры въ Византійскомъ вкусѣ, состоящіе изъ птицъ и переплетенныхъ между собою листьевъ и цвѣтовъ. Верхъ поддона обнимаетъ бафть изъ чеканныхъ костей. По ободку, или вѣнчику простирается надпись, которую мы предлагаемъ по снимку г. Солнцева: *пїите изъ нея всї, се їсть кръкъ моѣ новго заїта*; потомъ на поддонѣ: *✠ изъ сѣбѣ Петрова*.

Судя по первой надписи, сосудъ этотъ долженъ быть служебнымъ потиромъ (*ποτήριον ἁγιον, μυστικόν*); но самая его форма и названіе показываютъ другое его назначеніе въ священнодѣйствіи, именно то, какое имѣли кратиры. Вѣроятно, малограмотный художникъ снялъ надпись съ какого нибудь древняго потира, на копѣхъ обыкновенно она изображается; но не забылъ начертать свое имя на днѣ сосуда въ слѣдующей употребительной формулѣ: *Гѣ помози рабѣ своему Константїнѣ. Косма дѣлаа. аминь*.

Чтожъ касается до вкладчика Петрова, то намъ не извѣстно его историческое значеніе: о сомненномъ же и современномъ ему гостѣ Петровѣ упоминаетъ Нижегородская лѣтопись, въ XV вѣкѣ, что «не было больше «его изъ гостей, что онъ своею казною откупилъ множество плѣнныхъ, «пріобрѣлъ себѣ покупкою вотчины у В. Князя за Кудмою рѣкою, на «рѣчкѣ на Сундованѣ шесть селъ; потомъ переселился въ Москву.» (5) Одно ли это лице, или разныя, рѣшить не можемъ. Изображенные на кратирѣ Святые, безъ сомнѣнія, имѣютъ отношеніе къ семейству соорудителя

(4) Древняя Росс. Визлѣонка, XI, 183 и 85.

(5) Карамз. II. Г. Р. V, стр. 45.

сей утвари; потому что вкладчики не рѣдко на утваряхъ церковныхъ и иконахъ изображали лики тезоименитыхъ себѣ Святыхъ. Хотя въ соборной описи и сказано, что кратиръ сдѣланъ тщаніемъ Архіепископа Евфимія; но неизвѣстно, котораго: Евфимія ли, по прозванію *брадатаго*, съ 1423 по 1429 г. или Евфимія *святаго*, съ 1429 по 1458 годъ; самая на сосудѣ надпись ничего объ этомъ не говоритъ. Другой подобный сему кратиръ пожертвованъ Петриловымъ и женою его Варварою, а дѣланъ Оѣроломъ Бра-тпловымъ, какъ значится въ самой надписи. И такъ два еще доселѣ неизвѣстныя имени Константина и Флора должны быть внесены въ списокъ Русскихъ художниковъ, гдѣ занимаютъ почетное мѣсто Козьма, Парамша, Шинка, Макаръ и проч.

Письмена на обоихъ сосудахъ сходны между собою, но на послѣднемъ нѣтъ уже буквы ІЕ, встрѣчающейся на первомъ; вмѣсто буквы О и Е, употребленъ Ъ.

НОВГОРОДСКАЯ ЛАМПАДА.

(Рисунок Омд. I. № 46, 47.)

Такъ называемая *лампада Великаго Князя Владимира*, или *свѣчка Великаго Новгорода* хранится въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго собора; въ описи его сказано: «лампада большая, мѣдная, Греческая, сквозная, на верхнемъ обручѣ и вокругъ образа рѣзные Херсонскіе.» Объ ней мимоходомъ упоминаютъ Кенпешъ въ спискѣ Русскихъ Памятниковъ и Аделунгъ въ сочиненіи о Корсунскихъ вратахъ.

Внѣшность ея заслуживаетъ вниманіе по художническимъ орнаментамъ и лицамъ историческимъ.

Обручи или ободы съ поддонами двухъ ярусовъ этого панцидила украшены искусною сквозною рѣзбой, которая изображаетъ, между лиліями и узорами, Деисуса съ предстоящими ему двумя Архангелами, Апостолами Петромъ и Павломъ, и другими Святыми; въ числѣ ихъ находятся св. Петръ (Петра), св. Василій, два Саввы и Сергій, какъ можно видѣть изъ Славянскихъ надписей у Святыхъ на хартіяхъ, разобранныхъ Г. Солнцевымъ. На верхнемъ и нижнемъ обручахъ вычеканены, въ коймахъ, крылатые центавры съ такими жъ скипетрами и державами, какіе у Архангеловъ; на поддонахъ шестокрылые Херувимы и также центавры.

Подобное смѣшеніе предметовъ христіанскихъ съ языческими, какъ прежде замѣтили мы, допускалось на многихъ памятникахъ не только за-

падной, но и восточной Церкви. Чтожъ касается до стила сего панкадила, то онъ ближе къ готическому и ломбардскому, хотя и слыветъ, подобно другимъ древнимъ памятникамъ искусства въ Россіи, *Корсуискимъ*; можетъ быть, это панкадило сдѣлано подъ вліяніемъ Ганзейскихъ художниковъ.

Кромѣ церковной описи 1804 года, въ письменныхъ памятникахъ не находится свидѣтельствъ, а самая лампада не представляетъ достовѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно бы отнести ее ко времени св. Владимира. По недостатку данныхъ, обратимся къ именамъ Святыхъ, здѣсь изображенныхъ, которыя не рѣдко способствуютъ къ приблизительному опредѣленію вѣка и значенія художественныхъ памятниковъ. Между ними замѣтили мы св. Петра въ святительскомъ облаченіи, а Сергія въ одеждѣ преподобнической. Если первый не Епископъ Севастійскій, братъ св. Василия Великаго и Григорія Нисскаго, если не одинъ изъ Епископовъ Никійскихъ, или Александрійскихъ III вѣка, то долженъ быть св. Петръ Митрополитъ Всероссійскій, прославленный отечественною Церковію въ XIV вѣкѣ. Въ мѣсяцословѣ также не одинъ Преподобный Сергій; ибо Марта 20 празднуется память Преподобнаго Сергія, убіеннаго въ обители св. Саввы отъ Сарацынъ въ VIII вѣкѣ; Іюня 28 Препод. Сергія Валаамскаго XV вѣка; Іюля 5 Препод. Сергія Радонежскаго, котораго св. мощи открыты въ 1427 году. Принявъ святителя за Севастійскаго или Никійскаго Епископа мы поставимъ преданіе на нѣкоторую степень вѣроятности; признавъ же за Преподоб. Сергія одного изъ двухъ послѣднихъ, изображенныхъ на лампадѣ, находимъ преданіе не основательнымъ и должны отнести этотъ памятникъ не ко времени св. Владимира, но къ началу или половинѣ XV вѣка. Тогда уже Великій Новгородъ чествовалъ новоявленныхъ Святыхъ отечественной Церквію, Петра Митрополита и Преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Валаамскаго; въ 1414 году во имя перваго сооружена была каменная церковь на вратахъ у святой Софіи. (1)

Самое же названіе Софійской лампы *свѣчкою Великаго Новгорода* даетъ поводъ предполагать, что она была обѣтнымъ его приношеніемъ дому святой Софіи въ память какого либо важнаго событія. Священнымъ же именемъ Владимира преданіе запечатлѣло какъ этотъ, такъ и другіе памятники храмоваго художества, въ знакъ народнаго благоговѣнія къ Равноапо-

(1) Новгородская III лѣтопись.

стольному Князю. Могло случиться, что лампадѣ присвоено названіе Владимировой потому, что она посвящена была Новгородомъ гробу св. благовѣрнаго Князя Владимира Ярославича, въ Софійскомъ соборѣ; ибо самыя граматы, лѣтописи и преданія не рѣдко смѣшиваютъ имена сего Владимира и Владимира Мономаха съ равноапостольнымъ Владимиромъ.

ЖЕЛѢЗНОЕ НОВГОРОДСКОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Огд. I. № 48.)

Когда, по прибытіи въ Новгородъ Архіепископа Пимена, въ 1558 году, открыты были св. мощи Епископа Новгородскаго Никиты, которыя скрывала могила 450 лѣтъ: тогда Новгородцы, благоговѣйные къ его памяти, устроили къ гробу его желѣзную лампаду, или такъ названную свѣчу. По формѣ своей и знаменованію тверди, она сходствуетъ съ древними хоросами, (согопæ, circuli), (2) какіе употреблялись въ церквахъ и вѣшаемы были предъ св. иконами и мощами; также называется *кандиломъ* (κανδῆλα, candelæ, candelabrum), а отъ многихъ свѣчъ — *поликандиломъ*, или *паникадиломъ*, которое вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 12 свѣчъ, и тѣмъ разнится отъ перваго. Въ круговой прорѣзной надписи на ней изображено узловатыми вызолоченными словами: Свѣча Великаго Новгорода всѣхъ православныхъ хрестіанъ поставлена покомѣ чюдотворцѣ Никитѣ а лѣто 7335 іюль а день, при іеріеіскопѣ Пименѣ.

(1) Новгородскія Губерн. Вѣдомости, 1848, N 9.

(2) Григоровича Барскаго путешествіе ко св. мѣстамъ, стр. 521.

СЕРЕБРЯНАЯ ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Исценокъ Огд. I. № 49, 50, 51, 52.)

О значеніи дарохранильницъ, или правильнѣе сказать, Сіоновъ и Іерусалимовъ, упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ о подобныхъ утваряхъ въ соборныхъ церквахъ Новгорода и Москвы. Чтожъ касается до древности этого Новгородскаго Сіона, то, кромѣ стѣли чеканной и рѣзной работы, ни надписи, ни мѣстныхъ описи, ни преданія ничего о немъ не сообщаютъ. На кровлѣ его вычеканены поясныя изображенія Денсуса: т. е. Спасителя, съ девятью чинами, въ вѣнцѣ, одною рукою благословляющаго двуперстнымъ сложеніемъ, а въ другой держащаго Евангеліе; Богоматери и Предтечи въ моленіи; Архангеловъ Михаила и Гавріила съ жезлами въ рукѣхъ и „о агіѡвъ Іамні“, (Василія) въ фелоніи и омофорѣ. Если это дѣйствительно св. Василіи Великій: то онъ помѣщенъ здѣсь, какъ составитель Литургіи, или какъ тезоименный св. Василию Архіепископу Новгородскому, который устроилъ въ Софійскомъ соборѣ мѣдныя, вызолоченныя двери и въ 1338 г. велѣлъ Гречину Исаакію росписать каменную церковь Входъ во Іерусалимъ. На корпусѣ этого Іерусалима вычеканены во весь ростъ св. Евангелисты Лука, Іоаннъ, Матѣй и Марко въ одинакихъ одеждахъ, съ Евангеліями въ рукахъ, а другіе семь Апостоловъ съ свитками, только Петръ съ тремя ключами въ одной рукѣ, а въ другой съ жезломъ, который увѣчанъ крестомъ, утвержденнымъ на полумѣсяцѣ. Очевидно, что художникъ въ изображеніи лицъ подражалъ Византійскимъ образцамъ; самыя надписи, начертанныя от-

вѣсно, состоятъ изъ смѣси греческихъ буквъ съ славянскими, напр. о Агнос Петрос о Агнос Павлъ, *Ιω προδρο* т. е. *Ιωάννης προδρομος*, Іоаннъ Предтеча. При нѣкоторыхъ поставлены въ концѣ четыре точки, крестообразно расположенныя, и змѣевидная фигура. Столбики, или правильнѣе, полуколонки, служащія опорами полукруглымъ теремкамъ, такъ равно и другія вычурныя украшенія носятъ на себѣ печать Византійскаго стиля и сходствуютъ съ подобными памятниками XV и XVI вѣковъ. Четверокопечный крестъ, осѣняющій верхъ этого Сіона, имѣетъ на концахъ репы и шесть яблокъ; онъ утверждается на стоянцѣ, или подсвѣчникѣ съ Херувимами.

ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА.

(Рисунок Огд. I. № 53.)

Дарохранительница сія серебряная, вызолоченная, формою своею сходствуетъ съ подобною утварью, описанною подъ N 49; но разнится тѣмъ, что на верху ея, образа замѣняются репейками изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ. Между столбиками нѣтъ перегородокъ и дверцы, какія находятся на первой. На псподней части купола вырѣзанъ четвероконечный крестъ съ изображеніемъ Спасителя на средокрестіи; на концахъ его четыре репейка; на полѣ означенъ вѣсъ: 15 *гривенокъ*. Хотя утварь сія, находящаяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, попорчена и мѣстами передѣлана; но еще сохраняетъ типъ своей древности, по видимому, восходящей до XV столѣтія.

ПАНАГІЯ АРТОСНАЯ.

(Рисункъ Омд. I. № 54, 55, 56, 57, 58.)

Утварь сія названа въ надписи на рисункѣ и въ соборной описи, какъ увидимъ, *артосною*. Артосъ (*ἄρτος*, квасной хлѣбъ), особливою молитвой освященный въ день св. Пасхи, раздается народу въ субботу на свѣтлой седмицѣ; (1) по хлѣбъ, влагаемый въ панагію, есть богородичный. Чтожъ касается до *Панагіи*, *παναγία*, или всесвятой, пресвятой, т. е. Богородицы, то подъ ея названіемъ разумѣется не только троеугольная частица благословеннаго хлѣба, посвященная имени Пречистыя и Пресвятыя Богородицы, но и складный раковиннообразный ковчежець, вмѣщавшій въ себѣ сію частицу (*παναγίαριον*, *sirogium*), какой здѣсь изображенъ. За столомъ она возносилась съ молитвословіемъ и, по раздробленіи ея, вкушаема была присутствовавшими. Для такого дѣйствія въ Уставѣ церковномъ положенъ особенный чинъ, (2) донинѣ исполняемый въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и пустыняхъ. При Византійскомъ дворѣ, какъ свидѣтельствуемъ намъ Кодиць, этотъ обрядъ былъ торжественнѣйшій. « По снятіи кушанья со стола, » говоритъ онъ, « когда Доместикъ приноситъ хлѣбъ въ панагіарѣ (на блюдѣ, покрытомъ « пеленою, съ изображеніемъ Пресвят. Богородицы), тогда Императоръ

(1) см. Послѣдованіе Артоса въ Пентикостаріи въ Тріодѣ цвѣтной, л. 15 и 16.

(2) Чинъ возношенія Панагіи въ Слѣдованной Псалтыри.

« встаетъ ; потомъ первѣйшій изъ сидящихъ за столомъ, принявъ панагі-
 « аръ, ставитъ его на трапезу, и возвысивъ хлѣбъ, подаетъ его чрезъ До-
 « местика Императору. Какъ только Императоръ приложитъ къ устамъ
 « этотъ хлѣбъ, всѣ возглашаютъ ему *многая лѣта.* » (3) Подражаніе этому
 обряду встрѣчаемъ и при Россійскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи. Такъ
 на родильные Царскіе столы несли предъ Патріархомъ панагіаръ, на ко-
 емъ онъ возносилъ богородичный хлѣбъ по уставу. (4) Хлѣбъ сей возвы-
 шаемъ былъ не только за трапезою, какъ значится изъ толкованія Симеона
 Солунскаго, но и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, если кто « хо-
 « четъ отъйти на службу, или въ путь шествовати, или по водамъ плавати,
 « во всѣхъ нашихъ требахъ, и обстояніяхъ помощнику тую и хранитель-
 « ницу сущую твердѣйшую призываемъ и множайшую получаемъ отъ воз-
 « ношенія хлѣба сего помощь. » (5) О значеніи, данномъ въ послѣдствіи
 панагій, какъ высокому отличію Духовенства, сказано въ своемъ мѣстѣ. (6)
 Панагія же, вмѣщавшая богородичный хлѣбъ, для различія отъ паперсной,
 именовалась *столовою, трапезною, иногда артосною, ἀρτοφορίον*, принимая
 Артосъ въ общемъ его знаменованіи. Изображенная здѣсь на рисун-
 кѣ въ церковной описи Новгородскаго Софійскаго собора 1804 года
 такъ обозначена : « Подъ N 875 панагія артосная, серебряная, золоченая,
 « внутри вырѣзана Тронца съ Воплощеніемъ, на верху крышки въ кругѣ
 « Вознесеніе волящатое, т. е. литое. По краямъ скань золочена, а подъ
 « панагіею четыре Ангела литые, золоченые, поддонъ на литыхъ львахъ
 « поддѣланъ мѣдью, мѣстами поломано ; вѣсу въ ней съ мѣдью одиннад-
 « цать фунтовъ. » Воплощеніемъ въ описи названъ образъ Богоматери съ
 предвѣчнымъ Младенцемъ, обыкновенно пменуемый Знаменіемъ Пресвятыя
 Богородицы ; вокругъ ея по краямъ вырѣзанъ прмось : *Честнѣйшю херс-*
внмъ и славнѣйшю во істиннѣ серднмъ, безъ істлѣннѣ Бога слова рожд-
шю, свѣдѣю Бѣѣ тѣ величлемъ. Складной ковчегъ влагается сверху въ сто-
 янецъ, поддерживаемый съ четырехъ сторонъ четырьмя литыми Ангелами;
 они поспраютъ львовъ, которые, одинъ у другаго держа въ зубахъ хвостъ,
 такимъ образомъ соединяются. Изъ этой купы фигуръ слагается цѣлое—сто-

(3) *Codinus de officiis Curiae et Ecclesiae Constantinop.* VII, 23.

(4) см. ниже о панагіяхъ Патріаршихъ.

(5) Древняя Росс. Визлѣонка, XI, 185 и 87

(6) Новая Скрижаль. изд. 4, М. 1816, въ 4.

янецъ для панагіи. Круглый поддонъ по верхнему ободку увѣнчанъ фризомъ изъ цвѣтовъ.

О времени и мѣстѣ сооруженія этой панагіи, равно и о соорудителѣ свидѣтельствуемъ намъ самая на ней надпись :

✠ Въ лѣто 5 ное. дѣ. сотное. мѣ дѣ (7) индикта дѣ мѣа семѣрѣа дѣ днѣ на кѣкженье чѣнаго крѣта створена бысть панагіа сн. повелѣнѣемъ пресѣцнго Архїеппа великогѣ Новгорода бл҃жнѣ Боудимна при великоу кнѣзѣ Васильѣ Васильевичѣ всеа Россїи. при кнѣзѣ Юрьѣ Лугвѣнѣвичѣ. при поладникѣ великогѣ Новгорода Борисѣ Юрьевичѣ. при тысяцкоу Дмїтрѣ Васильевичѣ. ѿ мастери Іванѣ Архїпѣ.

Здѣсь намъ представляются власти духовная и гражданская великаго Новгорода: Великій Князь, Новгородскій Князь, Посадникъ, Тысяцкой и, сверхъ того, самый мастеръ.

Не касаясь В. К. Василя Темнаго, довольно извѣстнаго изъ отечественной Исторїи, скажемъ о прочихъ лицахъ, по ближайшему ихъ отношенію къ Исторїи Великаго Новгорода и къ одному изъ памятниковъ его художества.

Литовскій Князь Юрій Семеновичъ, Лугвѣнѣвичъ, или Лугвѣнѣвъ съ женою своею переѣхалъ въ Новгородъ 1433 года. Пробывъ тамъ около семи лѣтъ, онъ отправился въ Литву, гдѣ Великій Князь Казимиръ Ягайловичъ далъ ему свою отчину : Мстиславль, Крачевъ и другія волости. « Онъ же « возгордѣсь, засяде Смоленскъ и Полотескъ и Витепскъ, и бѣше ему не « полезно, и людемъ мятежъ велии и брань; » по сему онъ того же лѣта удалился въ Москву. (8)

Въ Исторїи Новгорода Евфимій II достопамятенъ не только архипастырскими подвигами, но и сооруженіемъ многихъ каменныхъ церквей и палатъ, поставленіемъ звонящихъ часовъ. По свидѣтельству I Софїйскаго лѣтописца, « онъ устрои сосуды церковныя служебныя и иные сосуды на потребу « церквей. » Къ этому числу отнести можно и описываемую нами панагію, которая показываетъ, на какой степени стояло художество въ добровольномъ Новгородѣ подъ вліяніемъ Ганзейскихъ мастеровъ. Этотъ Архїепископъ, причтенный къ лику Святыхъ, правилъ Епархіею Новгородскою съ 1429 по 1458 годъ.

(7) (6944 — 1436)

(8) *Татищева* Истор. Росс. Спб. 1784, IV, 540, 540 и 41.

Новгородскій Посадникъ Борисъ Юрьевичъ встрѣчается и въ Новгородскомъ лѣтописцѣ. (9) Имя его на панагіи служитъ къ опредѣленію времени, когда онъ занималъ эту должность.

Дмитрій Васильевичъ, какъ Тысяцкой, т. е. военачальникъ въ городѣ, занималъ второе мѣсто послѣ Посадника, какъ Намѣстника.

Наконецъ мастеръ Иванъ Арипъ, дотолѣ нигдѣ не попадавшійся намъ въ письменныхъ памятникахъ, долженъ быть иностранецъ, одинъ изъ Ганзейскихъ мастеровъ. У Дюканжа въ Словарѣ среднелатин. *Agripus* значитъ сабля. Но имя это встрѣчается намъ и въ половинѣ XVIII столѣтія. Такъ называемая Запорожская Библия въ 1743 году обдѣлана и украшена золотыхъ дѣлъ мастеромъ Арипомъ. Если онъ былъ потомокъ Новгородскаго «Арипа, жившаго предъ нимъ за три вѣка, какъ замѣчаетъ Академикъ Кенпъ, то можетъ статься, что, въ продолженіе всего этого времени, мастерство переходило отъ отца къ сыну и тогда у насъ встрѣчаемъ мы нѣкоторымъ образомъ тоже, что иностранцы называютъ *Künstlerfamilien*.» Какъ I Новгородская лѣтопись упоминаетъ о Нѣмецкихъ и Новгородскихъ мастерахъ, которые приводили въ исполненіе благочестивыя желанія Владыки Новгородскаго: то къ числу первыхъ принадлежалъ и Арипъ, современникъ Олора Братилова и Константина, золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

(9) Списокъ Русскимъ памятникамъ. М., 1822, въ 8.

**СТАРШННІЯ ЛАМПАДЫ,
КАЛИТА И ТРУБА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.**

(Рисункъ Олд. I. № 59.)

Первыя хранятся въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ уѣзднаго города Александрова, а остальные въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова.

Лампады сѣи изъ мѣди и серебра, разной формы, какъ значится на рисункѣ; кромѣ стили и преданія, ничто не опредѣляетъ ихъ древности.

Калита, давшая прозваніе Великому Князю Московскому Іоанну I, есть слово татарское, значущее суму, кошелекъ на поясѣ; оно встрѣчается въ духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей. (1) Калита Іоанна IV устроена изъ красной камки съ серебряными вызолоченными бляшками. Сходный съ нею кошелекъ находится въ собраніи древностей у П. О. Карабанова. По видимому, набожный Царь оставилъ эту калиту на память въ любимой имъ Псково-Печерской обители, которой не могъ взять Стефанъ Баторій и которая многократно и доблественно выдерживала сильные нападенія и осады Лифляндскихъ рыцарей. (2)

Мѣдная вызолоченная труба, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ трофеевъ войны Русскихъ съ Лифляндцами и Поляками. На краяхъ ея вырѣзана слѣд. надпись: HANNS HUPSCMAN NURMKEK. 16. V. T. 45.

(1) см. Собраніе Государств. грамотъ, I, N 34 «поясъ золотъ съ калитою.»

(2) Історія Княжества Псковскаго, соч. М. Евгенія. ч. I, Кіевъ, 1831, въ 12.

С І О Н Ы.

(Рисунокъ Оуд. I. № 60.)

Сіонами, или церковными Іерусалимами назывались ковчегъ, имѣющіе подобіе церкви. Происхожденіе и подлинное ихъ значеніе въ богослуженіи намъ мало извѣстно. Въ лѣтописи читаемъ, что въ 1160 году Суздальскій Князь Андрей Боголюбскій во Владимирскій соборъ устроилъ церковный златый Іерусалимъ, украшенный драгоценными камнями. (1) Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владимира и Москвы такіе Іерусалимы выносимы были во время Архіерейскаго служенія, на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ, вмѣсто митры, (2) также въ крестныхъ ходахъ, и ставились на престолѣ въ алтарѣ. (3) Наконецъ въ древнихъ требникахъ Римско-Католической Церкви, между прочими утварями упоминается Сіонъ (Sion, Sium), который носилъ Епископъ, вмѣсто знамени. (4) Въ пѣснопѣніяхъ Восточной православной Церкви Сіонъ иногда принимается въ смыслѣ Іерусалимской Церкви, какъ напр. въ стихирахъ 8 гласа: « Радуйся, Сіоне святыи. » По сему такой ковчегъ называется въ старыхъ описяхъ то *Сіономъ*, то *Іерусалимомъ*. Самая Церковь

(1) Карамз. II. Г. Р. III, пр. 27.

(2) Описаніе Новгород. Соф. собора въ *Новгор. Губ. Вѣдом.* 1848, N. 9.

(3) Древн. Росс. Визліонка. т. X, 169.

(4) *Ducangii Glossarium med. et inf. Latinitatis*, v. *Sion*.

Христова въ книгахъ Новаго Завѣта именуется *вышнимъ и новымъ Іерусалимомъ*, а подъ названіемъ горы Сіонъ разумѣется Церковь торжествующая. По сказанію г. Муравьева, Соборнымъ храмамъ Успенія Богоматери въ Грузіи дается названіе *Сіоновъ* потому, что Владычица міра представилась на горѣ Сіонѣ (5). (6) Два Сіона, хранящіеся въ ризницѣ Московскаго Успенскаго Собора, вышностію своей представляютъ модель церквей круглыхъ и квадратныхъ, одноглавыхъ и пятиглавыхъ, какія сооружались тогда въ Россіи согласно съ Византіійскими первообразами.

Утвари сіи серебряныя, вызолоченыя, съ чернью. Названная въ описи 1616 года, *большимъ Сіономъ*, вышиною 1 арш. и $3\frac{1}{2}$ вершка, шириною 11 вершковъ, вѣсомъ 1 пудъ 11 ф. и 7 зол.; она имѣетъ видъ круглой пятиглавой церкви, обставленной вычеканенными рельефно изображеніями XII Апостоловъ съ надписаніемъ ихъ именъ; та половинка между столбками, на коей изображенъ св. Апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукѣ, служитъ дверцою во внутренность, гдѣ только желѣзный стержень по срединѣ утверждается вверху на желѣзныхъ связяхъ. Верхъ этого храма состоитъ изъ тройныхъ теремовъ, выступающихъ одинъ изъ другихъ и, какъ подобіе Голгофы, служащихъ подножіемъ шейкѣ съ главою; которая увѣнчана четвероконечнымъ крестомъ. На теремкахъ, или закомарахъ вычеканены четыре Пророка, окруженные крылатыми звѣрями; рѣшетки въ окнахъ шейки или трибуна состоятъ изъ свившихся змѣй. На чешуйчатой главѣ наведены чернью личинки людей, птицъ, звѣрей. Двухъ малыхъ главъ недостаетъ въ соотвѣтственность двумъ другимъ.

О времени и мѣстѣ устроенія этой утвари свидѣтельствуемъ намъ слѣдующая надпись, начертанная на обратной сторонѣ дверцы: *кѣто ѡснѣдъ сѣбѣмъ бысть си Іѣрусалимъ повелѣніемъ благовернаго ꙗ Христомлюбного великаго Кнѣзя Івана Васильевича Господаря всея Руси въ кѣ лѣто господства. въ церковь Успеніѣ Пречистыѣ ꙗ ко гробѣ Чюдотворца Петра на Москѣ.*

Къ желѣзному поддону этого ковчега придѣланы ручки для ношенія.

Другой Іерусалимъ, по описи *малый Сіонъ*, изображаетъ подобіе одноглавой квадратной церкви, вышиною 12 вершковъ, а шириною 5 верш-

(5) Грузія и Армения, ч. I, 50. Спб. 1848, въ 12.

(6) Галат. Посл. IV, 26. Апокалипс. XXI, 2 и 3.

ковъ ; въсѣ въ немъ 11 ф. 67 зол. Четыре стороны этой церкви украшены чеканными ликами І. Христа съ Богородицею и Предтечею, четырехъ Евангелистовъ и Апостоловъ Петра, Павла, Іакова, Сімона и Андрея, по большей части, съ книгами въ рукахъ, какъ знаменіями ихъ посланія.

Верхъ храма состоитъ изъ тройныхъ теремовъ, въ коняхъ вычеканены поясныя изображенія 36 Ангеловъ. Надъ теремками еще видны четыре головы съ вѣнцами, вѣроятно, Евангелистовъ. На шейкѣ съ рѣшетчатыми окнами возвышается чешуйчатая глава, осѣненная осмиконечнымъ крестомъ. Дверицы во внутренность этого Сіона нѣтъ. Надъ карнизомъ идетъ слѣдующая надпись : к ѿто ꙗзѣца сѣѣлаи кыста си ерѣсалии поклѣнїемъ благоувернаго ꙗ Христолюбиваго великаго Кнѣзя Івана Васильевича Государя всеа Руси к ѣ ѿто господарства его. к црковь Успенїа Прѣчтыа и ко гробѣ чюдотворца Петра на Москвѣ.

Сооруженіе сихъ Іерусалимовъ относится къ 1486 году, ознаменованному покореніемъ Тверскаго Княжества Московскому Государству и возвращеніемъ Всероссийскаго Митрополита Геронтія на свой престолъ. Судя по стилю памятника и надписямъ это дѣло Московское.

КОВЧЕГЪ СЕРЕБРЯНЫЙ
ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

(Рисункъ Огд. I. № 61.)

Дарохранительница сія, или ковчегъ замѣчательнъ не столько вычурностію и затѣйливостію работы, драгоцѣнностію украшеній, какою отличаются древнія утвари, сколько простотою стіля и знаменитостію вѣнценоснаго вкладника, если только можно заключить объ этомъ изъ словъ самой надписи: « Она свѣтила свѣтъ соудѣла на въ Архангельскій соборъ, что в царствѣ царемъ великимъ градѣ, при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра. » Хотя свѣтъ эта имѣетъ видъ гробницы съ крышкою; однако она, подобно церкви, увѣнчана тремя главами. На лицевой сторонѣ вырѣзана Тайная Вечеря, надъ коею читаемъ: Вечеръ Твоемъ Тайнымъ, а на обратной Херувимъ.

СТАРИННАЯ ЛАДАНИЦА.

(Рисунокъ Отд. I. № 62, 63.)

Мѣдное ладанохранилище сіе, подобно другимъ ладанницамъ и св. утварямъ, представляетъ пятиглавую церковь, увѣнчанную осмиконечными крестами; на одномъ изъ нихъ литое распятіе. На нижней ея части, въ узорочной каймѣ изображены левки; съ двухъ сторонъ карнизъ замѣненъ слѣдующею надписью, снятою нами съ рисунка г. Солнцева: Превращенїа Гда Бга ѿ Спаса нашего Іиса Хрста въ Старицкой соборъ въ монастырь Інокъ Августъ Іоаннова монастыря. Въ соборномъ служеніи такая ладанница, подобно Сіонамъ, или Іерусалимамъ, выносива была на маломъ и великомъ выходахъ.

ЛАДАНИЩА.

(Рисункъ Огд. I. № 64, 65.)

Принадлежностью къ кадилу была изображенная здѣсь ладанища (argula thuraria), которую носилъ діаконъ и архидіаконъ на маломъ и великомъ выходѣ, какъ видно на старинныхъ образахъ. Св. Архидіаконы Стефанъ, Лаврентій и Евплъ иногда изображаются на алтарныхъ дверяхъ церкви, съ ладанищею въ лѣвой рукѣ и съ кадиломъ въ правой, какъ знаменіями своего служенія.

Представленная здѣсь на эстампѣ серебряная ладанища имѣетъ подобіе шатроваго храма, утвержденнаго на подножіи; внѣшнія ея стѣнки украшены изображеніями разныхъ Святыхъ съ ихъ утварями. Узорочность орнаментовъ и отдѣлка обнаруживаютъ замысловатость и ловкость художника, а стиль вообще сего памятника свидѣтельствуетъ о древности его. На краю вырѣзано: *Ἰ ἱερὸν ἱερέων*. Сходная съ нею ладанища XVII вѣка въ Новоспасскомъ монастырѣ содержатъ въ себѣ два помѣщенія, одно для ладана, другое для темьяна, или опмiana, который въ чинѣ освященія церкви также называется *воскомастиккою* отъ соединенія воска съ мастикою и ладаномъ. (1)

(1) см. Акты Археограф. Экспедиціи, III, 191.

ЗОЛОТОЙ ПОТИРЪ
ЦАРЯ ФЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Рисункъ Оуд. I. № 66.)

Потиръ этотъ, вышиною 8 вершковъ $\frac{5}{4}$, съ дискосомъ, лжицею и копи-емъ, изъ чистаго золота, украшенъ крупными изумрудами и яхонтами; на чашѣ, кромѣ надписанія словъ Спасителя у *Матѳ.* XXVI, 27, *Марка* XIV, 23 и *Луки* XXII, 20, наведены финифтью поясныя изображенія Деисуса, замѣчательныя искусствомъ работы, такъ какъ и въ шести клеймахъ на поддонѣ изображенія страстей Христовыхъ.

Вѣсомъ потиръ сей съ приборомъ 30 фунтовъ, 58 золотниковъ.

О времени устроенія сей драгоценной утвари свидѣтельствуесть слѣд. на ней надпись: Повелѣніемъ Великого Гдѣря Цѣля и Великого Кнѣзя Феодора Алексѣевича всемъ великія и малыя Россіи и вѣлыя Олмодержца снъ соуды златыя построены къ соборнѣи Церковь Успенія Пресвѣатыя Бѣны въ лѣто 7380 (1680)

ЗВѢЗДИЦА И ТАРЕЛОЧКА ЗОЛОТЫЯ И ЛОЖКА КОСТЯНАЯ.

(Рисункъ Оуд. I. № 67.)

Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора Звѣздица (*αστέρισκος*) покрывающая дискосъ, богата по металлу и по украшеніямъ финифтью и драгоценными камнями. Состоя изъ четырехъ луковъ, между конми четыре луча, она образуетъ осмиконечную звѣзду, подобіе небеснаго свѣтила, путеводившаго Волхвовъ въ Внолеемъ. (1) На ней читаемъ слѣд. надпись : « лѣта 7311 (1585) лѣтсца іюліа кз ѿ день сдѣлана бысть сіа звѣзда кз сокорнѣю ѿ апостольскѣю церковь Пречистыа Богородицы честнаго ѿ славаго ѿ ѿспеніа, при благоуверномъ Царѣ ѿ великомъ Князѣ Феодорѣ Іоанновичѣ, повелѣніемъ Господина Преосвященнаго Діонисіа, Митрополита вса Росіи. »

Къ ней принадлежатъ два золотыя блюда, которыя называются у Грековъ *λοχαί*, у Римлянъ *patinae*, *patenae*. На одномъ наведенъ финифтью осмиконечный крестъ на Голгоѣ, съ терновымъ вѣнцемъ на средокрестіи и съ надписью по краямъ : « Крестъ твою покланяемъ Владыко » и пр. а на другомъ — Воплощеніе въ видѣ Знаменія Богоматери и съ надписью вокругъ : « Все упоканіе мое кз Тебѣ возлагаю, Мати Божіа, сохрани мѧ ко Своему си кровѣ. »

Края обонхъ блюдецъ усажены изумрудами и яхонтами въ гнѣздахъ.

(1) Истор. догмат. и таинств. изъясненія на Литургію, изд. 2. М. 1818, вѣ 4.

Наконецъ на этомъ же рисункѣ представлена ложка изъ рыбьей кости, принадлежавшая, по преданію, Первосвятителю Московскому Петру; но въ соборной описи 1628 г. она названа лжицею св. Іоны Митрополита. Въ соборной же описи 1627 года упомянута: «ложка костяная, на кольцо, обложена серебромъ лжичка и ворворка низана жемчугомъ.» По видимому, лжица сія принадлежитъ къ келейной, а не къ церковной утвари.

АНТОНІЕВЫ СОСУДЫ.

(Рисунокъ Огд. I. № 68.)

У этого потира чаша, рукоятіе и поддонъ изъ празеленой яшмы; вся поверхность его усажена гранеными изумрудами, лазоревыми и червчатыми яхонтами въ гнѣздахъ съ золотыми листочками, врезанными въ яшму, подобно яшмовой братинѣ, съ такою же нарезкой, въ Московской Оружейной Палатѣ. Съ обѣихъ сторонъ чаши, на золотыхъ плащахъ финифтяныя изображенія Пресвятой Троицы и четверочастный крестъ съ копіемъ, тростию и слѣдующими монограммами: ІС. ХР. НК. ФП. ФП. ТК. ПР., а по вѣнцу чаши наведены золотомъ слова І. Христа: ✠ ΠΙΕΤΕ ΕΞ ΑΥΤΟΥ ΠΑΝΤΕΣ ✠ т. е. «Пійте изъ нея вси.» Какъ граненые камни и золотая нарезка, такъ равно и плащи съ финифтью наложены въ послѣдствіи на этотъ потиръ, который въ Россіи находится уже болѣе семи вѣковъ.

По описи соборной 1627 г. назначена цѣна сему потиру 451 рубль, 6 алтынъ и 4 деньги.

Къ нему принадлежатъ ложка изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, дискосъ изъ празеленой яшмы въ золотой оправѣ, на подобіе блюда съ мусійнымъ изображеніемъ Предвѣчнаго Младенца подъ звѣздою на дискосѣ, между четырьмя четвероконечными крестами. На двухъ дугахъ или лукахъ золотой звѣздицы вырезаны слѣдующія слова побѣдной пѣсни Трїипостасному Богу, возносимой на Литургіи: ✠ ΤΟΝ ΕΠΗΝΗΚΗΟΝ ΤΜΝΟΝ ΙΑΛΟΝΤΑ ΒΟΛΟΝΤΑ ΚΕΚΡΑΓΟΤΑ ΚΑΙ ΛΕΓΟΝΤΑ: ΑΓΝΟΣ, ΑΓΝΟΣ, ΑΓΝΟΣ. т. е. τον ἐπινίκιον ὕμνον: ἄδοντα, βοῶντα,

κεκραύοντα καὶ λέγοντα: ἅγιον и пр. поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, святъ, святъ.

Подобныя надписи Греческія и Славянскія обыкновенно встрѣчаются на потирахъ (*ποτήρια*, *calices eucharistici*), кои означаютъ не только такую чашу, но даже другіе сосуды, изъ коихъ вкушали пречистую кровь причастники Тайной Вечери. На древнихъ иконахъ Іисусъ Христосъ изображенъ причащающимъ Апостоловъ изъ узкогорлаго сосуда, походяго на алавастръ. Въ отличіе потира отъ обыкновенной посуды называютъ его *святымъ*, (*ἅγιον*) *царственнымъ*, (*βασιλικόν*) *спасительнымъ* (*σωτήριον*) и т. д.

Такіе потиры дѣлаемы были, по принятой Церкви формѣ и изъ опредѣленнаго къ тому вещества, особенно изъ хрусталя или дерева, (1) также изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра. Древній хрустальный потиръ хранится въ ризницѣ Успенскаго собора, а деревянные сосуды Прец. Сергія и Никона въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры. (2) Св. Іоаннъ Златоустъ въ 51 Бес. на Матѳея упоминаетъ о *ποτήριον χρυσοῦν καὶ λιθοκόλλητον*. Самоцвѣтные камни агаты и яшма употребляемы были въ Христіанской Церкви на служебные сосуды, къ которымъ относятся и описываемые нами, извѣстные подъ именемъ *Антоніевыхъ*. Въ запискахъ Новгородскаго Антоніева монастыря означено, что «сосуды его были яшмовые, сердопковые и хрустальные.» Всѣ эти три сосуда донынѣ хранятся въ ризницѣ М. Успенскаго собора. (3)

Названіе свое получили они отъ св. Антонія Римлянина, игумена одного изъ первыхъ монастырей въ Новгородѣ. По сказанію Пролога, положивъ эту драгоцѣнную утварь въ бочку, онъ пустилъ ее въ море, откуда она приплыла въ Волховъ; тамъ рыбаки вытащили ее сътью близъ того мѣста, гдѣ нынѣ Антоніевъ монастырь; а самъ Антоній приплылъ чудеснымъ образомъ на камнѣ, который вдѣланъ въ стѣну паперти монастырскаго собора. (4) Въ княженіе Мстислава Владимировича Мономаха, Римскій выходецъ Антоній поселился въ Новгородѣ, гдѣ основалъ и монастырь 1106 г. Великій Новгородъ чтитъ эти сосуды, какъ святыню отечественную; но Царь Иванъ Васильевичъ, по приведеніи его на всю свою волю, взялъ ихъ въ Москву

(1) Handbuch der christlichen Archäologie von D. S. C. Augusti, III, Leipz. 1837.

(2) и въ другихъ церквахъ. См. Русская старина, сост. II. Снегиревымъ, т. IV, V и VI.

(3) Исторія Росс. Іерархіи. III, 126.

(4) Карамз. II. Г. Р. II, пр 210.

и посвятилъ Дому Пресвятой Богородицы вмѣстѣ съ другими Новгородскими святынями.

Сперва Антоніевы сосуды хранились въ Патріаршей ризницѣ, а теперь украшаютъ ризницу Успенскаго собора.

Они употреблялись при торжественнѣйшихъ служеніяхъ. Такъ при вѣнчаніи на царство Θεодора Алексіевича 1676 года, Патріархъ Іоакимъ изъ большаго Антоніева потира положи въ кристалльній Пречистой крови Христовой, подавъ вкусить Государю. (5) На соборѣ противъ раскольниковъ 1682 г. въ Грановитой Палатѣ подѣ председательствомъ Царевны Софіи, сей же Патріархъ представлялъ имъ Антоніевы сосуды въ доказательство древности четверочастнаго креста, на нихъ изображеннаго. (6)

(5) Древняя Росс. Визлюонка, XI, 191.

(6) Описаніе Стрѣлецк. бунта очевидцемъ, современ. рукопись въ библіот. И. И. Царскаго, въ 12.

СТАРИННОЕ ПАНИКАДИЛО

ТЕРЕМНОЙ ЦЕРКВИ.

(Рисунок Огд. 1. № 69.)

Это мѣдное и вызолоченное паникадило въ три яруса; его перья съ шандалами обвиваютъ матицу на подобіе цвѣтовъ. Верхъ ея увѣнчанъ осмиконечнымъ крестомъ, а низъ оканчивается мѣднымъ глобусомъ; къ нему прежде привѣшено было строфокампное япце, коему Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ символическое значеніе. Соразмѣрное въ частяхъ и красивое въ цѣломъ паникадило это виситъ предъ алтаремъ въ кремлевской церкви Словущаго Воскресенія. По сравненіи его съ другими паникадилами XVII столѣтія, украшающими Московскія церкви, можно заключать, что оно имъ современно.

СТАРИННОЕ МѢДНОЕ ПАНИКАДИЛО.

(Рисунокъ Огд. I. № 70.)

Паникадило это виситъ предъ древнимъ алтарнымъ иконостасомъ въ верхнемъ придѣлѣ Московскаго Благовѣщенскаго собора, не во имя св. Іоанна Божьего, какъ сказано въ надписи на рисунокѣ, но въ честь Входа во Іерусалимъ.

Оно изъ желтой мѣди, прежде позолоченой. Главныя части его литыя, а прочія кованыя и чеканныя. На матицѣ его утверждёнъ осмиконечный крестъ, а глобусъ оканчивается звѣрною головою, съ отверстою пастью : по видимому, это, голова дельфина ; потому что дельфинъ, по сказанію Григорія Великаго, служилъ употребительнѣйшимъ символомъ въ Церкви, какъ намѣкъ на плователей и на корабль ; посему даже и свѣтильники церковные назывались *delphini*. (1) Прекрасно выдѣланные шандалы утверждены на перьяхъ, перевитыхъ виноградными листьями. Осмиконечный крестъ, вѣнчающій верхъ матицы, кажется, послѣ придѣланъ, соотвѣтственно назначенію сего многосвѣтильника въ Православной Церкви. Легкость и краснота рисунка, чистота и ловкость работы, отличающія это паникадило отъ прочихъ XVII вѣка, дѣланныхъ Дмитріемъ Сверчковымъ и Иваномъ Григорьевымъ съ товарищи, даютъ поводъ предполагать, что оно произведено иностранными мастерами, каковъ былъ Голландецъ Госсомъ, (2) украсившій паникадилами

(1) *Gregori magni Epist. I, 66.*

(2) Расходная книга по Патриарш. приказу, 7162 (1644 г.) N 32. « Иноземецъ Голландскія земли Пѣмецъ Иванъ Госсомъ дѣлалъ восемь паникадилъ. »

нѣкоторые кремлевскіе храмы при Царѣ Михаилѣ Осодоровичѣ, или вывезено сыномъ его Алексіемъ изъ Литвы въ числѣ военной добычи.

Въ Восточной и Западной Церквахъ издревле находились такіа паникадила, извѣстныя подъ именемъ: *coronæ*, *Kronleuchter*, *phara*, *sabatæ*, *canthara*, *phagacanthara*, *λύχναι*. (3) Такъ какъ онѣ служили украшеніемъ и вмѣстѣ освѣщеніемъ храма, то Россійскіе Государя давали ихъ вкладомъ въ разныя церкви, ознаменовывая даръ этотъ гербомъ, который короновалъ ихъ матрицу. Устроенныя же доброохотными дателями и Святителями въ XVII вѣкѣ, были съ окончательнымъ крестомъ на верху матрицы. Одно изъ огромнѣйшихъ и богатѣйшихъ паникадилъ пожертвовано въ М. Успенскій соборъ бояриномъ Морозовымъ, въ 1660 году; оно было о шести ярусахъ со многими шандалами, во 113 пудъ и 1 фунтъ. На позолоту его употреблено 2000 червонцевъ и столько же заплачено за работу иностранному мастеру. Въ 1812 году оно похищено неприятелями.

(3) Handbuch der christlichen Archæologie, von D. I. C. Augusti, III B. Leipz. 1837, in-8.

ТРИ СТАРИННЫЕ ПОДСВѢЧНИКА.

(Рисунки Омд. I. № 71.)

Два изъ нихъ мѣдные, находятся въ кремлевской церкви Рождества Богородицы, что на сѣняхъ. Одинъ поставной предъ мѣстными иконами, а другой — выносной. Въ рисунокъ ихъ обнаруживается краснота фигуры, а въ стилѣ — сходство съ подобными произведеніями XVII столѣтія; но ни художникъ, ни вкладчикъ не ознаменовали этихъ памятниковъ надписями. Малоцѣнность вещества и затѣйливость формы отличаютъ другой запрестольный желѣзный подсвѣчникъ въ церкви св. Іоасафа Царевича, въ подмосковномъ Государевомъ селѣ Измайловѣ. Посрединѣ его стержня клеймо съ двуглавымъ орломъ означаетъ принадлежность его къ Царской церкви, или Царскій вкладъ.

ДРЕВНІЯ ВОЩАНИЦЫ.

(Рисунки Отд. I. № 72, 73.)

Въ Ризположенской церкви Московскаго Кремля предъ мѣстными образами стоятъ четыре вощаницы, или тощія росписныя свѣчи на мѣдныхъ поддонахъ съ тремя левками. Онѣ состоятъ изъ деревяннаго столба, вышиною въ 5 четвертей, обложеннаго воскомъ, по коему наведены мозаично восковыми красками травы и цвѣты въ родѣ энкаустики, извѣстной Грекамъ и Римлянамъ. Три вощаницы сохранены въ первоначальномъ своемъ видѣ, а четвертая, послѣ 1812 года, возобновлена по образцу первыхъ. Сверху надъ ними утверждены мѣдные шандалы, какихъ прежде не было; ибо свѣчи вставлялись въ средину вощаницы. По крайнему ободу идетъ вязью надпись, которая показываетъ намъ время устройства сихъ узорочныхъ свѣчъ въ Патриаршество Юсифа, правительствовавшаго съ 1642 по 1652 годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о существованіи тогда при этой церкви Патриаршаго двора. Передаемъ надпись съ двухъ свѣчъ, кромѣ третьей, гдѣ слова, большею частию, изгладились или обломались, и кромѣ четвертой, на коей вновь изображены онѣ согласно съ первыми.

1) Аѣта жзрна поставлена сіа свѣча предъ образомъ Пресвѣтыя Богородицы Ризъ Положеніа, повелѣніемъ Великаго Господина Свѣтѣйшаго Юсифа Патриарха Московскаго и всея Руси въ церкви Ризположеніа, что на Патриаршемъ дворѣ.

2) Лѣта жъзѣнїа Октавра кѣ єъ день повѣщенїемъ Великого Господина Святѣйшаго Іоанна Патріарха Московскаго ꙗже кѣа Русїи кѣ церквѣ Пречистыя Богородицы Ризположенїе, что на еко Государя Патріарше дворѣ, предъ лѣсткой окразъ Пресвятые Богородицы Одегитріе поставлена єѣ свѣща.

Представляя здѣсь памятникъ церковнаго благолѣпія изъ XVII вѣка, нельзя оставить безъ замѣчанїя, что прежде не въ одной Ризположенской Патріаршей церкви, но и въ соборахъ и церквахъ, кромѣ подсвѣшниковъ и лампадъ, находились такіа вошаницы, у образовъ, на поклонѣ въ алтарномъ иконостасѣ, и назывались *поставными, тощими, мѣстными*, а выносныя свѣчи *ослопными*. Подобно какъ у Грековъ православныхъ, у Русскихъ нерѣдко бывали вошаницы и лампы обѣтными и неугасимыми, (1) кои горѣли предъ образами, или св. мощами день и ночь; въ среднѣ ихъ вкладывалась свѣча, которую и зажигали. Такія вошаницы ставили Великіе Князья предъ чудотворными иконами и раками угодниковъ Божїихъ, но и предъ гробами родительскими. Иногда всеѣмъ Новгородомъ и Псковомъ сооружаема была, по обѣщанїю, неугасимая свѣча въ Софїйской или Троицкой соборы. Такъ Великій Князь Василій въ 1509 году устроилъ предъ Св. Троицею въ Псковѣ, а предъ Софіею Премудростию Божіею свѣщи неугасимыя. (2) Царь Іоаннъ IV въ 1569 году прислалъ въ Новгородъ къ мощамъ св. Никиты Епископа Новгородскаго мѣстную свѣчу, которая поставлена была на каменномъ бѣломъ столѣ. Лѣтописи наши нерѣдко упоминають о чудесномъ самовозгоранїи свѣчей въ церквахъ. Св. Алексїй Митрополитъ взялъ съ собою въ Орду для испѣленїя Тайдулы свѣщу отъ вошаницы, затѣпвшейся въ Успенскомъ соборѣ.

Предъ гробами отеческими Великіе и Удѣльные Князья ставили неугасимыя свѣчи съ тѣмъ, какъ они оговариваются въ духовныхъ своихъ грамотахъ, чтобы «не перестала память родителей и свѣча бы ихъ не угасла.» (3) Загасить свѣчу надъ гробомъ, по объясненїю Арцыбышева, значило тоже что шевелить костями. (4) Но также послѣ отпѣванїя, загасить и положить свѣчу на гробъ усопшаго, знаменовало вѣчное забвенїе всякой вражды. Ближайшїй примѣръ тому встрѣчаемъ въ повомъ Іерусалимѣ, гдѣ

(1) *κανδήλα ἀσβεστος*, неугасимое, *ἀκοίμητος*, неусыпающее. *Sniceri Thesaurus eccl.* II. p. 32.

(2) *Карамз.* II. Г. Р. VII. пр. 383.

(3) *Собран. Госуд. грам.* I. гр. 1353 г.

(4) *Повѣствованїе о Россїи.* I. стр. 161, пр. 454.

при передѣлкѣ пола, на гробницѣ Никона Патріарха найдены положенныя восковыя зеленыя свѣчи, какія Царь Θεодоръ Алексѣевичъ устроилъ для его отпѣванія. Поставленіе свѣчи у гроба родительскаго почиталось дѣломъ столь важнымъ и священнымъ, что сынъ Даніила Галицкаго прислалъ 1294 г. къ умиравшему Князю Волынскому Владимиру Перемышльскаго Святителя Мемнона выпросить у него Брестъ « на свѣчу для гроба Даніилова. » (5) Кромѣ того, при свадебныхъ обрядахъ Государей, сверхъ обручальныхъ, употреблялись, свадебныя воцаницы, похожія на Ризположенскія мѣстныя; на нихъ были обручи большіе, широкіе, края чеканеные, обоемъ золоченые. Такъ на свадьбѣ Царя Михаила Θεодоровича съ Евдокіею Стрѣшневою, Государева свѣча была въ три пуда, а Государынина въ два. (6)

Таково назначеніе давали свѣчамъ въ отечественной Церкви, гдѣ онѣ, составляя необходимую принадлежность при Богослуженіи, имѣютъ духовное, символическое знаменованіе.

(5) Карамз. II. Г. Р. IV, 118.

(6) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1616 году, Февр. 5 и пр. М. 1810 г. въ 4.

СТАРИННЫЙ ФОНАРЬ.

(Зисурокъ Оуд. I. № 74.)

Этотъ выносный фонарь принадлежит Воскресенскому монастырю, что называется Новый Иерусалимъ; онъ устроенъ изъ дерева, обложеннаго вычурными орнаментами изъ мѣди и бляшками изъ олова. Ему дано подобіе церкви съ шатровыми верхами, у коихъ недостаетъ только крестовъ. Вмѣсто стеколъ, вставлена слюда. Затѣйливость и краснота въ цѣломъ и частяхъ свидѣлствуютъ объ искусствѣ и тщательности художника. По видимому, этотъ выносный фонарь относится ко времени основателя Новаго Иерусалима, Патріарха Никона.

Самое названіе, какъ и утварь заимствованы изъ обрядника Византійской Церкви; потому что *φανάρη* значитъ свѣтецъ, фонарь. (1) Такіе церковные фонари въ крестныхъ ходеніяхъ носили предъ св. иконами, или предъ св. дарами, когда ихъ препровождали изъ церкви въ домъ къ опасно больнымъ. Они изображены на старинныхъ св. иконахъ и встрѣчаются въ церковныхъ описяхъ, такъ на пр: въ описи Москов. Успенскаго собора 1628 года: «фонарь слюденъ круглой.» Изъ его устава видно, что при Патріархахъ употреблялись въ крестныхъ ходеніяхъ фонари: *большой, средний и малый*. (2) Огромный фонарь, съ двуглавымъ орломъ, донынѣ обыкновенно носятъ въ крестныхъ ходахъ Московскихъ.

(1) *Ducangii Glossar. mediæ et inf. Græcitat.*

(2) Древняя Росс. Визіюенка, X, 163, 166 и 283.

**ЧАША ВРЕМЕНЬ ЦАРЯ ІОАННА IV,
ШАНДАЛЪ ВРЕМЕНЬ ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА И СТАРШНЕЕ КАДИЛО.**

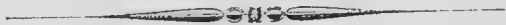
(Рисунокъ Огд I. № 75.)

Сии церковныя утвари, разныхъ вѣковъ и разнаго стиля, хранятся въ Архіерейской ризницѣ, въ Смоленскѣ.

Чаша серебряная, по видимому, водосвятная; подпись кругомъ ея вѣнчика свидѣтельствуетъ, что утварь эта устроена при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Шандалъ, или правильнѣе, выносный подсвѣчникъ, серебряной, отличается красивостью рисунка и чистотою работы, не позднѣе XVII вѣка. Перехваты и вычурныя его крошкетны вызолочены.

Мѣдное кадило замѣчательно какъ древностью своею, такъ и необыкновенною формою; сквозная крышка его похожа на шатровый верхъ церкви.

БИЛО, РИПИДА И КРЕСТИКИ.

(Рисункъ Огд. 1. № 76.)

Мы уже представили здѣсь нѣсколько достопамятныхъ древностей изъ ризницы Новгородскаго Софійскаго собора; теперь еще обратимъ вниманіе на хранящіяся въ ней вещи, кои изображены на эстампѣ подъ N 76: древнюю рипиду, крестики и било.

1) Рипида (отъ *ρίπιδον*, опахало, вѣеръ) имѣетъ верхъ серебряный, образующій четырьмя клеймами крестъ, рукоятіе деревянное, обтянутое краснымъ сукномъ. Чинъ литургій намъ указываетъ ся употребленіе, которое, по сказанію св. Іакова Апостола у Климента VIII, 12, въ священнодѣйствіи было древнее. Въ первенствующей Церкви рипиды устраивались были изъ павлиньихъ перьевъ, или тонкихъ пергаминныхъ кожицъ. Первоначальнымъ ихъ назначеніемъ было отгонять воздушныхъ насѣкомыхъ, чтобы онѣ не могли коснуться святаго хлѣба, или впасть въ раствореніе чашъ; потомъ рипидамъ дано высшее, духовное знаменованіе и подобіе шестокрылатыхъ Херувимовъ, какіе вѣроятно изображены были и въ клеймахъ Новгородской рипиды, представляя присутствіе небесныхъ духовъ при совершеніи таинства. (1)

2) Крестики тѣльные, или тѣльники, яшмовые, оправленные въ серебро позолоченное и украшенные самоцвѣтными камнями. Подобные перѣдко

(1) Историч. догмат. и таинств. изъясненіе на Литургію И. Дмитріевскаго, изд. нов. М. 1818, въ 4.

попадаютъ въ числѣ привѣсокъ на образахъ, въ соборныхъ и монастырскихъ ризницахъ и въ собраніяхъ древностей у любителей.

3) Мѣдная чаша на поддонѣ съ неснятою по краямъ надписью, хотя и названа на эстампѣ *биломъ* или *кандією*; но было собственно есть деревянная доска, или полоса желѣза, въ которую ударяли колотушкою въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ не было колоколовъ, какъ напр. въ Палестинѣ: оно называется у Греческихъ монаховъ (*σημαντήριον*, или *σημαντρον*, *pulsus lignorum*)

(2) Чтожъ касается до изображенной здѣсь чаши, то она ничто иное, какъ настоятельская трапезная, въ которую Игуменъ или Архимандритъ ударялъ за братскою трапезою, когда слѣдовало перемѣнять, или снимать кушанье. Для такого употребленія, какъ видно изъ Мстиславовой грамоты Юрьеву монастырю, Всеволодъ далъ ему серебряное блюдо: «Велѣлъ іесмы бити въ «ніе на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаіетъ.» Еще въ древнѣйшія времена монашества былъ извѣстенъ обычай ударять въ чашу или звонить въ колокольчикъ за столомъ для перемѣны кушанья, чтобы не нарушить безмолвія въ монашескихъ общежитіяхъ; объ немъ упоминаетъ Кассіанъ, писатель V вѣка, въ книгѣ своей: *de institutis coenobiorum*, IV, 17. (3)

(2) *Handbuch der christlichen Archäologie* von D. S. C. *Augusti*, III. B. Leipz. 1837, in-8.

(3) Труды и Записки Общества Ист. и Древн. Росс. III. 1.

ЕВАНГЕЛІЕ, ПИСАННОЕ АЛЕКСОЮ ВЪ XII ВѢКѢ.

(Фигурокъ Огд. I. № 77.)

Славянское сіе Евангеліе въ дѣсть, XII вѣка, харатейное, по древности своей, второе послѣ Остромирова списка, составляетъ одно изъ палеографическихъ сокровищъ Московскаго Архангельскаго собора; оно, какъ значится въ послѣсловіи, писано въ 1125 году Алексоемъ Лазаревымъ, сыномъ пресвитера, для Новгородскаго Князя Мстислава Владимировича, внука Всеволода, отъ котораго дошла до насъ грамота Юрьеву монастырю. Миниатюры, писанныя корпусными красками, во многомъ сходны съ Остромировымъ спискомъ, какъ напр: по изображенію тельца съ хартією, который являет-ся Евангелисту съ высоты, усеянной звѣздами и по надписи: снмѣ обра-зомъ тельчмѣ Дхъ Сѣый жвнѣмъ Лмцѣ. Въ послѣсловіи сказано « ѿ козникъ Црю городѣ ѿ ѿчиницѣ хмипетѣ. » Последнее слово, остававшееся доселѣ непзъясненнымъ, (1) весьма вѣроятно происходитъ отъ *χαμεπετέω*, прекло-няюсь до земли, и значитъ поклоненіе.

Рукопись эта, драгоцѣнная въ палеографическомъ отношеніи, не менѣе важна и въ художественномъ, по своему окладу древней, можетъ быть, со-временной ей работы. Доски Евангелія покрыты съ лица золотою сканью съ 12 мусійными клеймами, на коихъ изображены разные Святые и съ

(1) Списокъ Русскимъ памятникамъ *И. Кеннена*, М. 1822, стр. 32. — Труды Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III, к. 1. Примѣч. на грамоту В. К. Мстислава Влад. Митрополита *Евгенія*.

серединкомъ, на коемъ наведенъ мусією ликъ Спасителя, окруженнаго четырьмя Евангелистами, двумя Архангелами и двумя Серафимами. Подписи Греческія и Славянскія. Окладъ убранъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Судя по его древности и стилю, можно предполагать, что писатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ, на иждивеніе Князя Мстислава, котораго онъ называетъ *своимъ царемъ*. Титулъ этотъ, по замѣчанію Кеппена, здѣсь встрѣчается въ первый разъ при имени Князей, которые иногда величаемы были Каганами. Извѣстно, что удѣльный Князь Мстиславъ послѣ 1125 г. вступилъ на Великокняжескій Кіевскій престолъ, или, какъ онъ говоритъ самъ въ грамотѣ своей: « держа Роускоу землю въ своѣ княженіе. »

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ НАЧАЛА XIV ВѢКА.

(Рисункъ Огд. I. № 78.)

Харатейное Евангеліе съ Апостоломъ, хранящееся въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лауры, какъ памятникъ палеографіи и торевтики XIV вѣка, драгоцѣнно пятивѣковѣю древностью и достопамятно вѣнценоснымъ его вкладчикомъ, современникомъ Преподобному Сергію. Оно писано на пергаментѣ въ десть, въ два столбца, четкимъ уставомъ; дневныя чтенія изъ Евангелистовъ и Апостоловъ расположены по церковному порядку. Доски его обложены басменнымъ вызолоченымъ серебромъ, на коемъ выбиты разныя изображенія распятаго І. Христа (Іисъ Хрѣсъ Црѣ Слѣвы), Божіей Матери (Бм Мфмри), Іоанна Богослова (Ѳгѣ нѡ) и Евангелистовъ. На окладѣ передней доски наведена чернью слѣдующая надпись: « въ лѣто 7500 лѣсаца Декабра осьмый надесать день, на память сѣго мѣчнѣ Сабастіана, создано кысть Евангеліе се клагоуѣрными Кназемъ Великими Симеономъ Івановичемъ. » Слова сіи указываютъ, безъ сомнѣнія, на украшеніе Евангелія; рукопись же могла быть и древнѣе.

Подобныя памятники благочестія почти всегда были въ связи съ какими нибудь важными происшествіями. Сынъ и преемникъ Калиты, Симеонъ возвратился изъ Орды 1344 года, Октября 26, « пожалованный « Богомъ и Царемъ. » Предполагаютъ, что это Евангеліе устроено Симеономъ въ благодарность Господу за благополучное совершеніе опаснаго путешествія. (1)

(1) Историч. описаніе Святотроицкія Сергіевы лауры. М. 1843, стр. 37. Арцыбышева повѣствованіе о Россіи, II.

Такое соображеніе можетъ быть правдоподобнымъ ; но вмѣсто 5508 лѣтъ отъ С. М., слѣдовало бы вычитать 5509 л.; ибо мѣсяць сооруженія былъ Декабрь. Въ такомъ случаѣ выйдетъ 1343 годъ; когда В. К. Симеонъ съ Митрополитомъ Теогностомъ ѣздили въ Орду къ Хану Джанибеку. Въ 1346 или 47 г. Симеонъ, по призыву Новгородскаго Владыки Василія и по благословенію Митрополита Теогноста, « сѣде на столѣ своемъ » въ Великомъ Новгородѣ. (2) Вскорѣ появился въ землѣ Русской « моръ золь, » извѣстный подъ именемъ черной смерти, отъ коей суждено кончить жизнь Великому Князю въ 1353 году. Такія событія, важныя въ государственной жизни, давали поводъ къ сооруженію церквей и св. утварей, какъ благодарственныхъ или умилоостивительныхъ жертвъ.

Тогда Сергіи подвизался въ пустынномъ уединеніи, а братъ его Стефанъ былъ игуменомъ Московскаго Боголюбскаго монастыря и духовникомъ Великаго Князя Симеона Иоанновича. Изъ чего слѣдуетъ, что устройство этого на престольнаго Евангелія въ Москвѣ современно основанію Троицко-Сергіевой обители. Но какъ изъ надписи не видно, чтобы оно предназначено было для сей обители : то, можетъ статься, послѣ дано вкладомъ на поминованіе соорудителя и скрыто было во время нашествія Эдигея, предавнаго огню Троицкій монастырь, въ 1408 г.

(2) Новгородская I и II летопись въ Полномъ собраніи Русскихъ летописей, I.

НАПРЕСТОЛНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ КОНЦА XIV ВѢКА.

(Листунокъ Онд. I. № 79, 80, 81.)

Харатейное сіе Евангеліе въ десть, писанное уставомъ, переплетено въ бархатъ; верхняя доска его обложена вызолоченнымъ серебромъ со сканью, по краямъ закраи изъ того же металла съ финифтяными изображеніями святыхъ Ефрема, Саввы, Евѣмїя, Николая Еписк. Мирликійскаго, трехъ вселенскихъ Святителей, изъ Московскихъ одного Петра, изъ Ростовскихъ Леонтія и Преподобнаго Сергія. По краямъ лицевой доски вырѣзана слѣдующая надпись: « въ лѣт. 7500 (1392) Мѣст. индикта ѿ, оковано кнѣ Евангеліе се при Велицѣмъ Кнѣзѣмъ Васильемъ Дмитріевичемъ ксѣя Рꙋ(си) и Пресвѣщеннѣмъ Кипріанъ Митрополитѣмъ Кіевскимъ ксѣя Рꙋ(си) повеленьемъ раба Бжѣа Феодора Андрѣевича. » Последнее имя встрѣчается намъ 1371 и 1389 г. между послухами духовнаго завѣщанія Великаго Князя Дмитрія Іоанновича. (1) На первомъ листѣ Евангелія читаемъ собственноручную подпись Митрополита Платона: « Сіе Евангеліе дано отъ Великаго Князя Василія Дмитріевича, подписалъ смиренный Платонъ, Митрополитъ Московскій и Архiepи-мандритъ Троицы Сергіевой лавры, 1798 года. » (2) Но изъ первой надписи не видно, чтобы оно дано было въ Сергіеву обитель самимъ Великимъ Княземъ, а только въ его княженіе устроено повелѣніемъ Феодо-

(1) Собр. госуд. грам. I, стр. 92 и грам. 1271 г. стр. 61.

(2) Троицко-Сергіева лавра, соч. II. С. 1842, въ 12.

ра Андрѣевича, который былъ Московскій бояринъ и, вѣроятно, братъ бояръ, свидѣтельствовавшихъ духовную Великокняжескую, Александра и другаго Феодора Александровичей.

Хотя надпись эта прямо указываетъ намъ на 1392 годъ устроенія оклада на Евангеліе; но сему противорѣчитъ изображеніе на немъ Препод. Сергія, который преставился въ томъ же самомъ году, а св. мощи его открыты и прославлены въ 1425 году. Изъ этого можно съ вѣроятностью заключать, что при позднѣйшемъ возобновленіи и украшеніи оклада, присоединенъ образъ Преподобнаго основателя Троицкой лавры.

ЦАРСКОЕ НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1693 ГОДА.

(Рисункъ Огд. I. № 82, 83, 84.)

Драгоцѣннѣйшее по матеріаламъ, великолѣпнѣйшее по украшеніямъ, прекрасное по художеству, сіе Евангеліе, единственное въ своемъ родѣ, вышиною 1 аршинъ съ $\frac{1}{4}$, шириною 11 вершковъ. Оно напечатано на большой Александрійской бумагѣ Евангельскими буквами, въ Москвѣ 1689 года. Заставки въ заглавіяхъ замѣняются миниатюрами, писанными искусною кистью, каймы по листамъ кругомъ разцвѣчены красками съ золотомъ. Изображенія четырехъ Евангелистовъ отличаются правильностью и твердостью рисунка, блескомъ колорита. Такъ какъ въ числѣ Царскихъ иконописцевъ находились тогда Русскіе и чужестранные живописцы: то съ достовѣрностію можно полагать, что сіи миниатюры ихъ произведеніе.

Но окладъ несравненно превосходитъ богатствомъ и великолѣпіемъ драгоцѣнныхъ украшеній роскошную печать св. книги; съ обѣихъ сторонъ онъ золотой. По верхней его доскѣ наложены короны, цвѣты, травы и узоры изъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ съ финифтью, между коими на семи большихъ изумрудахъ вырѣзаны обронною работою лики Господа Вседержителя, Богоматери, Предтечи и четырехъ Евангелистовъ. Вся поверхность лицевой доски столь роскошно усѣяна драгоцѣнными камнями, что они сливаются какъ бы въ одну массу. На обратной доскѣ наведены финифтью по золоту лики разныхъ Святыхъ.

По краямъ оклада вырѣзана слѣд. надпись :

« Во славу Всетворца Господа Бога и въ честь Пречистой Дѣвы Богородицы Маріи, Благочестивѣйшіе Великіе Государи Цари и Великія Князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и обладатели и повелители въ 12 лѣто царства ихъ, и мати ихъ, благочестивая Великая Государыня, благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кириловна въ Богожеланномъ своемъ царскомъ усердіи, изволиша сіе святое Евангеліе Іисусъ Христово напечатанное устроить изряднымъ художествомъ и украсить отъ своихъ царскихъ сокровищъ превеликимъ издѣніемъ, златомъ и драгимъ каменіемъ, при благороднѣйшемъ Великомъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Петровичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, на 4 году возраста его, и устроивъ повелѣша оное отдать въ великую соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богоматери, при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Кирѣ Адрианѣ, Архіепископѣ Московскомъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ, въ царствующемъ, великомъ и преславномъ градѣ Москвѣ, мірозданія 7202, отъ воплощенія же Бога слова Іисусъ Христа 1693 года, мѣсяца Декаврія въ 25 день. »

Время устроения сего на престольнаго Евангелія совпадаетъ съ путешествіемъ юнаго Петра въ Архангельскъ, куда не хотѣла отпускать заботливая мать его, для перваго морскаго путешествія. Вѣроятно, это было обѣтнымъ ся приношеніемъ Дому Пресвятой Богородицы о сохраненіи сына ея. Въ царствованіе Екатерины II Евангеліе это было возобновлено украшеніями и въ такомъ видѣ сохранилось до нашихъ временъ, какъ священный и драгоценный памятникъ Царскаго благочестія. Въ храмовой праздникъ и въ день коронованія Государей Россійскихъ оно выносится двумя діаконами на маломъ выходѣ.

**МИТРЫ ІОВА И НИКОНА,
ПАТІАРХОВЪ ВСЕЯ РОССІИ.**

(Листунокъ Огд. I. № 85, 90.)

Въ Московской Патріаршей ризницѣ, митры перваго и шестаго Патріарховъ Всероссійскихъ Іова и Никона, напоминая намъ лица, замѣчательныя въ Исторіи Іерархіи и Государства и отчасти сходныя своимъ жребіемъ, въ тоже время обращаютъ вниманіе на происхожденіе, первоначальное знаменованіе и введеніе сего главнаго іераршескаго отличія.

Митра есть слово Греческое *mítρα*, означающее головную повязку, увясло, наглавіе, кидаръ, тоже что *tiáρα*, какая извѣстна была у Фригійцевъ и другихъ восточныхъ народовъ. (1) Такъ какъ она составляла отличительное украшеніе вообще Іудейскихъ первосвященниковъ, а со времени Давида и Царей, (2) то въ подражаніе первымъ Архипастыри Христіанской Церкви усвоили себѣ подобное наглавіе. У первосвященниковъ на златой дщицѣ, украшавшей чело кидара, изображены были слова : *святѣиша Господня*, (3) замѣненные на митрѣ Архіерейской лкамп Спасителя, Богоматери и другихъ Святыхъ. (4) Въ вѣкъ I. Христа, по свидѣтельству Іосифа Флавія, жрецы изъ

(1) *I. Iani Archaeologia biblica. Viennæ, 1814, in-8.*

(2) II *Царствъ* XII, 30.

(3) Начертаніе церковно-библейской Исторіи, Митрополита *Филарета*, Спб. 1827, въ 8.

(4) Разсужденіе о началѣ, возможности и знаменованіи церковныхъ облаченій, соч. *К. Кото-вича*. Спб. 1804. въ 4.

племені Маккавеевъ, бывшее вмѣстѣ и Царями, къ митрѣ присоединили тройную корону. И такъ, по первоначальному происхожденію, митра составляла главную утварь Царей и первосвященниковъ, какъ символъ помазанія и власти. Церковь Христіанская, нерѣдко обращающая виѣшнее, вещественное въ символы духовнаго, сообщила митрѣ высокое значеніе *славы Господа и власти*, данной отъ него служителямъ святилища, (5) посему-то Евсевій называетъ ее *вѣнцемъ славы*. (6) Вселенскій Святитель Іоаннъ Златоустъ въ похвалѣ Евангелію внушаетъ рукополагаемому Епископу, что «принятіе вѣнца (*τηράς*) знаменуетъ Евангеліе, что хотя онъ всѣмъ глава и надъ всѣми имѣетъ державу, но и самъ состоитъ подъ закономъ.»

Первое употребленіе митрѣ святительскихъ встрѣчается намъ въ первенствующей Церкви. По свидѣтельству Епифанія и Евсевія, Апостолы св. Іаковъ, братъ Господень и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, въ знакъ духовнаго помазанія, послали на своемъ наглавіи *дицију злату*. Это подтверждается дѣяніями Константинопольскаго собора, въ IX вѣкѣ, противъ Фотія, гдѣ между прочимъ сказано, что Патріархъ Іерусалимскій Θεодосій послалъ въ даръ къ Цареградскому Патріарху Игнатію съ подиромъ и нарамникомъ *митру* (*μίτρα*) св. Іакова, брата Господня. (7) Этотъ же самый Θεодосій утверждаетъ, что предмѣстники его, Патріархи и онъ самъ, возлагали себѣ на главу митру, когда имъ надлежало входить въ святилище для богослуженія. По примѣру св. Апостоловъ, и Вселенскіе Святители украшались кидаромъ; ибо св. Григорій Назіансинъ называетъ *кидаромъ* (*κίδαρης*) то наглавіе или увясло, которое онъ носилъ; впрочемъ онъ не изъяснилъ намъ, какую оно имѣло фигуру и употреблялось ли прочими Епископами. Въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ упомянуто о *шапкѣ Іоанна Златоуста*, привезенной въ Москву 1558 года Юрьевскимъ Архимандритомъ. (8) До раздѣленія Церкви на Восточную и Западную и въ послѣдствіи, извѣстно было въ Римско-Католической Іерархіи употребленіе митрѣ, которыя, до Ліонскаго собора въ 1249 году, служили отличіемъ для кардиналовъ. Во времена же Патріарха Валсамона, въ XII вѣкѣ, какъ онъ самъ свидѣтельствуется, одинъ только Патріархъ Александрійскій надѣвалъ на себя митру въ слу-

(5) Исход. XXVIII, 36 и 40. Премудр. Солом. XVIII, 24

(6) Eusebii Historia eccles. X, c. 4.

(7) Euchologion, s. rituale graecorum, opera Jac. Goar, ed. II, Venetiis, 1730, in-f. p. 315.

(8) Карамз. II. Г. Р. VIII, стр. 587

женіи. Причиною сему онъ полагаетъ то, что, когда св. Кириллъ, Патріархъ Александрійскій председательствовалъ на III Вселенскомъ Соборѣ за Целестина Римскаго Патріарха, тогда возложилъ на главу свою золотую митру, какую носили Римскіе Патріархи по праву, данному св. Сильвестру Константиномъ Великимъ. (9) Но видно, что постоянное употребленіе митры въ то время еще не было узаконено; ибо, по словамъ Вальсамона незадолго до него, даже одинъ хартофилакъ Константинопольской церкви надѣвалъ митру въ служеніи и въ торжественныхъ шествіяхъ.

По сказанію великаго логовѣта Епифанія, (10) Императоръ Василій Младшій, современникъ Владиміра I, царствовавшій въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, возложилъ царскую діадиму на Патріарха Іерусалимскаго Теофила, за примиреніе съ Цареградскимъ Патріархомъ. Вѣроятно, по примѣру его, Царь Алексій Михайловичъ пожаловалъ корону Патріарху Никону. Въ XV вѣкѣ, какъ свидѣтельствуется Симеонъ Θεσσαλονійскій, не только Патріархъ Александрійскій, но и многіе другіе носили уже митры, основываясь на древнемъ, еще ветхозакопномъ преданіи. Когда же съ паденіемъ восточной Имперіи, Церковь утратила много веледѣнія своихъ обрядовъ и утварей, тогда, вѣроятно, прекратилось употребленіе митръ Епископами; ибо Русскіе наши путешественники въ Іерусалимъ Арсеній Сухановъ (11) около половины XVII вѣка и Василій Барскій въ 1727 году (12) согласно свидѣтельству ютъ что, кромѣ Іерусалимскаго Патріарха, никто изъ тамошнихъ Епископовъ не возлагалъ на себя митры при священнослуженіи.

Между тѣмъ какъ на Христіанскомъ востокѣ, подъ владычествомъ Латинцевъ и Магометанъ, виѣшнія отличія сана Іерархическаго подверглись измѣненію, Россійская Церковь и подъ ярмомъ Монгольскимъ удержала ихъ ненарушимо, въ такомъ видѣ, въ какомъ они приняты были отъ Византійской Церкви.

Въ числѣ святительскихъ отличій и митра издревле въ отечествѣ нашемъ служила украшеніемъ не только Епископовъ, но даже и нѣкоторыхъ Архимандритовъ, какъ видно изъ соборнаго свитка, напечатаннаго при Іоакимѣ

(9) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій. Спб. 1804, вѣ 4.

(10) *Ephraim adversus haereticos*, t. I l. IX. ed. Coloniae. 1682, f.

(11) Просквинтарій, или поклонникъ, въ рукоп.

(12) *Василій Григоровича Барскаго путешествіе къ Святымъ мѣстамъ*. Спб. 1778, стр. 225.

московскомъ служебникѣ 1668 г., также изъ дѣяній Московскаго собора, бывшаго при Патріархѣ Іоасафѣ 1675 года. Но предоставленіе сего отличія зависѣло отъ соизволенія Царя и Святителя, а послѣ уже введено въ общее употребленіе у всѣхъ Россійскихъ Архіереевъ и Архимандритовъ. (13)

Какъ Царская корона, или вѣнецъ, такъ равно и Архіерейская митра нерѣдко называлась *шапками*. Но первоначально между *митрою* и *шапкою* полагалось то различіе, что первая была съ образами и украшала Архіереевъ, а послѣдняя только съ перекрестьемъ и носима была Архимандритами; въ послѣдствіи названія сіи были смѣшаны. Святительскія митры, жалованныя Царями подъ именемъ коронъ, имѣютъ вокругъ шапки зубчатый вѣнецъ, или обручъ; одна изъ таковыхъ коронъ называлась *большою*, а другая *меньшою*. Митры Патріаршія и Митрополитскія различались отъ Епископскихъ и Архимандритскихъ не столько формою, сколько украшеніями и матеріаломъ. Такъ напр. въ великіе праздники на служеніи Патріарху предоставлена уставомъ митра съ крестомъ и короною, Митрополитамъ шапка золотая, или серебряная позолоченая, Архіепископамъ и Епископамъ шапка среброкованая. (14)

Чтожъ касается до изображенныхъ здѣсь митръ перваго и шестаго Патріарховъ Московскихъ, въ концѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣка, то онѣ разнятся какъ своею формою, такъ равно и убранствомъ. Первая сходствуетъ съ древними митрами Митрополитовъ и Епископовъ, въ какихъ они обыкновенно изображаются на старинныхъ иконахъ. Она имѣетъ видъ низменной шапочки съ опушкою или околышемъ изъ горностаеваго мѣха; сдѣлана изъ лазоревой камки, шитою волоченымъ золотомъ. На маковницѣ ея, вмѣсто креста, какой осѣняетъ другія Патріаршія митры, вышитъ и обшита мѣлкимъ жемчугомъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, вокругъ коего слѣдующія слова: «*Всѣ ѡповѣданія мое к Тебѣ возлагаю, Мати Божіа, Ты ми сохрани подъ крокомъ Твоимъ!*» На челѣ изображенъ Деисусъ, по сторонамъ св. Апостолы Петръ и Павелъ и другіе Святые, которыхъ имена трудно разобрать. Надъ околышемъ кругомъ идетъ надпись, низанная жемчугомъ: «*Призри съ неба, Боже, ѡ бжѣ и посети киновѣкъ сей, его же насадил десница Твоя!*» На серебряномъ плащѣ

(13) Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церков. облаченій. Спб. 1804, въ 4.

(14) Исторія Росс. Іерархіи. 1 и 11.

вырѣзано: « лѣта 7381 Сѣнтѣбрѣ въ 11 день сдѣлана сіѣ шапка по-
белѣнїемъ Святѣйшаго Іека Патріарха Московскаго ѿ всѣхъ Россїи. »

Въ духовной грамотѣ своей Іовъ, 1597 г. упоминаетъ, что онъ « устро-
« нѣлъ на свои келейныя, заздравныя и заупокойныя милостивныя деньги
« въ домъ Пресвятыя Богородицы шапки, саки и пр. » (15) Присланная
же Іову отъ Цареградскаго Патріарха митра, сльвущая короною Палео-
лога, вдвое выше описанной нами шапки, конусообразная съ перекресть-
емъ на тульѣ и съ осмиплечнымъ крестомъ на верху.

Никонова митра, названная въ описи *большою короною*, отличается отъ
первой величиною, искусствомъ работы, роскошью и узорочностью украше-
ній, тѣмъ велелѣніемъ, какое сей Патріархъ старался придать Святитель-
скому сану. По серебряной вызолоченой доскѣ ея, надъ обручемъ въ корон-
кахъ размѣщены изображенія Спасителя и XII Апостоловъ, какія украша-
ли корону Царицы Ирины, супруги Θεодора I (16); надъ ними въ четы-
рехъ клеймахъ накладныя съ финифтью иконы Богоматери и Гавріїла
Архангела благовѣствующаго, потомъ тезоименитыхъ Царю Алексію Ми-
хайловичу и Царицѣ Марїи Ильиничнѣ св. Алексія Божія челоуѣка и Ма-
рїи Египтянини. Съ верху митры спущено перекрестье, состоящее изъ
разныхъ драгоценныхъ каменьевъ и обнизанное кафимскимъ жемчугомъ;
на маковицѣ ея возвышается четверокопечный крестъ изъ Греческихъ ал-
мазовъ; при подножіи его двойная осмугольная звѣзда — символъ надеж-
ды. (17) На обручѣ, обнимающемъ, вмѣсто мѣховой опушки, края, или
рога митры, въ гнѣздахъ и репьяхъ вставлены изумруды, лапы и яхонты,
кои представляютъ въ ней *вѣнецъ отъ камней драгихъ*. Святолѣпная утварь
сія запечатлѣна слѣдующею лѣтописью въ звѣздѣ: « Въ царствѣ благоче-
стивѣйшаго Великаго Государѣ Царѣ ѿ Великаго Кнѣзя Алексѣѣ Михай-
ловича всѣхъ великїхъ ѿ малыхъ Россїи Самодержца, духовнаго пастырства
при Великолѣхъ Господинѣ, Архіепископѣ царствующаго града Москвы ѿ всѣхъ
великїхъ ѿ малыхъ Россїи Святѣйшемъ Патріархѣ Никонѣ, въ вѣчнѣю па-
мѣть Божїина Никиты Ивлновича Романова 7111 г. Іюніа 11 день. »
Какъ святительская утварь сія, такъ равно и надпись напоминаютъ намъ
блестящую эпоху славы и могущества Никона, когда Самодержецъ, при-

(15) Древняя Росс. Визлюевка, IV, 123.

(16) Карамз. II. Г. Р. X, пр. 217.

(17) Andrea Alciati emblemata cum commentariis. Patavii, 1661, in-4.

знательный за его подвиги ко благу Церкви и государства, за спасение своего семейства отъ моровой язвы, именовавъ его своимъ другомъ и далъ ему титуло *Великаго Государя*. Но Никонъ, отрекавшійся отъ сего высокаго титула, названъ въ надписи на сей митрѣ *Великимъ Господиномъ*, а на другой митрѣ Греческой: *κύριος, κύριος*, что значитъ и Господинъ и Государь. Кромѣ благоволенія и признательности Царя къ Патріарху, этотъ даръ свидѣтельствуетъ о благоговѣніи его къ памяти дяди своего, боярина и дворецкаго Никиты Ивановича Романова, погребеннаго 1655 года, Декабря 11, (18) въ Новоспасскомъ монастырѣ, этомъ родовомъ кладбищѣ рода Романовыхъ, гдѣ Никонъ до Патріаршества своего былъ Архимандритомъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что какъ на этой коронѣ, такъ и на Греческой митрѣ Никона, годъ изображенъ Арабскими цифрами не отъ сотворенія міра, но отъ Рождества Христова, что служитъ доказательствомъ употребленія Арабскихъ цифръ и лѣтосчисленія отъ Р. Х. еще до Петра I. Если же принять числовой знакъ 1 за церковный, а не Арабскій, то судьба это число мѣсяца обрекла Никону концемъ его Патріаршескаго служенія; извѣстно, что онъ, спустя послѣ того три года, добровольно оставилъ Святительскій престолъ 10 Іюня. (19)

(18) Выходы Государей Царей и Великихъ Князей съ 1632 по 1682 годъ, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

(19) Акты Археологической Экспедиціи. IV, 149.

ПАТРІАРШАЯ МИТРА.

(Рисункъ Огд. I. № 86.)

Митра сія, по преданію, Патріарха Іоакима, болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на Святительскую шапку; въ описи Патріаршей ризницы она названа *среднею*. На ней нѣтъ образовъ и надписей, кои опредѣляли бы ея значеніе и время устроенія; но она замѣчательна богатствомъ и великолѣпіемъ украшеній, искусствомъ Царскихъ ювелировъ XVII вѣка.

Золотое ея перекрестье, или запона, наложенная на червчатый бархатъ, блистаетъ драгоцѣнными камнями и жемчугами. Вокругъ митры надъ нижнимъ вѣнцемъ одиннадцать золотыхъ коронокъ съ лапами, изумрудами, яхонтами и алмазами. Между перекрестьемъ наложены репы, или розетки изъ драгоцѣнныхъ камней; вдоль простираются пряди бурмицкаго жемчуга. Верхъ увѣнчанъ алмазнымъ четвероконечнымъ крестомъ.

Вѣсу въ этой митрѣ 4 фунта и 69 золот.

МИТРА НИКОНА ПАТРИАРХА.

(Рисунок Омд. I. № 87.)

Эта митра, названная въ описи *большою*, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ по богатству украшеній и по искусству работы. Какъ и въ предыдущей, золотая съ запоны, усеянная лазами, червчатыми и лазоревыми яхонтами, изумрудами и алмазами, образуетъ четвероконечный крестъ, соединенный вверху съ многоугольною звѣздой въ запоны, а къ низу съ вѣнкомъ изъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней между двумя прядями жемчуга. Звѣзда служитъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ алмазовъ и яхонтовъ; другой алмазный крестъ утвержденъ на передней сторонѣ митры. Между перекрестьемъ, обнизаннымъ прядями окатистаго жемчуга, вставлены четыре клейма съ финифтяными изображеніями Евангелистовъ съ крупными изумрудами. Подъ клеймами на финифтяныхъ плащахъ читаете слѣдующую надпись :

Здѣлана сія свѣтительская шапка Великому Господню Святѣйшему Никону Патриарху Московскому и всея Руси лета 7159, Октября въ 16 день по велѣніемъ Великаго Государа Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и его благоверныя Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны.

Хотя въ надписи и означенъ 1651 годъ; но въ описи Патриаршей ризницы правильнѣе 1653 г.; ибо Никонъ облеченъ саномъ Патриарха 1652 г. Июля 25.

Въ 1775 году Святительская митра сія передѣлана, по желанію Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, когда онъ, оставивъ дворъ, учился церковному уставу въ Александро-Невской лаврѣ и носилъ монашескую одежду. (1) Преданіе говоритъ, что Потемкинъ примѣривалъ эту митру, будетъ ли она ему въ пору.

Вѣсомъ утварь эта 6 фунтовъ $6\frac{1}{2}$ золотниковъ.

(1) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, сост. *Д. Н. Багмышъ-Каменскій*, ч. IV.

МИТРА,

ПОЖАЛОВАННАЯ ЦАРЕМЪ АЛЕКСІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ НИКОНУ ПАТІАРХУ.

(Зисуюнокъ Оуд. I. № 88.)

Эта драгоценная утварь, подобно предыдущей, есть памятникъ особеннаго благоволенія Царя Алексія Михайловича къ Никону Патріарху, котораго онъ называлъ своимъ другомъ.

Формою своею она болѣе походитъ на древнія митры, чѣмъ другія Патріаршія митры и короны. Основа ея алтабасная. Перекрестье ея и вѣнецъ состоятъ изъ крупнаго жемчугу, между коимъ вставлены репы изъ драгоценныхъ камней и на передней сторонѣ камей изъ лазореваго яхонта съ изображеніемъ Воскресенія Христова. Верхъ ея осѣненъ осмиконечнымъ крестомъ. Между перекрестьемъ вставлены четыре клейма финифтяныя съ изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ. При подножіи ихъ наведена финифтью слѣд. надпись: Здѣлана сіа свѣтительская шапка Великомъ Господинъ Святѣйшемъ Никонъ Патріархъ Московскомъ и всея Русіи, лѣта 7388, марта 10, повелѣніемъ Великаго Гдѣа и Великаго Кнѣзя Алексѣя Михайловича всея Русіи и его благоверной Прѣцы и Великой Кнѣгини Маріи Ильиничны.

ГРЕЧЕСКАЯ МИТРА.

(Рисунок Огд. I. № 89.)

Въ описи Патріаршей ризницы она названа *меньшею*, также извѣстна подъ именемъ *Цареградской* и болѣе походитъ на Царскую корону, чѣмъ на святительскую митру. На золотой алтабасъ этой митры положена золотая прорѣзная запона, усыпанная драгоценными камнями и украшенная финифтяными травами и цвѣтами; между ими размѣщены золотыя съ черною пупки. На запои изображены Спаситель; по сторонамъ чеканные золотые образа четырехъ Евангелистовъ. Подъ осмьконечнымъ крестомъ золотая чашка съ чернью, коею наведены поясныя изображенія трехъ Московскихъ Святителей и о агіос Василиосъ Кесариски. Кромѣ послѣднихъ словъ, нѣтъ никакихъ признаковъ Греческаго дѣла; да и Греческія слова могли быть списаны Московскимъ художникомъ съ Греческаго образа. Соединеніе же трехъ мѣстныхъ Святителей ясно показываетъ, что митра сія устроена между учрежденіемъ праздника ихъ при Іовѣ Патріархѣ и принесеніемъ въ Москву мощей св. Филиппа Митрополита при Іосифѣ Патріархѣ. По видимому, она была передѣлана, какъ и показываютъ ея орнаменты, относящіеся не къ одному времени и не къ одному стилю.

Вѣсу въ ней 3 фунта и 26 золотниковъ.

МИТРА,

ПРИСЛАННАЯ ИЗЪ ГРЕЦІИ КЪ ПАТІАРХУ НИКОНУ.

(Рисункъ Огд. I. № 91.)

Митра эта, названная въ описи *короною*, по преданію, прислана къ Никону изъ Греціи, гдѣ уже извѣстно было имя и вліяніе на дѣла Московскаго Первосвященника. Форма ея соотвѣтствуетъ этому названію, а богатство разнообразныхъ узорочій ея назначенію въ Патріаршемъ служеніи, ознаменованномъ торжественностью и великолѣпіемъ.

Основу митры составляетъ серебряная вызолоченая доска, на коей положено перекрестье, запоны и репы изъ разныхъ драгоценныхъ камней и жемчуговъ. На верхушкѣ двѣ осмугольныя звѣзды, вставленныя одна въ другую, служатъ подножіемъ четвероконечному кресту изъ червчатыхъ яхонтовъ и изумрудовъ. Вокругъ звѣздъ на финифтяномъ ободкѣ изображена слѣдующая надпись изъ Псалма XX, 4: «*ἐθήκας ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ στέφανον ἐκ λίθου τιμίου. Ζωὴν ᾠτήσατό σε, καὶ ἔδωκας αὐτῷ μακρότητα ἡμερῶν. Τοῦ μακαριωτάτου Πατριάρχου τῆς μεγάλης πόλεως Μοσχολίας καὶ πάσης Ρωσίας κυρίου κυρίου Νίκωνος σημειῶ, (σημεῖον?)* т. е. «Положилъ «*если на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна. Живота просилъ есть, у тебе и «далъ если ему въ долготу днѣй. Блаженнѣйшаго Патріарха великаго града «Москвы и всея Россіи, Господина Никона знаменіе, 1653.*»

Хотя образа на митрѣ Греческаго дѣла и писмена на нихъ Греческія; но изъ самой надписи не видно, что корона эта прислана изъ Греціи Нп-

кону Патріарху, вскорѣ по вступленіи его на святительской престолъ. Вѣроятно же, она доставлена отъ вселенскихъ Патріарховъ одному изъ предшественниковъ Никона, а имъ она только украшена драгоценными камнями и Греческою надписью; потому что онъ и другіа древнѣйшія утвари своихъ предшественниковъ запечатлѣлъ своимъ именемъ.

Между перекрестьемъ, на четырехъ золотыхъ плащахъ, или клеймахъ, вычеканены и наведены чернью Св. Евангелисты съ Греческими надписаніями ихъ именъ и зачала Евангелій у каждаго. Надъ нижнимъ вѣнцомъ возвышаются двѣнадцать городковъ, или реневъ изъ жемчуговъ, изумрудовъ и яхонтовъ, представляющихъ подобіе кривовъ и числомъ своимъ намѣкающихъ на XII Апостоловъ. Вѣсомъ эта митра 5 фунтовъ. Сходная съ нею и, какъ вѣроятно, по образцу ея сдѣланная, также кованая митра есть даръ Патріарху отъ Царя Алексія Михайловича и Царицы Маріи Ильиничны, какъ показываютъ самыя надписи на ней и финифтяные образа Св. Алексія Божіаго человека и Маріи Египетской, имъ тезоименитыхъ. Съ того времени распространились митры златокованныя, которыя замѣнили прежнія мягкія; онѣ жалуеты были, какъ особыя преимущества, Архіереямъ и даже Архимандритамъ.

ПАТРИАРШІЕ КЛОБУКИ.

(Рисункъ Огд. 1. № 92, 93.)

Патріаршіе клобуки, здѣсь изображенные, даютъ намъ поводъ коснуться вообще значенія и употребленія клобуковъ, преимущественно бѣлыхъ, нѣкогда составлявшихъ предметъ состязаній на соборахъ Россійской Церкви и посему относящихся какъ къ Исторіи, такъ равно и Археологіи.

Собственно *клобукъ*, на новогреческомъ *καβούκι* есть покрывало изъ шерстяной, или шелковой ткани, носимое монахами сверхъ каптыря, или кампавки; въ таинственномъ смыслѣ онъ означаетъ *шлемъ спасенія*. (1) Изъ отечественной исторіи открывается намъ, что въ древности на Русѣ отъ употребленія клобуковъ или черныхъ шапокъ заимствовали свое названіе народы Черкасскаго племени, *Черные клобуки* и что не только Великіе и удѣльные Князья, но и слуги Княжескіе носили на головѣ клобуки; (2) потомъ даже при крещеніи на младенцевъ, какъ видно изъ древняго Требника, надѣвали клобучки, или куколц, родъ шапочекъ. (3) Чтожъ касается до монашескаго наглавія, то нрѣдко подъ словомъ *клобукъ* разумѣютъ и покрываемую имъ

(1) Новая Скрыжаль, соч. Пресв. Веніамина, изд. 4. М. 1816, въ 4.

(2) Карамз. II. Г. Р. 1, пр. 90, 457, 11, 71, 152, пр. 353.

(3) Молитвенникъ или Требникъ изъ Греч. языка на Словенской преведенный изслѣдованнымъ изъ друкариѣ Пана О. Ю. Балабаба, Стратинское выданье, року 1606, въ 4.

камилавку; даже въ среднемъ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ *καμίλαβα*, *camilabo*, значить покрывало на камилавкѣ святительской, спущенное крылами, или космами, на обѣ стороны, тоже что клобукъ. Шляпочка сія, или скуфья *καμελαύκιον*, по мнѣнію Кедрина, Леона Аллация и Гоара, происходитъ отъ *κάμηλος* верблюды и *αὐχὴν*, выя и тѣсный входъ, потому что у Восточныхъ иноковъ для защищенія головы отъ солнечнаго зноя, она дѣлалась изъ верблюжьей шерсти съ покрываломъ, или клобукомъ, коего заднимъ концемъ образуется горбъ, что подало поводъ другимъ производить слово сіе отъ *καῦμα*, зной, жаръ и *ἐλάυνω*, укрошаю, слѣд. шапка, защищающая отъ жара. (4) И такъ наглавію сему, сперва принятому необходимою, въ послѣдствіи придано символическое значеніе, наконецъ оно обращено въ знакъ отличія.

Въ порядкѣ іераршескомъ Россійской Церкви издревле клобуки Митрополиты и даже Епископскіе отличались иногда бѣлымъ цвѣтомъ отъ черныхъ клобуковъ монашескихъ; но такое отличіе не было въ ней повсемѣстнымъ и постояннымъ, какъ видимъ въ восточныхъ церквахъ православнаго исповѣданія. Въ Александрійской Церкви, при торжественныхъ случаяхъ, и скитскіе старцы облакались въ бѣлую одежду.

По сомнительному сказанію Русскаго толмача Димитрія, бывшаго въ Римѣ въ началѣ XVI вѣка, бѣлый клобукъ первоначально былъ дарованъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Константиномъ Великимъ Римскому Патриарху Сильвестру; въ XIV вѣкѣ изъ Рима перенесенъ въ Царьградъ, откуда Патриархъ Филофей, рукоположившій Св. Алексѣя Митрополита, прислалъ въ даръ Новгородскому Архіепископу Василию бѣлый клобукъ, хранящійся въ ризницѣ Софійскаго Новгородскаго Собора. Такое іераршеское отличіе присвоили себѣ и преемники его, въ томъ числѣ Геннадій, къ которому писалъ сказаніе изъ Рима Димитрій толмачъ. Но Московскій соборъ 1666 года призналъ это сказаніе лживымъ и неправымъ, « еже писа отъ вѣтра главы своея. »

Митрополитъ Платонъ, основываясь на томъ, что гораздо прежде Василия Новгородскаго, первыи Епископъ Ростовскій Леонтій носилъ бѣлый клобукъ, съ вѣроятностію полагаетъ, что обыкновеніе сіе заимствовано не изъ Новгорода; но существовало прежде отъ самаго начала Христіанства

(4) *Ducangii Glossarium ad scriptt. mediæ et infimæ græcitatatis*, 2 t. Lugduni, 1688, f.

въ Россіи. (5) Обращаясь къ исторіи Константинопольской Церкви, откуда вѣра христіанская пересаждена въ Россію, мы находимъ тамъ образцы бѣлому клобуку, коего Димитрій Толмачъ отъискивалъ въ Римѣ, именно: Іоаннъ Кантакузинъ, при описаніи вѣнчанія на Царство Іоанна Палеолога, замѣчаетъ, « что на главѣ у Патріарха было бѣлое покрывало, украшенное золотомъ и съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери и Предтечи » (*ἐπὶ τῆς κεφαλῆς*), какое обыкновенно нашивали прежніе Патріархи изъ бѣлаго Духовенства » (6). Послѣ того какъ у Грековъ оставленъ былъ обычай производить Патріарховъ и Митрополитовъ не изъ монашества: то и вышелъ изъ употребленія бѣлый клобукъ, замѣненный чернымъ, какой донынѣ у нихъ носятъ Патріархи и Митрополиты. Вѣроятно, на такомъ основаніи Цареградскій Патріархъ даровалъ бѣлый клобукъ Новгородскому Архіепископу Василю, избранному и хиротонисанному въ 1331 году изъ приходскихъ священниковъ Козмодемьяновской церкви въ Новгородѣ.

Сверхъ того, о древнѣйшемъ употребленіи бѣлаго клобука Россійскими Архипастырями, представляютъ намъ различныя мнѣнія два Московскіе собора 1564 и 1666 годовъ. На первомъ, бывшемъ послѣ смерти Всероссійскаго Митрополита Макарія, прежде Архіепископа Новгородскаго, въ присутствіи Царя Іоанна Васильевича, разсуждаемо было: « почему Митрополитъ Всероссійскій носитъ черный клобукъ, тогда какъ прежніе Русскіе первопрестольники Петръ и Алексій, Іоаннъ Архіепископъ Новгородскій, Леонтій, Игнатій и Исаія Ростовскіе Святители носили бѣлые клобуки и теперь Пименъ Архіепископъ Новгородскій, подобно предшественникамъ своимъ, употребляетъ такой же клобукъ? » Въ подтвержденіе сего приведены соборною грамотою и образа Первосвятителей Московскихъ и Владыкъ Ростовскихъ и потомъ сказано, что « въ писаніи не обрѣли, чего для бѣлые клобуки оставлены Всероссійскими Митрополитами. (7) Но спустя послѣ того столѣтіе, Московскій соборъ подъ предсѣдательствомъ Восточныхъ Патріарховъ Паисія и Макарія, вопреки первому, объявилъ въ статьѣ объ иконописцахъ, подписанной по арабски однимъ Антіохійскимъ Патріархомъ, что « несправедливо иконописцы пишутъ Св. Петра, Алексія и Іону,

(5) М. Платона Краткая Церковная Росс. Исторія. М. 1803, ч. I, стр. 239 и 40.

(6) *Historiarum Ioannis Cantacuzeni ex imperatoris*. III, с. 36.

(7) Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ въ 1 т. Актовъ историческихъ, изд. Археограф. Комиссіею. Спб. 1841, въ 4.

« Московскихъ Чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ, зане они клобуки бѣлые не носила и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай и ниже Кипріанъ и Фотій Митрополиты и прочіи, которіи поставлени быша во Царьградѣ во Архіерейство, носила бѣлыя клобуки. » Съ Василія, « Архіепископа Новгородскаго, продолжаетъ дѣяніе соборное, начали Новгородскіе Іерархи носить бѣлые клобуки, кои, послѣ Геннадія, приняли и Московскіе Митрополиты. (8) По видимому, дѣяніе собора 1564 года; неизвѣстно было собору 1666 года и свидѣтельства лѣтописей, пѣтъ коихъ Никоновская и Русскій Временникъ подтверждаютъ, что « бѣлые клобуки пначала носили въ Россіи Митрополиты и Епископы » Этому доказательство представляетъ памятникъ XI вѣка Святославовъ сборникъ, гдѣ на миниатюрѣ изображены Святители не въ черныхъ клобукахъ, но въ бѣловидныхъ. Сверхъ того, лѣтописецъ указываетъ намъ на Митя, нареченнаго преемникомъ Св. Алексія Митрополита, что онъ самовольно возложилъ на себя бѣлый клобукъ, потомъ упоминаетъ о Св. Кипріанѣ, пріявшемъ такой клобукъ, наконецъ о Митрополитѣ Пименѣ, съ котораго снятъ былъ бѣлый клобукъ, по повелѣнію В. К. Дмитрія Донскаго. (9) Такіе факты опровергаютъ слова соборной грамоты: « ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ сей обычай и что предъ Геннадіемъ Архіепископомъ Новгородскимъ никто отъ Архіерей нигдѣ не носилъ бѣлый клобукъ, точію единъ Геннадій. » Присутствовавшіе на соборѣ Восточные Патріархи и духовныя особы пѣтъ Бѣлорусцевъ, не зная, по видимому, Русской Исторіи и Русскихъ древнихъ обычаевъ, судили объ этомъ по обычаю своей страны, который распространили и на Русское Духовенство.

Между тѣмъ, опровергнувъ неосновательное сказаніе Дмитрія Толмача, они не отвергли « нѣкотораго древняго обычая въ Великороссійскомъ Государствѣ, » по коему дозволили Митрополитамъ носить бѣлый клобукъ. Объ этомъ древнемъ обычаѣ, какъ увидимъ далѣе, упоминаетъ дѣяніе Московскаго собора 1675 г.

Какъ бы то ни было, но и въ Россіи XVI вѣка, не повсемѣстно и безразлично было употребленіе сего Святительскаго отличія, основанное на древнемъ отечественномъ обычаѣ. Такъ при поставленіи Митрополита Іоа-

(8) Никои. Лѣтопись, IV, 231.

(9) Карамз. II. Г. Р. IV, 273, пр. 360. V, 57, 61, пр. 60, 232.

сафа 1539 г. упомянутъ просто *клобукъ*; а 1564 г. въ чинѣ хиротоніася Леонасія, бывшаго дотолѣ протопопомъ Благовѣщенскаго собора и духовникомъ Царя Іоанна Васильевича, сказано о возложеніи *благаго клобука*. (10) Хотя въ 1564 году «Царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложи и «укрѣпили, что отъ сего времени Митрополитамъ Русскимъ учинить древною почесть носить имъ клобуки бѣлые съ рясами и Херувимами;» но въ чинѣ поставленія Митрополита 1581 года значится, что пошеніе благаго или чернаго клобука зависѣло отъ соизволенія Государя — «како Царь повелитъ.» (11)

Съ учрежденіемъ же Патріаршества въ Москвѣ, 1589 года, постоянно узаконено Святителямъ употребленіе благаго клобука; одинъ только Никонъ, по примѣру восточныхъ Патріарховъ, иногда носилъ чернѣйшій клобукъ, какой донинѣ хранится въ ризницѣ Воскресенскаго, что новый Іерусалимъ, монастыря.

Въ Патріаршей ризницѣ находится 24 бѣлыхъ клобука, кои въ старейшей описи называются Митрополитскими и Патріаршими; всѣ они изъ шелковой ткани, низменные, съ полусферическимъ кантыремъ, съ малыми воскриліями или рясами, и только на одномъ изъ нихъ вышиты Серафимъ, какъ увидимъ далѣе.

Отличіемъ Патріаршихъ клобуковъ отъ Митрополитскихъ были нашиты на нихъ изображенія Денсуса и Херувимовъ, также водруженный на маковицѣ ихъ крестъ. Хотя М. Евгенийъ утверждаетъ, будто до Никона Патріарха клобуки были безъ св. иконъ и безъ воскрилій, съ какими носили ихъ Новгородскіе Архіепископы; (12) однако на клобукѣ Патріарха Филарета видимъ и св. иконы и воскрилія. Покрывало сіе обыкновенно было или чешуйчатое камчатное, или вязаное изъ шелка; оно украшалось жемчугомъ и драгоценными камнями; образа на немъ были шиты шелкомъ или наведенны чернью на серебряныхъ и золотыхъ дробницахъ, или плащахъ. По назначенію своему и времени употребленія, клобуки были *большаго наряда*, какіе надѣвались въ большіе праздники, *средняго* и *меньшаго наряда*, *рядовые* или повседневные; (13) потомъ теплые изъ лисьихъ черевъ,

(10) Акты Археологической Экспедиціи. I, и въ Актахъ историческихъ, I, N 173, Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ.

(11) Собрание Госуд. грам. II, 69.

(12) Историч. разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

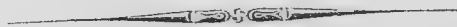
(13) Книга: Списокъ съ переписной Патріаршей домовою казны, 1666 г. N 543.

покрытые бѣлымъ бархатомъ. Каптырь или камплавка была низменная, полусферическая, похожая на скуфью. Съ Никонова времени замѣтно болѣе великолѣпія и знаменательныхъ украшеній, какія онъ любилъ придавать своему сану; тогда вошли въ употребленіе Греческіе такъ называемые рогатые клобуки. На соборѣ 1675 года опредѣляется это Святительское отличіе слѣдующимъ образомъ: Патріархъ имѣетъ въ ношеніи на великіе праздники клобукъ бѣлый, « на немъ водруженъ крестъ вверху, въ концахъ же образы чудотворцевъ обпизанные. Въ прочіе дни на клобукахъ Серафимы и кресты обпизаны « напередъ имущіе. Патріаршіи кампавъ имѣти, аще и бѣловиднѣе изъ « яковы либо вещи, по обычаю нашея Всероссійскія страны, точію со на « швеніемъ Херувима, паче же прискрениъ имѣти нашвенъ образъ кре « ста. » (14) Изъ числа клобуковъ большаго наряда изображены здѣсь два, замѣчательные по богатству украшеній и по принадлежности ихъ знаменитымъ въ отечественной исторіи Святителямъ; одинъ, по описи Патріарха Филарета Никитича, другой Патріарха Никона, которые имѣли титуло *Великихъ Государей*. Лица одного писаны съ стариннаго портрета въ Теремномъ дворцѣ, а другаго съ современнаго Никону Патріарху портрета въ Воскресенскомъ, что новыи Іерусалимъ, монастырѣ. Первый вязеный изъ крученаго шелка, съ Херувимомъ на главѣ, вышитымъ изъ жемчуга; на рясахъ или воскриліяхъ восемь золотыхъ дробницъ, или плащей, на концахъ наведены чернью лики св. Николая, трехъ Вселенскихъ, трехъ Московскихъ и трехъ Ростовскихъ Святителей, на заднемъ крылѣ дробница изображаетъ св. Варлаама, Новгородскаго чудотворца. На маковницѣ клобука нѣтъ креста, какой водруженъ на клобукѣ Никона. На семъ клобукѣ камчатномъ, вмѣсто Херувима въ главѣ, вышитъ шелками и обпизанъ жемчугомъ Денсусъ, а на воскриліяхъ три Вселенскихъ и четыре Московскихъ Святителя, въ томъ числѣ и св. Филиппъ Митрополитъ, наконецъ св. Алексій Божій человекъ, тезоименный Царю Алексію Михайловичу. Края воскрилій обсажены негранеными изумрудами, яхонтами и крупнымъ жемчугомъ. Хотя на сихъ Патріаршихъ наглавіяхъ нѣтъ лѣтописи, кромѣ надписанія на ликахъ Святыхъ, но сіи самыя лики замѣняютъ ее. На клобукѣ Филарета Ростовскіе Святители напоминаютъ, что прежде онъ былъ Ростовскимъ Митрополитомъ; на Никоновомъ ликѣ св. Филиппа знаменуетъ

(14) Древн. Росс. Визіюнка. XVI, 308.

присоединение сего Иерарха Патриархомъ къ собору Московскихъ Святителей, а изображение св. Алексія Божія человека указываетъ на дружественныя отношенія Царя къ Патриарху, котораго онъ называлъ въ грамотахъ своихъ « избраннымъ и крѣпкостоятельнымъ пастыремъ, возлюбленнымъ « любимцемъ и содружникомъ своимъ. » (15)

(15) Акты Археологической Экспедиции, IV, N 57.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ СЪ СВОИМЪ КЛИРОМЪ.

(Рисунокъ Оуд. I. № 94.)

Это изображеніе, въ старинныхъ рамахъ, писанное на холстѣ, вышиною около трехъ, а шириною около двухъ аршинъ, занимаетъ мѣсто на хорахъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, или новомъ Іерусалимѣ. На немъ представленъ во всемъ святолюбномъ величїи своего сана, на горнемъ или Святительскомъ мѣстѣ, знаменитый Патріархъ Никонъ, основатель этого монастыря, какъ значится и въ надписи: *свѣтѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всѣхъ Россїи*. Надъ головою его видѣнъ на стѣнѣ образъ Богоматери; Патріарху предстоитъ клиръ его. Всѣ они въ полномъ облаченіи, какъ должно быть въ соборной службѣ. На Патріархѣ тотъ же самый омофоръ и таже митра, какія хранятся въ Патріаршей ризницѣ; на персяхъ у него панagia и крестъ. Въ лѣвой рукѣ у него посохъ съ рогами; правая положена на раскрытую книгу, которую держитъ предъ нимъ юный подьякъ Германъ. Ему предстоятъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его сослужбники: Архимандритъ Воскресенскаго монастыря Герасимъ въ фелонѣ и митрѣ, потомъ духовный отецъ его, Іеромонахъ Леонидъ, Іеромонахъ Іовъ, Архидіаконъ Евфимій, Діаконъ Іосія, подьяконъ Иліодоръ и наконецъ подьякъ Серафимъ, держащій въ рукахъ Патріаршія четки и очки. Какъ всѣ сїи лица изъ монашествующихъ, то можно съ достовѣрностію полагать, что живописецъ изобразилъ святительское служеніе, или пропо-

вѣданіе Слова Божія въ монастырѣ Воскресенскомъ. По своему значенію въ первенствующей и отечественныхъ Церквахъ, замѣчательнъ для насъ въ Патріаршемъ клирѣ Архидіаконъ, какъ первенствующій надъ діаконами. Онъ въ монашескомъ клобукѣ, потому что въ Архидіаконы при Патріархахъ, Митрополитахъ и Архіепископахъ поставлялись изъ монашества. Чинъ этотъ существовалъ въ Россійской Церкви до изданія Духовныхъ штатовъ 1764 года. (1) Наконецъ этотъ самый отрокъ, поддьякъ Серафимъ сопровождалъ Патріарха на соборъ, созванный въ Чудовъ монастырѣ для низложенія этого Святителя, и тамъ, не смотря на препятствія, предстоилъ ему съ крестомъ.

По содержанію своему и времени, это изображеніе важно не только въ художественномъ, но и въ историческомъ отношеніи, потому что представляетъ намъ не только черты и облаченіе великаго дѣятеля въ отечественной Церкви, но и его клиръ — его сотрудниковъ, сострадальцевъ. (2)

Въ правильныхъ и вмѣстѣ рѣзкихъ чертахъ Патріарха выражается какое то самосознаніе ума, пылкость и стойкость характера, крѣпость воли; не смотря на то, что переступилъ за полвѣка своей жизни, онъ еще сохранилъ бодрость и свѣжесть силъ тѣлесныхъ; умное и одушевленное его лице составляетъ рѣзкую противоположность съ окружающими его лицами. Достойное быть на первомъ планѣ, оно выражаетъ готовность на молитву и подвигъ. По сходству его съ изображеніемъ подъ N 92 и съ другими, можно заключать, что онъ списанъ здѣсь съ натуры. Въ окружающихъ его лицахъ выражено различіе характеровъ, возрастовъ, націй и положеній. Возмите напр. лице духовника Патріаршаго: оно являетъ маститаго старца, опытнаго въ монашеской жизни, украшеннаго сѣдинами, благо-разуміемъ и смиреніемъ. Ему противоположны лица Архидіакона и Діаконовъ полныя силы, юныя, свѣжія; мужественныя ихъ черты общаются мужественный басистый голосъ, для котораго они собирались Патріархомъ, любителемъ святолюбности церковнаго служенія. Подобно какъ у другихъ сослужбниковъ, во взорахъ его выражается вниманіе къ словамъ Святителя; между тѣмъ какъ глаза двухъ юныхъ поддіаконовъ устремлены на Патріарха, въ ожиданіи мановенія его — одинъ, чтобы пере-

(1) Историческое разсужденіе о чинахъ Греко-Россійской Церкви, чит. въ собр. Александровской Академіи Кандидатомъ Богословія Д. Малиновскимъ. Спб. 1805, въ 4.

(2) Начертаніе жизни и дѣяній Никона П. М. соч. Архимандрита Аполлоса. М., 1846, въ 8.

вернуть листъ въ книгѣ, другой, чтобы подать ему очки и четки. Судя по лицеоочертанію, нѣкоторые изъ клириковъ Никона похожи на Грековъ, Евреевъ, Молдаванъ. И дѣйствительно, окружая себя иностранцами, для перевода и сличенія книгъ съ Греческаго и Латинскаго языковъ, любознательный Архипастырь перѣдко самъ съ ними занимался. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ и собесѣдниковъ раздѣляли съ нимъ опалу и заточеніе.

Въ сочиненіи картины, художникъ, вѣрный приличію и чинности, пожертвовалъ мѣстности законными условіями перспективы. Стѣсняясь размѣщеніемъ лицъ, онъ принужденъ былъ смѣшать второй планъ съ третьимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и пропорціи головъ, для того, чтобы выказать въ своемъ свѣтѣ всѣ лица, имѣвшія свое значеніе въ клирѣ Патріаршемъ. Еслибъ поставить ихъ по обѣ стороны Патріарха: то одинъ заслонилъ бы другихъ. Всѣ же на одной сторонѣ, въ одинъ рядъ, не могли бы размѣститься; для сего онъ поставилъ ихъ въ два ряда; однихъ надъ другими, такъ какъ поступаютъ зоографы въ многочисленныхъ иконахъ. Кромѣ этого, въ картинѣ недостаетъ еще перспективнаго воздуха. Но головы нарисованы правильно и отчетливо, лицамъ дано соотвѣтственное ихъ характеру выраженіе.

Въ цѣломъ замѣтно согласіе и теплота колорита, такъ что это произведеніе можно признать однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ портретной живописи XVII столѣтія въ Россіи. Разительную съ нимъ противоположность по стилю и нѣкоторое сходство въ чертахъ лица представляетъ изображеніе Никона на иконѣ св. Царей Константина и Елены, стоящей на Голгоѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ, Патріархъ съ Царемъ и Царицею въ моленіи припадаетъ къ подножію креста. Тамъ видѣнъ живописецъ—художникъ, здѣсь иконописецъ—подражатель.

По выраженію, картина сія болѣе принадлежитъ къ Фламандской, или Голландской, чѣмъ къ Италіанской или Фряжской школамъ. Послѣдователи первой находились въ числѣ Царскихъ и даже Патріаршихъ зоографовъ, которые при Государевомъ и Святительскомъ дворахъ составляли родъ Академіи художествъ. Между ними были и чужестранные живописцы: изъ Австріи Данило Вухтеръ и Иванъ Детерсъ, изъ Швеціи Дерсонъ, или Детерсонъ, изъ Англіи Иванъ Инглесъ, изъ Польши Станиславъ Лопуцкій, Василій Познанскій и пр. Они перенесли къ намъ стиль школы, тогда господствовавшей въ Европѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ истинное понятіе о портретной живописи. Не показываетъ ли даже самое названіе портретовъ *иконами*, (*εἰκόνες*) *подобіями*, (*ὁμοιώματα*) потомъ

парсунами, персонами, (personæ, personne) лицами, — что портретное искусство сперва заимствовано Русскими отъ Грековъ, потомъ отъ Итальянцевъ и Нѣмцевъ. Хотя оныты въ немъ извѣстны были Русскимъ еще въ Кіевѣ при В. К. Святославѣ Ярославичѣ (3) и въ Москвѣ при Іоаннѣ III; но въ XVII вѣкѣ оно стало болѣе распространяться, когда художники начали изучать красоту вѣдшихъ линий и вносить въ искусство личность и народность. Тогда, кромѣ св. иконъ, Царскія и Святительскія палаты, боярскіе хоромы и свѣтлицы украшались портретами Государей и Іерарховъ. По свидѣтельству Рейтенфельса, 1670 года: «нѣкоторымъ особамъ позволялось имѣть «въ своемъ домѣ портретъ Царя, въ знакъ особенной милости.» (4) Въ Титулярникѣ 1672 года, помѣщены портреты Царей Михаила и Алексія, Царевича Алексія Алексіевича и Никона Патріарха. Въ переписной книгѣ Оружейной Палаты 1687 года значатся: «Парсуна Великаго Государя Царя «Михаила Ѳеодоровича на дскѣ длиною 1 аршинъ 10 вершковъ, шириною «1 аршинъ 1½ вершка; Парсуна Великаго Государя Царя Алексія Михайловича писана по полотну, длиною 3 аршина съ 2 вершки, шириною 2 «аршина 1 вершокъ.» (5) Хотя портреты Патріарховъ не ставились надъ гробницами ихъ въ Успенскомъ соборѣ, подобно какъ Царскіе въ Архангельскомъ; но они сохранялись въ Чудовѣ монастырѣ и въ Патріаршей ризницѣ. Когда въ 1632 г. скончался св. Діонисій, Архимандритъ Сергіевой лавры: тогда, по сказанію его жизнеописателя, собрались къ его гробу многіе изографы списывать его лице. (6)

Употребляя науки и художества для своихъ цѣлей, дальновидный Никонъ воспользовался и портретною живописью, чтобы сохранить изображеніе свое и своихъ любимцевъ и сослуживковъ въ созданномъ имъ новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ назначилъ себѣ могилу на мѣстѣ погребенія Царя-священника Мелхиседека въ древнемъ Іерусалимѣ.

Къ сожалѣнію, на самой картинѣ, по всей вѣроятности, современной Никону Патріарху, не нашли мы ни имени художника, ни году ея писанія.

(3) Въ Святославовомъ Сборникѣ 1072 г. миниатюрныя изображенія на пергаментѣ Княжескаго семейства.

(4) Очерки К. Тромошина, N 22, ст. о изображеніяхъ Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича, соч. И. Снегирева.

(5) Журн. Минист. Нар. Просв. Поль, 1830 года.

(6) Житіе Препод. Діонисія, Архимандрита Троицко-Сергіева монастыря.

Принимая въ соображеніе самую надпись, гдѣ этотъ Святитель названъ только *Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи*, можно бы предполагать, что изображеніе Никона писано до 1655 г., когда ему, за спасеніе Царскаго семейства отъ моровой язвы, дано Царемъ титуло *Великаго Государя*, которое онъ неохотно принялъ. Но если предположить мѣстность въ Воскресенскомъ монастырѣ, коего строеніе начато въ 1656 году: то надобно отнести эту картину къ годинѣ испытанія Никона, когда ему поставили въ вину невольное присвоеніе титула Великаго Государя и когда этотъ вольный изгнанникъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ въ воротахъ кремлевскихъ, *связанный духомъ*, отошелъ въ свой новый Іерусалимъ. Последнее подтверждаетъ изображенный на картинѣ Воскресенскій Архимандритъ Герасимъ, который вступилъ 1658 г. въ управленіе монастыремъ послѣ Стефана, построившаго тамъ первую деревянную церковь въ честь Воскресенія Христова. (7)

Это изображеніе стояло прежде въ соборѣ Воскресенскаго монастыря надъ Патріаршимъ мѣстомъ. Но Императоръ Павелъ I, поклонившійся здѣсь Никону, замѣтивъ, что оно портится отъ сырости, велѣлъ наклеить его на доску и помѣстить на хорахъ у предѣла въ честь Тихвинскія Богоматери, гдѣ находится и донинѣ.

(7) Исторія Росс. Іерархін. II, 350.

ПАТІАРШАЯ ХОДИЛЬНАЯ ОДЕЖДА.

(Рисункъ Огд. I. № 95, 103.)

Вмѣстѣ съ церковными облаченіями Святителейъ въ Московской Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла и повседневная, ходильная ихъ одежда, или ряски, по коимъ можно судить о покроѣ платья, о ростѣ и станѣ Патріарховъ. Такія четыре ряски, одиѣ изъ двоemorхаго, а другія изъ гладкаго бархата, вишневаго и таусиннаго цвѣта, подложенныя тафтою и дорогами т. е. шелковою полосатою тканью. Двѣ изъ нихъ, приписанныя Патріарху Никону, длиною 2 арш., съ широкими рукавами; а прочія двѣ длиною 1 арш. 14 вершк., съ узкими рукавами. Первыя застегиваются шелковыми пуговицами отъ шеи по грудь, а другія во всю длину разрѣзныхъ полъ. Шею обхватываетъ въ родѣ воротничка узкій ожерелокъ изъ бархата.

На заглавномъ листѣ книги Шведскаго посла Петрея, бывшаго въ Москвѣ при Самозванцахъ, находимъ изображеніе Московскаго Патріарха въ ряскѣ, сходной съ вышеописанными. (1) Какъ первый Патріархъ Іовъ тогда сосланъ былъ въ заточеніе: то, вѣроятно, у Петрея представленъ лжепатріархъ Игнатій въ его обычномъ костюмѣ. Въ такихъ же рясахъ, застегнутыхъ пуговицами съ верху до низу, изображены Архіереи на картинахъ коронаціи Царя Михаила Феодоровича.

Изъ жизни Никона видимъ, что Царь Алексій Михайловичъ пожаловалъ Святителю изъ своей Царевой ризницы множество священныхъ и *вильи-*

(1) Historie und Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkowy.

нихъ одеждъ; посему вѣроятно, и описанныя нами рясы были ничто иное, какъ Царскіе становые кафтаны, обращенные въ рясы. (2) Такіе же кафтаны или платна и кабаты иногда употребляемы были на сакосы.

При сравненіи Патріаршихъ рясокъ съ верхнею ходильною одеждою Цареградскихъ Патріарховъ (3) и съ сутанами (*sottana*) Римскихъ Папъ, Кардиналовъ и Прелатовъ, (4) открывается разительное сходство, которое на-мѣкаетъ намъ о первоначальномъ единообразіи въ облаченіяхъ Восточной и Западной Церквахъ.

Но какъ сіи ходильныя одежды Московскихъ Патріарховъ не составля- ютъ еще всего ихъ наряда (костюма), то, для дополненія его, мы заим- ствуемъ свѣдѣніе изъ грамотъ, кропильныхъ книгъ и описей Патріаршей домовою казны. Изъ тѣхъ и другихъ видно, что одежда ихъ была *употре- бительная при священнослуженіи, и вишняя, повседневная, ходильная и пздо- вая, или походная*. Не касаясь здѣсь первой, рассмотримъ послѣднюю, которая намъ показываетъ внутренній бытъ и образъ жизни Святителейъ.

Монашеская ходильная одежда Русскихъ, заимствованная отъ Грековъ, сначала не различалась покроемъ и цвѣтомъ у чернецовъ, властей и Архі- ереевъ; она была нижняя и верхняя, какъ-то: власяницы, или свиты, рясы и мантии, по большей части, короткія, и клобуки съ каптыремъ или кукули. Въ Печерскомъ Патерикѣ одежда иноческая, соответствующая обѣ- ту вольной нищеты, называется *чернеческими рубами*. Въ уставной грамотѣ Суздальскаго Архіепископа Діонисія, 1382 года, даже воспрещено монахамъ носить нѣмецкія сукна и шубы бараньи съ пухомъ. (5) Нѣкоторыя неваж- ныя въ ней измѣненія произошли отъ ея приспособленія къ климату и об- разу жизни; посему въ Россіи и различалось монашеское одѣяніе, одно по *Греческому*, а другое по *Русскому обычаю*, какъ видно изъ дѣяній Мо- сковскаго собора 1666 и 67 годовъ, гдѣ сказано: «одѣяніе монахомъ по «Греческому обычаю благословися; укоряющіе таковое священства извер- «гаются.» Иерархи и власти, возвышавшіе надъ рядовыми чернецами, отли-

(2) Исторія о всехвальномъ и достоуважаемомъ Святѣйшемъ Никоѣ Патріархѣ, рукоп. устас. въ 4, N 174, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(3) *Costumes de la cour de Rome*. 1843, in-8.

(4) см. Изображеніе Константинопольскаго Патріарха въ D. I. Heinescii *Abbildung der alter u. neuen griechischen Kirche*. Leipz. 1711, in-4.

(5) Акты Археограф. Экспедиціи. I, N 5.

чался не столько покроемъ, цвѣтомъ, сколько богатствомъ и великолѣпіемъ *вишней* ходильной своей одежды, такъ равно отличіями сана. По свидѣтельству Гваньини, писателя XVI вѣка, « платье у Епископовъ было черное, подобно прочимъ монахамъ, иногда шелковое. » (6) Но въ послѣдствіи они стали употреблять и цвѣтное изъ разныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, каковы: бархаты гладкіе, золотые, двоєморхіе, камки кизилбашскія, объярн, тафты, дороги, сукна нѣмецкія и тропцкія. Первый Патріархъ Московскій въ духовной грамотѣ своей, 1597 г., упоминаетъ о *маньяхъ, шубахъ и рясахъ*, сдѣланныхъ имъ на свой домашній обиходъ. (7) Въ описи домової казны Патріарха Филарета Никитича, 1630 года, находимъ *шубы парядныя и санныя*, крытыя атласомъ и барбейракомъ багровымъ, *ряски* холодныя и теплыя изъ бархата багроваго и таусиннаго, черныя барбейраковыя, подложенныя тафтою. (8) Сверхъ рясы, при выходахъ надѣвались Святителями *манаты*, или мантии съ источниками, скрижалями и поматами изъ бархата и другихъ шелковыхъ тканей; повседневныя изъ нихъ въ древности были короткія, по колѣна, а праздничныя длинныя. Перемонатка возлагалась сверхъ рясы на персяхъ. Кромѣ рядоваго ходильнаго платья, какъ значится въ описи, было у Патріарховъ особенное ѣздовое или дорожное, къ коему принадлежатъ *мятли и кошули*, помещенныя въ описи 7138 года. Первые такъ описаны: « мятель, сукно темно-« спнее, подложенъ кнудякомъ зеленымъ, пугвицы шелкъ черенъ, » а другія: « кошуля, тафта двоеличная, шелкъ вишневъ, да зеленъ, исподъ черева песцовые бѣлы. »

Мятель, вѣроятно, отъ Нѣмецк. Mantel, составляла родъ верхней одежды, или епанчи, какую издревле нашивали не только Князья, но и слуги княжескіе. (9) Чтожъ касается до *кошули*, то въ Польскомъ языкѣ встрѣчается сходное съ нею *koszula*, рубаха; но, по ближайшему объясненію Словаря Россійской Академіи, кошуля есть нижняя мужская и женская одежда, по большей части, подбитая какимъ либо мѣхомъ, на подобіе полукафтаны или полшубка. Хранящееся въ Патріаршей ризницѣ портище

(6) De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. B. D. 1582, in-4.

(7) Древн. Росс. Впвліюенка. VI, 133.

(8) Опись Патріаршимъ келейнымъ вещамъ 7138 г, N 11, въ Госуд. Архивѣ и опись Патріаршей казны 7159 г, связка 209 въ Придв. Архивѣ

(9) Карамз. II. Г. Р. II, пр. 353.

изъ Турецкаго золотнаго атласа по зеленой землѣ, подложенное осиновымъ киндякомъ и подпушенное брусничною камкою, составляетъ спаленное платье, въ родѣ халата. Изъ головныхъ покрововъ въ описи 1630 г. упомянуты: *шапочки* холодныя изъ камки; *клобуки теплые* изъ лисьихъ черевъ, покрытые бѣлымъ рытымъ бархатомъ; *треухъ* соболій подъ обьярьми гвоздичными; шляпа перекрестки черны, подложена бархатомъ чернымъ; шляпа Цареградская бархатъ черенъ, подложена камкою лазоревою. Въ Патріаршей ризницѣ уцѣлѣла Патріаршая шляпа изъ лебединого пуха, присланная изъ Кітая; она круглая съ широкими полями; на полусферической ея тульѣ былъ нашитъ изъ позументовъ крестъ, споротый въ 1812 г. Французами. Подобныя шляпы (*капъѳа*) носили Цареградскіе Патріархи сверхъ камлавки. (10)

Мѣсто родуговъ, или перчатокъ, замѣняли *рукавки* холодныя и теплыя; первые были изъ вязенаго шелка, а другіе песцовыя. Обувь Патріаршую составляли *сапоги*, *калги* или *сандали*. Въ рукахъ Патріархъ носилъ *мѣствицу*, родъ четокъ, съ лапостками. Жезлы и посохи у него были одни воскресныя, другіе панихидныя и всеневныя.

Какъ въ Царскомъ, (11) такъ и въ Патріаршемъ гардеробѣ встрѣчается исподнее платье: въ описи домовою казны Патріарха Филарета Никитича значится: «*штаны*, тафта лазорева, на бѣлыхъ черевахъ.» Наконецъ въ той же описи находимъ свѣдѣніе о *постели* Патріаршей; ее составлялъ: «войлочекъ обшитъ сафьяномъ лазоревымъ, да шуба одѣвальная баранья.»

Какъ за домовою бѣлою казною Патріарха были особые смотрители, такъ равно строеніемъ ея занимались скатертники, свитошники и портные, которые входили въ составъ Патріаршаго Двора.

(10) D. S. M. Heineccii Abbildung der alten und neuen griechischen Kirche. Leipz. 1711, in-4.

(11) Выходы Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора. изд. П. Строева. М. 1844, въ 4.

ДРЕВНѢЙШІЯ ОБЛАЧЕНІЯ НОВГОРОДСКИХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ.

(Листунокъ Огд. I. № 96, 97, 98, 99, 100.)

Ризница Новгородскаго Софійскаго собора украшается драгоценными, по древности, нетлѣнною и святынь, облаченіями и утварями Новгородскихъ Святителей Никиты и Моисея. Св. мощи одного опочиваютъ на вскрытіи въ этомъ соборѣ съ 1107 г., а другаго въ Сковородскомъ монастырѣ съ 1329 года.

Св. Никита, постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря, подвижникъ, за-творникъ и чудотворецъ, по смерти Новгородскаго Епископа св. Герма-на, избранъ и поставленъ былъ на святительскій престолъ въ Новгородѣ, 1096 или 97 году; преставился 1107 года, Января 31.

При открытіи св. мощей его, въ 1550 году, найдено на немъ облаченіе, сохранившееся нетлѣннымъ въ могилѣ, гдѣ оно лежало 450 лѣтъ. Все об-лаченіе состоитъ изъ фелони, эпитрахили, поручей, палицы, штофныхъ ко-ричневаго цвѣта, гаруснаго пояса, омофора изъ бѣлаго люстрина, изъ сп-ней гродетуровой шапочки, опушенной горностаевымъ мѣхомъ; на шей вышиты золотомъ кресты и Серафимы съ словами: «Сѣрафимъ.» Такая шапочка служила митрою. Къ этой Епископской утвари XI вѣка принадле-житъ Архіерейскій посохъ, о коемъ ниже будетъ сказано, и желѣзные вериги, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, найденныя на мошахъ Іерарха. Въ день открытія нетлѣнныхъ его останковъ принесена была Новгородцами ко гро-

бу его желѣзная лампада, хранящаяся въ ризницѣ, съ круговою прорѣзною надписью: Свѣча Великаго Новгорода всѣхъ православныхъ хрестіанъ, поставлена покомѣмъ чюдотворца Никитѣ въ лѣто 7325, апрѣла въ 1 день, при Архіепископѣ Пименѣ. »

Бѣлый клобукъ знаменитаго Архіепископа Новгородскаго Василія представляетъ намъ не только памятникъ церковной древности, возводимый безъотчетнымъ преданіемъ ко временамъ Константина Великаго, но и предметъ притязаній Владыкъ Новгородскихъ на первенство и преній на помѣстныхъ соборахъ. Въ 1352 году наглавіе сіе прислано Цареградскимъ Патріархомъ Филоеомъ первому Василю, возведенному на степень Архіепископа изъ бѣлыхъ священниковъ. (1) Василювъ клобукъ, вязаный изъ бѣлаго крученаго шелку, состоитъ изъ каптыря, или полусферической шапочки, съ длинными отвѣсами, украшенъ крупнымъ жемчугомъ и яхонтами. Долго подобное отличіе было принадлежностью однихъ Владыкъ Новгородскихъ, потомъ присвоено себѣ Всероссійскими Митрополитами и Патріархами. (2)

Святитель Моисей, предъ блаженною кончиною своею, 1329 года, удалившійся въ основанную имъ Сковородскую обитель, оставилъ въ Софійской сокровищницѣ памятники своего служенія и подвижничества: стяжанное имъ Евангеліе, (3) свои желѣзные вериги и омофоръ, изображенный на рисункѣ N 97. Св. этотъ нарамникъ изъ дымчатой шелковой матеріи съ четверокопечными крестами и вышитыми на краяхъ словами: « Моисей Архіепископа, молитвами Свѣтыа Софїи. » (4)

(1) Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. М. 1808, въ 4.

(2) см. ст. о клобукахъ.

(3) Списокъ Русскимъ памятникамъ, II. Кеппена. М. 1832, въ 8.

(4) Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора въ Новгород. Губ. Вѣдом. 1838 г, N 9. Историческое описаніе святыни Новгородской. Спб. 1848, въ 8.

РИЗА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ И ЕГО ЛОЖКА.

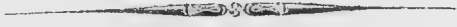
(Рисункъ Огд. I. № 101.)

Священническая риза, или *фелонь* св. основателя Троицко-Сергіевой лавры представляетъ въ ризницѣ разительную противоположность своею простотой и скудостью съ драгоценнѣйшими облаченіями, кои блестятъ золотомъ и драгоценными камнями. Она сшита изъ грубой ткани, болѣе похожей на крашенну, чѣмъ на бумажную ткань темноорѣховаго цвѣта, съ оплечьемъ изъ такой же матеріи снѣватаго цвѣта. Спереди три серебряныя вызолоченныя пуговицы, на кои во время священнодѣйствія поднимали петли подола фелони; назадъ подъ оплечьемъ нашиты маленькій крестикъ и звѣздца или кустодія, знаменующая камень гробный, на коемъ спдѣлъ Ангелъ по Воскресеніи Христовомъ. Риза сія подбита, въ послѣдствіи, шелковою матеріей. Въ ней 1797 г. Апрѣля 23, Митрополитъ Платонъ встрѣтилъ Императора Павла I, прибывшаго въ Троицкую лавру, послѣ своей коронаціи, на поклоненіе св. мощамъ Преподобнаго Сергія; въ ней онъ служилъ въ день его праздника, какъ преемникъ его настоятельства. При освященіи двухвѣковой деревянной церкви, строенія св. Архимандрита Діонисія, перенесенной изъ села Подсосенья на Корбуху, знаменитый витія Церкви, Митрополитъ Филаретъ 1844 г. Сентября 28 священнодѣйствовалъ въ ризѣ Преподобн. Сергія.

Къ описанію Сергіевой фелони за нужное почитаемъ прибавить, что въ настоящее время сія св. одежда получила измѣненный видъ, потому что передняя часть ея, для удобства въ служеніи, постепенно была укорачи-

ваема, такъ что теперь она покрываетъ половину стана. Въ восточной православной Церкви фелоніи, или *фелонь* (*φελόνιον* и *φαιλόνιον*) употреблялась, какъ древняя форма и собственно означала верхнюю длинную и широкую одежду, отъ *φαίνεται*, покрываетъ и *ὅλος*, весь т. е. одежда, покрывающая все тѣло. Въ прежнія времена ее носили и Архіереи при священнослуженіи. Скрижаль, гл. 28, даетъ ей знаменованіе той хламиды червленной, кою Христосъ облеченъ былъ Иудеями во время своего страданія. По толкованію Симеона Сол. « фелонь означаетъ высшую и свыше подаваемую силу и осіяніе духа, свѣтлость первѣйшихъ горнихъ Чинѡвъ. » Такою свѣтлостію свыше озаренъ былъ Преподобный Сергій, удостоенный сослуженія Ангелѡвъ.

Здѣсь на рисункѣ соединенъ съ памятникомъ церковной скудости и остатокъ келейной простоты—деревянная столовая ложка Преподобнаго Сергія, какъ кажется, изъ дикой яблони. Она хранится въ шкафѣ при св. его мощахъ вмѣстѣ съ монашескою его мантией, парамандомъ, поручами и домашнею утварью.

НОЖЪ, НОЖНЫ СЪ КОШЕЛЬКОМЪ

И СТАРШНЯЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЧАША ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

(Рисунокъ Омд. I. № 102.)

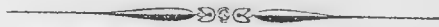
Ножикъ съ черенкомъ изъ дерева, по видимому, яблоннаго и съ костяною оправой на концѣ; суконныя ножны его показываютъ, что св. старецъ носилъ его съ собою въ дорогѣ при поясѣ, что и донинѣ дѣлаютъ поселяне. Но *прославится ли съкира безъ съкущаго ея?* (1) Сей великій подвижникъ, соединяя трудъ съ молитвою, плотничалъ топоромъ, чтобы выработать себѣ кусокъ черстваго хлѣба у собрата; вѣроятно, и ножъ свой употреблялъ онъ не только на раздѣленіе своего хлѣба нищимъ, но и на вырѣзываніе ложекъ и другой столовой утвари, и тѣмъ самымъ подавъ примѣръ трудолюбія, какому слѣдовали старцы Троицкіе. Въ 1619 г. они поднесли деревянныя братины, ставки и ковши своего издѣлія Патріарху Цареградскому Теофану, а въ 1676 г. Патріархамъ Александрійскому Папію и Антиохійскому Макарію, посѣтившимъ святую обитель Преп. Сергія. Подобныя утвари посылали они Царямъ и Царицамъ. Монастырское издѣліе, перешедшее въ посадъ дало начало промышленности деревянною посудой, которую покупали богомольцы. Изъ столовой утвари особенно тамъ славилась каповыя ложки и чашки, кои вырѣзывались изъ березовой болонь, или выплывка.

Къ такимъ келейнымъ издѣліямъ принадлежитъ изображенный здѣсь деревянный ставецъ или чашка, похожая на братину; за трапезой у всякаго старца былъ свой ставецъ: *что старецъ, то ставецъ*.

(1) *Исаія Прор. X, 15.*

Въ одной изъ проповѣдей своихъ Митрополитъ Платонъ, обращаясь къ симъ памятникамъ св. Сергія, говоритъ: « сіи ризы, въ коихъ онъ свя-
« щеннодѣйствовалъ, сія лжца, сей пожичекъ, послужившіе его потребамъ
« тѣлеснымъ, сей посошокъ; подкрѣплявшій его старость и слабость, по
« наружности своей, ничего не имѣютъ драгоцѣннаго, или лестнаго; но,
« по внутренности, всякихъ бисеровъ и многоцѣнныхъ камней драгоцѣн-
« нѣе: — они освящены его по́томъ и озлащены его добродѣтелей подвиги-
« ами. А потому они, яко одушевленные, всѣ громогласно вопіють: Хри-
« стіане! не въ златѣ и сребрѣ, но въ добродѣтели и благочестіи постав-
« ляйте свое богатство. » (2)

(2) Поучительныя слова Митрополита Платона, XVI, 140 и 146.

КЛОБУКЪ, ТРОСТЬ, ЧЕТКИ, ШЛЯПА, САПОГЪ, САНДАЛИ И БРУСОКЪ

НИКОНА ПАТІАРХА.

(Рисунокъ Омд. 1. № 103.)

Это памятники труженнической, келейной жизни Патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, гдѣ онъ съ иноками ходилъ на службу въ церковь, а съ работниками дѣлилъ труды при сооруженіи дивнаго храма въ честь Воскресенія Христова, по образцу Іерусалимскаго.

Въ монастырской церкви онъ украшалъ себя уже не бѣлымъ, но чернымъ клобукомъ, какой изображенъ на рисункѣ. Клобукъ этотъ разнится отъ обыкновеннаго монашескаго только вышитымъ на его челѣ Херувимомъ. На работу онъ ходилъ въ пуховой шляпѣ; на ней уже нѣтъ такого креста, какой нашитъ на Патріаршей шляпѣ, хранящейся въ Патріаршей ризницѣ. Четки его костяныя съ шелковою кистью. Трость его не съ рогами, или перечиною и не съ яблоками, или шипками, но съ набалдашиникомъ, составляла для него не отличіе сана, но опору въ ходьбѣ. Кожаный сапогъ съ желѣзной подковкой показываетъ намъ форму обуви, мѣру его ноги, такъ какъ и кожаные сандали, или босовики, съ желѣзными подковками. Наконецъ брусокъ, въ серебряной оправѣ съ драгоценными камнями, свидѣтельствуетъ, что руки Никона, воздѣваемые на молитву и благословленія, не чужды были работы.

АРХІЕРЕЙСКІЙ ПОСОХЪ И ЦАРСКАЯ ЧАРОЧКА.

(Рисункъ Огд. I. № 104.)

Ризница Смоленскаго Успенскаго собора хранитъ въ себѣ два памятника усердія Царей Михаила Осодоровича и Алексія Михайловича: Архіерейскій посохъ и ковшпчекъ для вливанія теплоты. Одинъ окованъ серебромъ съ чеканными вызолоченными яблоками и съ крестомъ на верху перечины. Другой серебряный, съ надписью, означающею имя вѣнценоснаго вкладчика; на днѣ его вырѣзанъ двуглавый орелъ съ двумя коронами на головахъ, а на другой сторонѣ слова: *вес м золотниковъ*.

ПОСОХЪ СВ. ЕПИСКОПА НИКИТЫ И СЯТИТЕЛЬСКАЯ ПАНАГІЯ.

(Рисунокъ Олд. I. № 105.)

Въ числѣ священныхъ древностей и драгоценностей, ризница Новгородскаго Софійскаго собора заключаетъ въ себѣ Архіерейскій посохъ Новгородскаго Святителя Никиты, преставившагося 1107 или 108 года, а по Слѣдованной Псалтири, 1101 года. По видимому, въ ознаменованіе Животворящей Троицы, этотъ посохъ составленъ изъ трехъ жимолостныхъ тросточекъ съ костяными рѣзными яблоками или шипками; рога, или поперечины его, и подъ ними первое поле, обложены моржовой костью, по коей вырѣзаны разные Святые. Изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ выпали; но изъ надписей видно, что на поперечникѣ были лки Спасителя съ Богоматерію и Предтечей, Архангеловъ Гавріила и Михаила, Апостоловъ Петра и Павла, Вселенскихъ Святителей, далѣе на первомъ полѣ Московскаго Святителя Петра и Ростовскаго Леонтія, благовѣрныхъ Князей, Владимира перваго въ зубчатой коронѣ, Бориса и Глѣба, въ княжескихъ шапкахъ, съ крестами въ рукахъ, Препод. Оеодосія и Антонія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, св. Евѣмїя, св. Онуфрія и Макарія Египетскаго и пр. Выборъ Святыхъ для изображенія на св. утваряхъ, какъ мы не однократно замѣчали выше, бывалъ не случайный, но съ какою нибудь мыслію. Удивительно, что между ими нѣтъ Святаго, тезоименитаго Святителю Никитѣ.

Обронная рѣзба, стплемъ своимъ сходствуя съ подобными произведеніями ваянія, чеканнаго и литейнаго художества въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуешь, что рѣзба на кости издревле была любимымъ и обычнымъ занятіемъ въ Русскомъ народѣ. Въ Новгородѣ же она могла процвѣтать еще и по тому, что промышленность доставляла ему изъ Архангельска моржовую кость для издѣлій.

Согласно съ мѣстнымъ преданіемъ и церковною описью, этотъ посохъ относится къ XI столѣтію. Но преданію и описи противорѣчатъ изображенія на посохѣ Святителя Московскаго Петра и Преподобнаго Сергія, которые принадлежать къ XIV вѣку. Празднованіе же памяти ихъ установлено отечественною Церковью еще того позднѣе, такъ что въ Святцахъ XVI вѣка они еще именуются *появленными чудотворцами*.

Если жъ принять, что самый жезлъ, т. е. одинъ трп тросточки, дѣйствительно принадлежалъ Святителю Никитѣ, а украшенъ рѣзбою на кости въ послѣдствіи, то тѣмъ можно примирить несогласіе, сблизивъ въ этомъ памятникѣ вѣкъ Московскихъ Святителей съ временемъ Новгородскаго Владыки. Желательно бы еще знать, когда и кѣмъ украшенъ этотъ Святительскій жезлъ? За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, надобно прибѣгнуть къ вѣроятностямъ, какія представляетъ изображеніе св. Евфимія и св. Макарія рядомъ съ св. Онуфріемъ, между тѣмъ какъ послѣдній обыкновенно изображается на иконахъ и празднуется Церковію вмѣстѣ съ св. Петромъ Аѳонскимъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія были въ Великомъ Новгородѣ два духовные Владыки, ревнители церковнаго благолѣпія и покровители художествъ: Архіепископы Евфимій II, правившій пастою съ 1429 по 1458 годъ, и Макарій, съ 1526 по 1540 годъ, потомъ Митрополитъ Всероссійскій, наменованный отъ современниковъ *чуднымъ, предивнымъ и святымъ*; памятниками его любви къ знанію и искусству остались великія Четвъ-Мшнп, Степенныя книги и св. иконы, имъ изображенныя или поправленныя. Статся можетъ, что тотъ или другой, украсивъ рѣзбою на кости пастырскій жезлъ своего святаго предшественника, ознаменовалъ память свою изображеніемъ на немъ тезоименныхъ себѣ св. Евфимія Великаго и Макарія Египетскаго. Такъ не рѣдко вкладчики, строители и художники на св. утваряхъ, иконахъ и другихъ памятникахъ, посвященныхъ Церкви, вмѣсто своего имени, выставляютъ тезоименныхъ себѣ Святыхъ, какъ своихъ предстателей.

Наконецъ, принимая въ соображеніе вышнюю форму, знаменованіе и употребленіе посоховъ, кстати замѣтимъ, что такіи посохъ, жезлъ, (*δικαι-
σιον*) иногда называемый *пастырцею*, составлялъ знаменіе и отличіе Свя-
тителей, какъ пастырей словеснаго стада Христова. Въ древности онъ
имѣлъ подобіе буквы Т, такъ какъ и Новгородскій св. Никиты, (1) ино-
гда съ крестомъ, не рѣдко полумѣсяцъ, то вверхъ, то внизъ обращенный.
По объясненію Симеона Θεσσαλονίκειαго, de sacram: «Посохъ имѣетъ по-
«перечину, загнутую назадъ наподобіе острога, чтобы прогонять ожесто-
«ченыхъ и зловредныхъ и наконецъ, чтобы знаменовать крестъ Христовъ.»
Съ Никона Патріарха появляются жезлы съ двумя змѣями на поперечницѣ,
напоминающіе намъ превращеніе жезла Моисеева въ змѣю. Какъ издревле
такое изображеніе было символомъ мира, посему и присвоено Архипасты-
рями, благовѣстниками мира. Пастырская утварь сія называется «жезломъ
«правленія и утвержденія.» Иногда поперечница его украшается изобра-
женіемъ распустившихся цвѣтовъ въ память того, что Аароново Архіерей-
ство утвердилось жезлопрозябеніемъ. (2) При хиротоніи Митрополи-
товъ онъ вручаемъ былъ имъ Великими Князьями и Царями, какъ напр.
при поставленіи Всероссійскаго Митрополита Іоасафа 1539 г. «и подаль
«Князь Великій Святителю жезлъ въ десную руку съ слѣд. словами: «Все-
«святая и Живоначальная Троица, дарующія тебѣ сей Святительскій пре-
«столь великія Митрополія всеа Русьскія земля, да наставитъ и укрѣпитъ
«святительство твое, во еже сохранить и соблюсти нашу вѣру всего пра-
«вославнаго Христіанства неподвижно и безмятежно и все еже о Христѣ
«порученное тебѣ стадо унасти и направить на путь истинный во много-
«лѣтствѣ и здравіи твоємъ.» (3) При этомъ обыкновенно вручаемъ былъ
жезлъ Первосвятителя Московскаго Петра, донынѣ хранящійся въ Москов-
скомъ Успенскомъ соборѣ. Первому Патріарху Московскому Іову на по-
ставленіи также Царь Θεодоръ Іоанновичъ подаль этотъ жезлъ, своими ру-
ками возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ,
бархатную мантию и бѣлый клобукъ. (4) Но при поставленіи Патріарше-
скомъ Филарета Никитича, 1619 г. уже Іерусалимскій Патріархъ Θεοφάνης

(1) *Goar, Euchologion, s. rituale graecorum.*

(2) Жезлъ, Москва. 1666, въ л.

(3) Акты Археограф. Экспедиціи. I, N 184.

(4) *Карамз. II. Г. Р. X, 121.*

вручилъ ему посохъ великаго чудотворца Петра Митрополита, а Царь далъ ему панагію злату, украшену драгимъ каменіемъ и бисеромъ, мантию бархатну со источники и клобукъ бѣлъ шелковый. (5)

Неизвѣстно, какому лицу и времени принадлежала изображенная здѣсь старинная Святительская панагія, украшенная финифтяными узорами и драгоценными камнями и жемчугомъ. Этотъ ненадписанный памятникъ также находится въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора.

(5) Древняя Россійск. Вивліоенка. VI, 156.

ЯНТАРНЫЙ ПОСОХЪ
ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА.

(Зисунокъ Омд. I. № 106.)

Между Великокняжескими и Царскими посохами въ Оружейной Палатѣ находится янтарный посохъ Патріарха Филарета Никитича, присланный къ нему въ 1632 году Курляндскимъ Герцогомъ Іаковомъ. Этотъ знакъ уваженія Герцога къ Патріарху относится къ тому времени, когда Курляндія вошла въ сношенія съ Россією. Послѣ кончины Патріарха Филарета, посохъ этотъ поступилъ въ число Царскихъ сокровищъ.

Посохъ этотъ, составленный изъ янтарныхъ штукъ, украшенъ искусною рѣзьбою въ Нѣмецкомъ вкусѣ.

ПАРАМАНДЪ,
ПОЯСЪ И ЧАШЕЧКИ,
НАЙДЕННЫЯ ВЪ ГРОБѢ ВЪ ЦЕРКВѢ СПАСА НА БОРУ.

(Рисунки Оуд. I. № 107.)

Въ притворѣ Кремлевской дворцовой церкви Спаса на Бору, гдѣ съ XIV по XV вѣкъ былъ монастырь, открыты въ 1836 г. при передѣлкѣ стѣнокъ, подъ каменнымъ помостомъ два каменные гроба, покрытые такою же плитою; одинъ у южной, другой у сѣверной стѣны со входа. Въ первомъ найдено еще нестлѣвшее тѣло въ широкомъ шелковомъ платьѣ съ широкими рукавами, палеваго цвѣта; голова его, сохранившая кожу и волосы, покрыта шелковымъ убрусомъ. Въ ногахъ у него лежала берцовая кость и чашечка глиняная, муравленая. Въ другомъ гробѣ открытъ полунстлѣвшій оставъ, судя по краткости бедренныхъ костей и тазовому выгибу позвоночнаго столба, женскій. Кости сохранили свое естественное положеніе до того, что руки остались сложенными, только голова, отдѣлившаяся отъ туловища, лежала поодаль, вѣроятно, отъ того, что истлѣло изголовье, на коемъ она покоилась. На груди у него былъ кожаный парамандъ, съ ремешками; чресла его обнималъ такой же поясъ. Въ ногахъ лежала глиняная чашечка, какъ и у другаго, муравленая, и остатки кожаныхъ сандалій.

Безъ сомнѣнія, тѣла сіи погребены тогда, когда еще Спасопреображенскій Княжескій монастырь служилъ усыпальницею не только своихъ настоятелей и монаховъ, но, какъ увидимъ далѣе, Князей и Княгинь, ко-

гда они въ немъ принимали предсмертное постриженіе, а нѣкоторые изъ нихъ проводили здѣсь остатокъ жизни въ келейномъ уединеніи.

Каменные гробы окладомъ своимъ похожи на открытые въ Кіевѣ, старой Рязани и другихъ мѣстахъ Россіи. Подобно Египетскимъ, они обхватываютъ голову, туловище и ноги человека, какъ бы влагалница. Впрочемъ окладъ, или форма гробовъ былъ въ древней Русѣ не всегда одинаковъ; потому что находили каменные гробы, высѣченные изъ цѣльнаго бѣлаго камня, на подобіе ящика, или трапеціи, какъ напр. гробъ В. К. Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. По указанію лѣтописей, въ каменные раки не рѣдко вкладывались деревянные гробы, или *колоды, ковчегъ, корсты, буды*. (1) Случалось, что въ гробъ отпадала дѣтей. Тѣло Владимира Васильковича философа, 1287 г. «положиша въ отиѣ гробѣ.» (2) Хотя, по принятому обычаю, въ древности у Русскихъ погребали усопшихъ въ самый день ихъ кончины, до захожденія солнца: [«то бо послѣднее солнце «видятъ до общаго Воскресенія;»] но, если не готова была каменная рака, то погребеніе отлагали до другаго дни, какъ то случилось—было съ тѣломъ Князя Давида Святославича. (3) Такой гробъ замазывали. (4) Надъ могилами Князей и Княгинь въ церквахъ обыкновенно ставили каменные гробницы, или надгробницы съ покровами и выносными образами, предъ которыми горѣла неугасимая свѣча, чтобы «память родителей не угасала.» (5) Это называлось, говорить лѣтопись, «послѣднюю службу сотворить родителямъ «своимъ.» Поминаніе считалось священною обязанностию въ день кончины и тезоименитства усопшихъ, и въ родительскія субботы. Тогда ставили на гробъ ихъ кутью, служили панихиды и заупокойныя обѣды; со двора давали на братію колачи, рыбу и квасы—и у Спаса на Бору, гдѣ Іоаннъ Калита кормилъ и одѣвалъ убогихъ, раздавали нищимъ милостыню по душѣ поминаемыхъ—и въ притворѣ храма надъ Княжескими гробами или въ боковой трапезѣ творилось заупокойное учрежденіе для иноковъ. Гробы родительскіе для дѣтей были жертвенниками обѣтовъ; *у отиѣ гроба* они заключали союзы, *утверждались между собою* клятвою, какъ будто предъ живымъ *послухоу*; на сырной недѣлѣ

(1) Карамз. II. Г. Р. III, пр. 23. Евхологіонъ, або молитвословъ, или Требникъ, напеч. въ Кіевѣ Митрополитомъ Петромъ Могилою. 1646 г. въ десть.

(2) *Патрисевская лѣтоп.* подъ 1283 годомъ.

(3) Карамз. II. Г. Р. IV, пр. 265.

(4) тамъ же II. Г. Р. II, пр. 228.

(5) см. ст. о воцанницахъ.

и отправляясь въ походъ, они приходили прощаться, въ первый день Пасхи—христосоваться. Такова была святыня гробовъ родительскихъ, вѣрен-ная не внутренности храма Преображенскаго, гдѣ опочиваютъ св. мощи Свя-тителя Пермскаго Стефана, но притвору его. Издревле, притворъ церковный, какъ въ Царьградѣ, такъ и на Руси служилъ усыпальницею Княжеской; потому что на Востокѣ, отъ первыхъ вѣковъ, не дозволялось никого погребать во внут-ренности храма. Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуесть намъ, что «сынъ «Константина Великаго вмѣнилъ за особенную честь, что отца его похо-«ронили при входѣ въ храмъ. Что дверники въ Царскомъ дворцѣ, говорятъ «онъ, то Цари во гробѣ у храма.» На такомъ основаніи, притворъ Преоб-раженской церкви опредѣленъ былъ для погребенія Московскихъ Князей и Княгинь, которыхъ гробы лежатъ въ землѣ подъ каменнымъ помостомъ. Но надъ ними давно уже нѣтъ надгробницъ. Вѣроятно, онѣ разрушены, или самыя гробы опущены въ землю тогда, когда Поляки, занимавшіе Кремль около 19 мѣсяцевъ, по словамъ Аврамія Палицына, искали въ могилахъ сокровищъ.

Къ сожалѣнію, на самыхъ гробахъ и на утваряхъ нѣтъ надписанія именъ, кои могли бы для насъ разоблачить тайну могилы. Древніе Синодники, куда вно-сились для поминовенія имена здѣсь погребенныхъ, истлѣли въ пожарахъ. Одиѣ безгласныя кости, одиѣ безъимянные знаки ихъ сана не скажутъ намъ, кому и когда они принадлежали. Но, къ счастью, лѣтописи сохранили намъ имена Великихъ Князей и Княгинь, погребенныхъ въ притворѣ этого храма. Въ 1393 году, здѣсь положенъ юный сынъ В. К. Дмитрія Донскаго Іоаннъ, въ иночествѣ, Іоасафъ подлѣ гроба бабы своей, Княгини Александры Княжь Ивановны, вдовы В. К. Іоанна Іоанновича, скончавшейся 1364 года. Здѣсь гробы Великой Княгини, инокини Елены, ум. 1332 г. первой супруги В. К. Симеона гордаго, Маріи, и второй его супруги Анастасіи Литов-ской, ум. 1345 г. В. К. Марія, разведенная съ супругомъ своимъ, при-нявъ ангельскій образъ съ именемъ Θεοτινίη, пребывала въ этомъ мо-настырѣ до блаженной кончины своей, которая постигла ее, спустя 46 лѣтъ послѣ супруга ея. Тѣло ея положено въ монастырѣ у Спаса на Москвѣ 1399 г. Марта 31; но, 1473 г. вѣроятно, при возобновленіи церкви, «обрѣтена въ тѣлѣ неврежена ни чѣмъ, только ряса истлѣла.» (6) Великій Князь Іоаннъ III, призвавъ благочестивую Игуменью Алексѣевскую Уліану, повелѣлъ ей облечь мощи прабабки своей «во всѣ новыя ризы монашескія.»

(6) Софійскіи временникъ. I, 423. II, 140.

И такъ, если это не останки юнаго инока Іоасафа, сына Донскаго, то должны быть мощи Θεοτηνία, сохранившія на себѣ невредимо священные знаки иноческаго сава,—парамандъ и поясъ, такъ равно свидѣтельство елеосвященія—скудельный сосудецъ.

По своему отношенію къ церковной Археологіи, сіи древнія св. утвари заслуживаютъ особенное вниманіе.

Извѣстно, что парамандъ, *παράμανδύ*, или *απαλαβή*, возлагается при постриженіи въ монашество; обыкновенно, его прикрѣпляютъ крестообразно шнуромъ между раменами. Симвъ священнымъ убрусомъ закрывали лице усопшему иноку. У Гоара такъ описанъ сей знакъ монашескаго образа: «парамандъ « есть четвероконечный лоскутъ, длиною въ одну пядень, который посред- « ствомъ длинныхъ шнуровъ прикрѣпляется къ рукамъ и плечамъ. На немъ « обыкновенно изображаются знаменія страстей Спасителя, крестъ большой « съ четырьмя меньшими по сторонамъ и съ словами: ΙC ΧΡ ΝΚ, т. е. Іисусъ « Христосъ побѣдилъ.» Таковы параманды, доннынѣ употребляемые иноками и устроиваемые обыкновенно изъ бумажной, шерстяной или шелковой ткани. Но изображенный на эстампѣ парамандъ, какъ мы замѣтили, кожаный, хорошо сохранившійся, длиною $4\frac{3}{4}$, а шириною 3 вершка. Изъ кожи они дѣлались согласно съ толкованіемъ Симеона Θεσσαλονίκіа, который говоритъ: что « Апалавъ изъ кожъ животныхъ за мірскихъ умерщвленіе, отъ раменъ спреди « крестовидно и создаи знаменіе креста имущій, паче же самый изображающій « крестъ.» (8) Въмѣсто креста, вытиснутые XII господскихъ праздниковъ съ надписями представлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Благоуѣщеніе, Превращеніе, Рожьтко Х҃ко, Распятіе Х҃ко, Встрѣненіе Х҃ко, Воскресеніе Х҃ко, Крещеніе Х҃ко, Взнесеніе Г҃іе, Воскресеніе Лзѣро, Шѣткѣ Дх҃а ст҃го, Вх҃дъ къ Іерусалимъ, Успеніе ст҃г Б҃г҃іи.

Замѣчательно, что въ числѣ праздниковъ, здѣсь изображенныхъ, находится такіе, какіе не вошли въ составъ господскихъ, доннынѣ принимаемыхъ Православною Россійскою Церковію, напр: Распятіе Господне и Лазарево Воскресеніе; за то нѣтъ такихъ, какіе теперь причислены къ дванадесятымъ напр. Воздвиженіе честнаго креста, Введеніе и Рождество Богородицы. Это показываетъ, что въ XIV вѣкѣ отечественная Церковь наша принимала тѣ же господскіе праздники, какіе показаны у Никифора Каллиста, жив-

(7) Euchologion, s. rituale Græcorum, auct. I. Goar.

(8) Новая Скрижаль, изд. 4, Москва, 1816, въ 4.

шаго въ томъ же вѣкѣ. Онъ излагаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Благовѣщеніе, Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, Преображеніе, Лазарево Воскресеніе, Входъ во Іерусалимъ, Распятіе, Воскресеніе, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа и Успеніе Пресв. Богородицы. (9) Съ росписаніемъ праздниковъ у Каллиста согласно изображеніе ихъ на парамандѣ, найденномъ въ гробѣ у Спаса на Бору.

На кожаномъ поясѣ вытиснуты тѣ же праздники, что и на парамандѣ. Напоминая плочу пояса *усмешный* Предтечи, по словамъ св. Германа, онъ знаменуетъ умерщвленіе плоти и возобновленіе духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовность на всякое доброе дѣло.

Кромѣ вещества и значенія этой утвари, замѣчательнъ въ ней способъ тисненія. На ней вытиснуты выпукло изображенія и надписи посредствомъ мѣдной доски, на коей онѣ вырѣзаны были вглубь. Такое дѣло походитъ на печатаніе неподвижными буквами; отъ него сдѣланъ переходъ къ оттискамъ гравированныхъ досокъ и къ печатанію подвижными буквами. Въ дѣлахъ о пожарѣ Московскомъ 1737 г. упомянута «старая доска мѣдная, что печатають кожи.»

Не оставимъ безъ вниманія и двухъ скудельныхъ сосудовъ, лежавшихъ въ гробахъ. Они не одинакой величины и сдѣланы искусно изъ глины, муравленные; одинъ грановитый, желтоватаго цвѣта, другой гладкой, зеленоватой. Значеніе ихъ такое же въ чинѣ отпѣванія, какое у Грековъ *κανθήλα τοῦ εὐχελαίου*. (10) Послѣ отпѣванія усопшаго, наполнивъ ихъ оставшимся отъ елеосвященія масломъ съ краснымъ виномъ, пзливали его на покойника, а самый сосудецъ клали ему во гробъ.

Описанныя нами утвари осматривалъ Государь Императоръ Николай I, столь внимательный и благоговѣйный къ отечественной древности и святынь. Найденныя въ гробахъ бывшимъ придворнымъ Протоіереемъ, а нынѣ Протопресвитеромъ У. С. Василіемъ Иван. Платоновымъ, онѣ хранятся въ алтарѣ у Спаса на Бору.

Наконецъ нельзя не пожелать, чтобы на стѣнахъ притвора выставлены были доски, съ именами погребенныхъ здѣсь Князей и Княгинь.

(9) Дни богослуженія Православной Греко-Россійской Церкви. Спб. 1837, вѣ 8.

(10) Handbuch der christl. Archäologie, von D. Augusti, III, 554.

ПАНАГІЯ ПАТРІАРХА ІОАСАФА.

(Рисункъ ^тОмд. I. № 108.)

Между Великокняжескими и Царскими регаліями въ Оружейной Палатѣ находится и Патріаршая панагія, прекрасная по работѣ и драгоцѣнная по матеріаламъ. Лицевую ея сторону украшаетъ оправленный въ золото камей изъ большаго хризопраза, на коемъ вырѣзанъ образъ Успенія Богоматери, храмовой Патріархіи. Греческая надпись: *ἡ κοίμησις τῆς ὑπεραγίας Θεοῦ*, (1) обнаруживаетъ Греческое издѣліе, которое Московскимъ художникомъ вставлено въ панагію, украшено драгоцѣнными камнями и финифтью, ознаменовано Русскими надписями. Съ обратной стороны открывается половника, на коей наведены чернью слѣд. надписи, крестообразно размѣщенные: и мощи святаго мученика Евстаѳа, Плакиды, святаго мученика Меркурія, Преподобнаго Александра Свирскаго, Великомученика Пантелеймона. « Въ срединѣ читаете: *Лѣта 7580, повелѣніемъ Великаго Госпда Святѣйшаго Іоасафа Патріарха Московскаго ꙗже всѣа Росіи здѣлана ѿа панагѣа.* » Годъ (1671) показываетъ, что она принадлежала седьмому Патріарху Московскому Іоасафу II, хиротонисанному изъ Архимандритовъ Троицко-Сергіевы лавры 1667 года, Декабря 29 и скончавшемуся 1672 года, Февраля 17. Непзвѣстно только, по какому случаю, этотъ знакъ Святительства поступилъ въ Оружейную Палату, вмѣсто Патріаршей ризницы.

(1) т. е. Успенія Пресвятыя Богородицы.

ПАНАГІИ ПАТРІАРШІЯ.

(Рисункъ Омд. I. № 109, 111.)

Патріаршія панагін наминають намъ знаки Святительскаго отличія; по первоначальному своему происхожденію и употребленію, онѣ совершенно имѣли различное знаменованіе и назначеніе. Начало панагін относится къ Апостольскимъ временамъ. Древнее преданіе, какъ отголосокъ первенствующей Церкви, сообщаетъ намъ слѣдующее: « по вознесеніи І. Христа, Апостолы всегда оставляли за трапезою незанятое мѣсто въ память небеснаго своего Учителя, который въ Св. Писаніи именуется *хлѣбомъ жизни*, (1) и на убрусѣ выше трапезы полагали хлѣбецъ, » иже хотяше « Спасъ снѣсти, егда плотию пребываше. » (2) Предъ окончаніемъ трапезы, они съ благодареніемъ Богу возносили этотъ хлѣбъ, называвшійся *частию Господней*, и славили великое имя Пресвятыя Троицы. Когда же въ Гевсиманіи, по успеніи Богоматери, необрѣтенной во гробѣ, они, по обыкновению, вознесли съ славословіемъ Пресвятыя Троицы, *часть хлѣба, отложеннаго для Господа*, въ это самое время внезапно явилась на воздухѣ Божія Матерь въ сонмѣ Ангеловъ и привѣтствовала ихъ словами: « радуйтесь! Я съ вами есмь во вся дни! » Обрадованные Апостолы единогласно воскликнули: « Пресвятая Богородица, помогай намъ! » (3) Такое от-

(1) *Исходъ*. XVI, 15. *Іоанна Еванг.* VI, 35.

(2) Повѣсть о воздвиженіи Пречистыя Богородицы хлѣба въ полномъ собраніи твореній Максима Грека списокъ съ списка 1763 г. въ л. въ библиот. *И. И. Царскаго*. № 244.

(3) Чинъ о панагін, бываемый въ обителяхъ по вся дни. См. *Слѣдов. Псалтырь*. *Euchologion, sive rituale Græcorum, opera Iac. Goar, ed. II, Venetii, 1730, f.*

радное видѣніе и воззваніе послужили для нихъ свидѣтельствомъ о возстаніи изъ гроба и вознесеніи на небо Богоматери, съ тѣмъ вмѣстѣ освященіемъ трапезнаго ихъ воспоминанія. Завѣтное преданіе объ этомъ было основаніемъ къ учрежденію въ нѣкоторыхъ Греческихъ лаврахъ, особливо въ Аѳонской горѣ, а наконецъ, по примѣру ихъ, и въ нашихъ отечественныхъ монастыряхъ, священнаго, знаменательнаго обряда—возношенія за трапезою благословеннаго хлѣба въ честь Богоматери. Отъ Пресвятаго ея имени хлѣбъ сей именовался *панагією* т. е. пресвятою, а складной ковчежецъ, куда онъ влагался, *панагидіонъ*. Въ послѣдствіи названіе содержимаго дано содержащему, и въ общемъ употребленіи *панагія* принимаема была, вмѣсто панагіара, на коемъ изображался ликъ Богоматери и св. Троицы. Чинъ панагій обыкновенно совершается въ концѣ трапезы, болѣе въ праздники. По данному знаку колоколомъ или бѣломъ, всѣ встаютъ и, по молитвословію, возносятъ сію панагію съ возглашеніемъ: «Пресвятая Богородица, помогай намъ!» потомъ раздробивъ этотъ хлѣбъ, раздѣляютъ его присутствующимъ. За тѣмъ иногда предлагалась такъ называемая *чаша Богородичная*, или *Пречистыя*. Для сего употребляемы были: чаши, братины, красовули и фіалы, а изъ напитковъ: медъ или красное виноградное вино, растворенное водою.

Впрочемъ не только за монастырскими трапезами, но и за столами Византійскихъ Императоровъ отправлялся чинъ панагій, какъ видѣли выше изъ приведеннаго сказанія Георгія Кодина, Византійскаго писателя XV в. Комментаторъ его присовокупляетъ, что обрядъ этотъ также совершался народомъ въ церквахъ и домахъ.

По примѣру Византійскаго двора, завѣтный этотъ обрядъ, какъ выше замѣчено, совершался при торжественныхъ столахъ у Московскихъ Государей и Патріарховъ. Такъ за Царскими столами въ золотой Палатѣ 1619 и 1642 годовъ, по случаю поставленія Патріаршаго, Святитель «дѣйствовалъ надъ Богородичнымъ хлѣбомъ.» На праздничные, родильные и именинные столы у Государя, Патріархъ шелъ въ преднесеніи св. иконъ и панагіара; но промежду Патріаршества не износили панагіара. (5) Чинъ панагій совершаемъ былъ за Патріаршими столами въ праздникъ Пасхи, въ память Первосвятителя Петра, въ память Митрополитовъ и Патріарховъ Московскихъ, въ день Успенія Богоматери, когда

(4) G. Codini de offic. Constant. VII, 23.

(5) Древн. Росс. Визліюенка. XV, 187.

Царь приглашаемъ былъ Святителемъ «хлѣба кушать въ дому Пречистыя Богородицы,» т. е. въ Патріаршей столовой палатѣ. За такими столами предлагались чаши съ возношеніемъ имени: *чаша Петра Митрополита*, какъ первопрестольника, *чаша Царская* и *Патріаршая*. Два столовые панагіара или панагін, теперь хранятся въ Московской Патріаршей ризницѣ; одна изъ нихъ значится въ описи 1658 года: «панагеа серебряная, походная на «чѣмъ вынимають хлѣбъ богородиченъ.» (6) Находящійся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ серебряный панагіаръ, 1436 года, названъ въ церковной описи *панагіею артосною*. (7) Какимъ же образомъ сія трапезная утварь обратилась въ знакъ Іераршескаго сана, Митрополитъ Гавріилъ Петровъ такъ объясняетъ: «Какъ настоятели обителей возлагали на себя за трапезою ковчежецъ съ богородичнымъ хлѣбомъ; то, по примѣру сихъ панагіаріевъ, Патріархи и Архіереи стали носить на себѣ иконы тѣхъ Святыхъ, во имя которыхъ освящены престольные ихъ храмы; тѣмъ болѣе, что къ присвоенію себѣ панагін Архіереями служило основаніемъ и то, что они были вмѣстѣ настоятелями монастыря въ своей Епархіи.» (8) Такія наперсныя иконы Епископовъ въ Греческихъ чиновникахъ названы общимъ именемъ *ἐγκόλπια*, *панѣдрениками*, а въ Россіи особенно *иконами воротными*, *вратными*, т. е. наперсными и *панагіями*. При поставленіи Митрополита Всероссійскаго, икона вратная золотая возлагалась на него первенствующимъ Архіереемъ, (9) а при поставленіи перваго Патріарха Московскаго, Царь, по свидѣтельству Арсенія Елассонскаго, собственными руками возложилъ на него панагію съ золотою цѣпочкой (*elegantissimum encolpion ex aureo pendens funiculo*), какъ подтверждаетъ и самая надпись на этой панагін, хранящейся въ Московской Патріаршей ризницѣ.

Анастасій въ комментаріяхъ на дѣянія VIII собора говоритъ, что «крестъ съ честнымъ (*pretioso*) древомъ, или съ мощами Святыхъ, носимый на груди, называется *енколпиемъ*, или панѣдреникомъ. «Въ дѣяніяхъ Святыхъ при св. Папѣ Львѣ III упомянуто о золотомъ панѣдреникѣ, коего одна сторона изъ кристалла, а на другой литое изображеніе. Крестъ наперсный

(6) Списокъ съ переписной Патріаршей домовой казны, 7166 г. N 543.

(7) см. выше стр. 84—86, Артосная панагія въ Спискѣ Русскимъ памятникамъ, II. Кеннепа, М. 1822, въ 8.

(8) О служеніи и чиновложеніяхъ Православ. Греко-Росс. Церкви, М. 1792. Ср. Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій (М. Евгенія), Спб. 1804. въ 4.

(9) Акты Археограф. Экспедиціи, I.

завѣщанный св. Петромъ Митрополитомъ Іоанну Калитѣ и возлагавшійся на Государей Россійскихъ при вступленіи ихъ на престолъ, не представляетъ ли доказательства, что первосвятители тогда носили на себѣ крестъ.

До Московскаго собора 1675 года и по его опредѣленію, Архіепископы и Епископы въ своихъ Епархіяхъ могли надѣвать на себя при служеніи крестъ, или панагію; однимъ только Патріархамъ, или Митрополитамъ предоставлялось право носить на себѣ крестъ и панагію. Но въ послѣдствіи Патріархи Московскіе стали возлагать на себя по двѣ панагіи съ крестомъ. (10)

Такимъ образомъ панагія получила особенное назначеніе въ порядкѣ Іерархическомъ, какъ Архіерейское отличіе, которое потомъ предоставлено было даже Архимандритамъ нѣкоторыхъ ставропигіальныхъ монастырей. Соотвѣтствуя Судному Слову ветхозавѣтной Церкви, она замѣнила панерсное украшеніе, которое состояло изъ убруса съ XII самоцвѣтными камнями различнаго рода и съ именами XII колѣнъ Израильскихъ. (11) Нѣкоторыя изъ Патріаршихъ панагій, болѣею частію, состоятъ изъ камней, украшавшихъ Слово Судное, каковы были: сардій, топазій, смарагдъ, ахатъ, амеистъ, хрисолитъ, вирилій и опикій. (12) Подобно какъ Слово Судное, выражающее истину и явленіе, служило Первосвященнику орудіемъ отвѣтовъ вопрошающимъ о волѣ Божіей: (12) такъ, вѣроятно, и панагія, при избраніи Всероссійскихъ Митрополитовъ и Патріарховъ, назначалась вмѣстительствомъ жребіевъ. Тогда заключивъ въ нее три жребія, ставили ее въ кіотѣ на пеленѣ предъ чудотворною иконою Владимирскія Богоматери въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ молебна, вынявъ одинъ жребій, представляли его Царю. (13) На это употреблялась складная панагія древнихъ Святителей.

Въ панагіяхъ Архіерейскихъ заключались мощи Святыхъ, иногда часть древа Господня и даже онѣ служили дароносицей, или хранилищемъ св. Таинъ. Изъ Твореній Св. Отцевъ и житія Благовѣрнаго Князя Михаила Черниговскаго видно, что въ напутствіе отправлявшимся въ дальное и опасное странствованіе вручаемы были запасные дары, (14) кои, вѣроятно,

(10) Исторія Росс. Іерархіи, I.

(11) Начертаніе Церковно-библейской Исторіи. М. Филарета. изд. 4. Спб. 1827, въ 8. I. Jahni Archaeologia biblica, Vienna. 1814, въ 4.

(12) Исхода XXVIII, 18 и 19.

(13) Древн. Росс. Визвлюшка, VI, 231—240.

(14) Св. Василія Великаго письмо 289 къ Кесарію и Амвросія Медиол. и Сочійск. Брем. I, 294.

заключались въ складныхъ панагіяхъ. (15) Подобную сему путевую панагію Патріарха Никона можно видѣть въ ризницѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря.

Въ описяхъ Патріаршей казны панагіи раздѣляются на *столовыя, походныя, путныя и вратныя*, или наперсныя; (16) первыя составляли складни, или панагіары, на одной половинѣ ихъ изображалась Пресвятая Троица, а на другой Воплощеніе, или такъ называемое Знаменіе Пресвятой Богородицы, вѣроятно, потому, какъ говоритъ Симеонъ Солунскій, что «чрезъ божественное Рождество мы Троицу познахомъ»; вторыя были глухія съ изображеніемъ то Преображенія Господня, то Благовѣщенія и Успенія Богоматери и другихъ Святыхъ; на панагіи, присвоиваемой св. Петру Митрополиту, видѣнъ ликъ св. Пророка Давіида.

Наконецъ панагіею называемы были и малые образа съ мощами и безъ мощей, коими замѣнялись тѣльные кресты и привѣшивались къ мѣстнымъ и домовымъ иконамъ. Патріархъ Іеремія поднесъ Царю Θεодору Іоанновичу панагію золотую съ мощами, а въ ней крестъ отъ животворящаго древа и кровь Христова, да часть ризы Господней и пр. а Царичѣ Иринѣ панагею золоту, а въ ней камень, а на камнѣ образъ св. Марины. (17)

Приложенная здѣсь панагія, золотая, по описи казны Патріаршей, принадлежала Патріарху Филарету Никитичу. На вставленномъ въ срединѣ ея четырехслойномъ агатѣ, или такъ называемомъ переличтѣ, вырѣзанъ рельефомъ образъ Божіей Матери Воплощеніе. Пресвятая Дѣва, стоящая, съ Превѣчнымъ младенцемъ на лонѣ ея. Вокругъ образа обнизано въ двѣ пряди жемчугомъ, въ возглавіи крупный яхонтъ; на обратной сторонѣ по золоту вырѣзано Богоявленіе Господне. Хотя изъ описи келейной казны Патріарха Филарета видно, что двѣ панагіи съ камнями привезены ему Турскимъ посломъ Осмою Кантакузиннымъ; но работа описываемой нами, отчетливая, искусная, по видимому, дѣло не Греческое, а Московское, какое нерѣдко выходило изъ рукъ мастеровъ Царскаго и Патріаршаго двора.

(15) О возношеніи панагіи, егда хочетъ кто на куплю отыти, въ Стратискомъ Молитвенникѣ или Требникѣ, изъ друкария Пана Θ. Ю. Балабана, 1606, въ 4.

(16) Книга списокъ съ переписной Патріаршей казны, 1766 г. N 543.

(17) Карамз. II. Г. Р. X, пр. 198.

**ПАНАГІЯ ВЪ АРХІЕРЕЙСКОЙ РИЗНИЦѢ
ВЛАДИМИРСКАГО РОЖЕСТВЕНА МОНАСТЫРЯ.**

(Рисункъ Омд. I. № 410.)

Среди св. утварей, изъ разныхъ вѣковъ, въ Архіерейской ризницѣ Владимірскаго Рожественна монастыря находимъ Святительскую серебряную, вызолоченную панагію XVII вѣка. Она достопамятна, сколько богатствомъ украшеній, столько же искусствомъ работы. Въ срединѣ ея вставленъ камей изъ оникса мутно-лиловаго цвѣта съ зеленоватыми полосками, изображающій Спасителя; вокругъ его въ клеймахъ лики XII Апостоловъ, въ томъ числѣ четырехъ Евангелистовъ подъ видомъ Ангела, Орла, Льва и Тельца. На возглавіи вычеканенъ образъ Спаса Нерукотвореннаго. Какъ вокругъ камей, такъ и ободка насажены въ гнѣздахъ винисы, хризопразы, изумруды и жемчужины. На обратной сторонѣ, вокругъ креста идетъ въ четыре ряда слѣдующая надпись, которая указываетъ намъ не только годъ, но и соорудителя этой утвари. Мы ее предложимъ здѣсь по снимку Г. Солнцева: « лѣта 7344, Номбра кз кз день, при дѣржаніи кѣговѣрнаго Црѣ і великаго Кнѣзѣ Мнхана Ѳеодорокича всеѣ Рѣсін ѿ при Сѣѣишемихъ Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ Моисеиновичѣ і всеѣ Рѣсін по повелѣнію ѿхъ Гѣрикаго вогомольца Верейскаго Митрополита Ѳверкіѣ. » Панагія сія относится къ тому времени, когда Владимиръ съ Лухомъ и Гороховцемъ были городами Патріаршей области. (1) Въ 1624 г. Архіепископомъ Суздальскимъ и Тарусскимъ въ исторіи Іерархіи показанъ Іосифъ, а преемни-

(1) Собраніе Госуд. грамотъ. III, 231

комъ его съ 1634 г. Серапіонъ. Остается между правленіемъ того и другаго десятилѣтіе, никѣмъ не занятое. (2) Чтожъ касается до Митрополита *Верейскаго* Аверкія, то Епархіей его была или *Верія* въ области Константинопольскаго Патріарха, или Сирскіи Алепо, въ древности называвшіися *Веріей* и въ послѣдствіи принадлежавшіи къ Цареградскому Патріархату. Такъ въ числѣ Митрополитовъ Восточной Церкви, подписавшихъ грамоту на поставленіе перваго Московскаго Патріарха Іова, находился *Варійскій* Митрополитъ Акакій. (3) По этому предполагать можно, что пріѣхавшій изъ *Веріи* Митрополитъ Аверкій, въ царствованіе Михаила Феодоровича, устроилъ сію панагію отъ щедротъ Царскихъ и Патріаршихъ. Статься можетъ, что Митрополиту *Верійскому* Аверкію предоставлена была Патріархомъ Филаретомъ въ управленіе Суздальская Епархія между 1624 и 1634 годами. Примѣръ тому былъ въ 1589 г., когда Владимиръ предлагали въ управленіе Цареградскому Патріарху Іереміи. (4) Если это такъ, то панагія оставлена Аверкіемъ на память въ ризницѣ Рождествена монастыря, гдѣ Владимирскіе Іерархи издревле имѣютъ свое мѣстопробываніе.

(2) Исторія Росс. Іерархія, I.

(3) Древняя Росс. Визліюенка. XVI, 129.

(4) Карамз. II. Г. Р. X, 119.

ЧЕТКИ, КРЕСЛА И СТОЛЬ

НИКОНА ПАТРИАРХА.

(Рисунок Огд. I. № 112.)

Въ пустынь, устроенной Никономъ Патриархомъ при Воскресенскомъ монастырѣ, Новомъ Иерусалимѣ, хранится памятникъ его смиренія въ напастахъ и простоты его келейнаго быта: креслы и осмигранный столъ съ выдвижными ящиками изъ сосноваго дерева; однѣ раскрашенныя по левкасу, а другой некрашеный. По видимому, этотъ столъ былъ писменный и вмѣстѣ трапезный. Вмѣстѣ съ церковными облаченіями и домашнею одеждою въ ризницѣ находятся его четки, выточенныя изъ кости, съ шелковою кистью.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

REPORT OF THE PHYSICS DEPARTMENT

FOR THE YEAR 1900-1901

BY THE PHYSICS DEPARTMENT

CHICAGO, ILL., 1901

PRINTED BY THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL., 1901

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL., 1901

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL., 1901

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL., 1901

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL., 1901

